„РУССКІЙ АРХИВЪ" БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ 1897 ГОДУ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896

10.

Стр.

Приложенъ портретъ Цесаревича Николая Александровича (Геліогравюра съ рѣдкой фотографіи).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1896.

НОВЫЯ КНИГИ.

Sofia Paleolog, nepóta Impĕratului Constantin XII Paleolog, si Domnita Olena, fiica Domnului Moldoveĭ Stefan-cel-Mare, de Alexandru Popadopol-Calimach. Analele Academieĭ Române, tom. XVII.

Изслѣдованіе Румынскаго ученаго А. Попадопуло-Калимаха, недавно появившееся въ послѣднемъ томѣ „Лѣтописей Румынской Академіи", касается весьма любопытнаго времени въ Русской Исторіи, а именно княженія Іоанна III-го. Въ первой половинѣ своего изслѣдованія, авторъ подробно разсказываетъ о политическихъ событіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ, послѣдовавшихъ за паденіемъ Константинополя. Затѣмъ онъ переходитъ къ описанію политическаго состоянія Московскаго княжества и политики папской по отношенію къ молодой Россіи, основываясь на цѣломъ рядѣ документовъ изъ Итальянскихъ и другихъ архивовъ. Софія Палеологъ выступаетъ передъ читателями съ чертами непривлекательными. Въ противоположность ей, Попадопуло-Калимахъ выводитъ, главнымъ образомъ на основаніи своей фантазіи, несчастную Елену, дочь Молдавскаго господаря Стефана Великаго, выданную за наслѣдника Московскаго престола Ивана Младого. Какъ извѣстно, бракъ этотъ окончился несчастіемъ: Иванъ Младой въ 1490-мъ году заболѣлъ камчугой и умеръ. Хотя сынъ Ивана и Елены Димитрій и былъ коронованъ въ 1498-мъ году, но черезъ четыре года Елену и Димитрія постигла опала, а наслѣдникомъ объявленъ Василій, сынъ Іоанна III и Софіи. Скоро и развѣнчанный Димитрій, и заточенная Елена умерли въ темницѣ. Все это было, по мнѣнію А. Попадопуло-Калимаха, дѣломъ властолюбивой Софіи, которая не могла перенести возвышенія кроткой, тихой княгини Елены и сына ея, мимо сына своего Василія.

Разсказъ А. Попадопула-Калимаха исполненъ трогательной грусти по поводу несчастной судьбы ни въ чемъ неповинной Молдаванки и малолѣтняго ея сына, сдѣлавшихся жертвой безжалостной, ненасытной въ честолюбіи и власти Гречанки, теперь Русской великой княгини Софіи. Самъ великій князь выходитъ довольно безцвѣтенъ, за то прекрасно и художественно нарисовано мощное лицо Молдавскаго господаря Стефана Великаго, народнаго героя, который до сихъ поръ живъ въ памяти и пѣсняхъ Молдаванъ.

Въ заключеніи авторъ говоритъ: „Великій князь Іоаннъ III просилъ прощенія у внука своего Димитрія. Тотъ простилъ его, когда услыхалъ его стоны, слезы раскаянія и сладкія слова: ты свободенъ! Но кто же могъ бы простить Іоанна III, въ этихъ тайныхъ волнахъ мытарствъ его души, въ смерти столькихъ невинныхъ?... Гремѣли пушки, гудѣли колокола въ Московскомъ кремлѣ. Въ церкви святого Архангела открывались подземные склепы. Великій князь, предъ которымъ летали головы виновныхъ и невиновныхъ, явился туда и искалъ отдыха для себя въ уголкѣ земли"...

Несомнѣнное желаніе представить Елену въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ было причиной того, что во всемъ изслѣдованіи мы ничего не находимъ о соучастіи Елены въ ереси Жидовствующихъ, которая процвѣтала при великокняжескомъ дворѣ, имѣя своими сторонниками дьяка Ѳеодора Курицына, Елену и сына ея Дмитрія, придворныхъ священниковъ и многихъ другихъ.

Какъ одинъ изъ крупныхъ недостатковъ изслѣдованія, слѣдуетъ отмѣтить незнакомство автора съ цѣнными трудами по Русской исторіи, появившимися послѣ Карамзина.

Цесаревичъ Николай Александровичъ

(Приложеніе къ воспоминаніямъ Ѳ. А. Оома).

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К°, Моск

ИЗЪ ДНЕВНЫХЪ ЗАПИСОКЪ В. А. МУХАНОВА [1]).

1856-й годъ.

23 Января. Къ Государю поступаетъ множество плановъ, проектовъ и записокъ о различныхъ преобразованiяхъ въ Россiи. Нѣкоторыя изъ нихъ привелось мнѣ читать. Одна записка составлена Аксаковымъ [2]), который доказываетъ исторически, что Русскiй народъ никогда не стремился къ принятiю участiя въ дѣлахъ государственныхъ и потому (по выраженiю не совсѣмъ правильному автора) не есть народъ государственный. Его потребность была другая: онъ желаетъ вполнѣ жить своею нравственной, христiанской жизнiю. При этомъ развитiи духовнаго начала, онъ не хотѣлъ ограниченiя въ своей жизни семейной и домашней. Постоянное благочестiе и вѣрное соблюденiе народныхъ обычаевъ, какъ драгоцѣнное наслѣдiе предковъ, составляли отличительныя черты народа. Цари Русскiе до Петра I-го благопрiятствовали развитiю жизни народной. Со времени Великаго Императора дѣло приняло другой оборотъ. Величiе Петра изумляетъ и, конечно, лѣтописи другихъ народовъ не представляютъ генiя, подобнаго нашему Великому; но Петръ наложилъ руку на народъ, на святилище жизни семейной, на все, чѣмъ дорожитъ въ человѣкѣ память его сердца. Все, чтó освятила древность, должно было сокрушиться подъ его желѣзною рукою. При царяхъ, не смотря на удаленiе народа отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла государственныя, въ важныхъ случаяхъ созывались земскiе соборы, которымъ предлагались на обсужденiе различные вопросы. Увлекаясь жаждою перемѣнъ, Преобразователь принуждалъ черезъ полицiю ходить въ ассамблеи, брить бороды, носить кафтанъ Нѣмецкiй и пр. Со времени его уже болѣе не созывались земскiе соборы. Переворотъ Петра разъединилъ сословiя: дворянство рѣзко отли-

[1]) Съ подлинной рукописи Владимира Алексѣевича Муханова, хранящейся въ Москвѣ, въ Музеѣ П. И. Щукина. П. Б.

[2]) Константиномъ Сергѣевичемъ. П. Б.

чается отъ народа. Вліяніе Запада, при направленіи, данномъ Преобразователемъ, все болѣе и болѣе ослабляетъ начало народное. Одинъ классъ земледѣльцевъ еще сохранилъ его неприкосновенно.

24 Января. Сочинитель Записки полагаетъ, что нынѣ земскіе соборы созывать невозможно, но думаетъ, что въ необходимыхъ случаяхъ полезно было бы совѣщаться съ сословіями по предметамъ, непосредственно до каждаго касающимся. Такъ, для торговыхъ вопросовъ призывать купцовъ, для хлѣбопашества—помѣщиковъ и пр. *). На счетъ народа предоставить лицамъ всѣхъ сословій полную свободу въ ихъ частной жизни, не стѣсняя ихъ никакими ограниченіями. Пускай всякій занимается дѣломъ по своей наклонности, живетъ, гдѣ заблагоразсудитъ, ѣздитъ куда хочетъ, одѣвается какъ ему вздумается и все это дѣлаетъ безпрепятственно, пока дѣйствія его не противны существующимъ узаконеніямъ. Вмѣшательство во внутреннюю жизнь народа, не принося никакой пользы правительству, производитъ неудовольствіе и даже негодованіе. Свободу слова и письма подчинить благоразумному контролю относительно вопросовъ, касающихся вѣры, верховной власти и нравственности, допуская во всякомъ случаѣ благонамѣренное сужденіе о всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ правительственныхъ и другихъ, относящихся до народнаго благосостоянія. Многое, что́ теперь неизвѣстно, откроется тогда, и каждому будетъ предстоять возможность объявить во всеуслышаніе, если онъ былъ жертвою злоупотребленія или недобросовѣстности.

25 Января. Въ Запискѣ Аксакова историческіе выводы правильны, есть благородство, прекрасная ревность къ искорененію зла и стремленіе ко благу; но, по замѣчанію Карамзина въ Запискѣ о Древней и Новой Россіи, ошибки геніевъ неисправимы, и невозможно измѣнить направленіе, данное Петромъ. Что же касается до совѣщанія съ сословіями, въ Положеніи Государственнаго Совѣта сказано, чтобы при обсужденіи законодательныхъ вопросовъ призывать спеціалистовъ. Гласность возможна единственно въ должныхъ предѣлахъ; а ввести ее, какъ желаетъ того авторъ, не только не полезно, но весьма опасно.

26 Января. Въ Іюлѣ 1853 г. принцъ Наполеонъ, впослѣдствіи участвовавшій въ Крымскомъ походѣ, былъ въ Штутгардтѣ. Извѣстно, что въ этомъ городѣ онъ получилъ воспитаніе на иждивеніи короля, который потомъ положилъ принцу ежегодную пенсію въ 10.000 гульденовъ. Въ 1848 году возникли смуты. Молодой Наполеонъ, увлеченный демократическими мнѣніями, оставилъ Штутгардтъ и принялъ участіе въ засѣданіяхъ Французскаго Народнаго Собранія, гдѣ между прочимъ

---

*) Мысль К. С. Аксакова во многомъ принята, какъ извѣстно. П. Б.

въ одно засѣданіе произнесъ слѣдующія слова: «Я долженъ просить прощенія у Бога въ присутствіи сего многочисленнаго собранія, что въ теченіе многихъ лѣтъ получалъ пенсію отъ тирана». Послѣ сего поступка онъ не смѣлъ въѣзжать въ Штутгардтъ; но желаніе видѣть мѣсто, гдѣ провелъ онъ столько лѣтъ и свидѣться со знакомыми, побудило его просить у короля разрѣшенія пріѣхать въ городъ, гдѣ протекли лѣта его юности. Послѣдовало разрѣшеніе. Принцъ отправился въ Штутгардтъ, гдѣ имѣлъ съ нимъ свиданіе князь Горчаковъ, занимавшій тогда мѣсто Русскаго министра при Виртембергскомъ дворѣ. «Мы желали союза съ Россіей и желаемъ его теперь. Мой двоюродный братъ и странный вашъ министръ *) при нашемъ дворѣ похожи на двухъ фарфоровыхъ собакъ, стоящихъ на каминѣ: ни слова одинъ другому, а только глядятъ въ глаза другъ другу. При такихъ отношеніяхъ трудно что-нибудь уладить. Подумайте, не удастся ли вамъ чтò устроить?» Принцъ упомянулъ о Вѣнскомъ трактатѣ, на чтò князь Горчаковъ рѣшительно объявилъ, что измѣнять карту Европы невозможно. Нашъ министръ отправилъ депешу къ гр. Нессельроде, отдавая отчетъ о бывшемъ свиданіи, настаивалъ на важности для Россіи союза съ Франціей и просилъ, согласно съ желаніемъ принца, скораго рѣшенія на счетъ изъявленныхъ послѣднимъ предложеній. Отвѣтъ пришелъ изъ Петербурга черезъ мѣсяцъ и когда его передали въ Парижъ, то оттуда не увѣдомили даже и о полученіи.

27 Января. Въ продолженіи нынѣшней зимы Лудвигъ Наполеонъ сталъ звать къ себѣ обѣдать каждый день одного изъ членовъ дипломатическаго корпуса, начиная съ Англійскаго посла. Такимъ образомъ очередь дошла до Саксонскаго министра барона Зебаха, зятя графа Нессельроде. Послѣ обѣда императоръ пригласилъ министра въ свой кабинетъ и, предложивъ ему сигарку, сказалъ: «Я пригласилъ васъ сюда (обѣдъ происходилъ въ Saint-Cloud), потому что здѣсь мы дальше отъ всякаго говора и толковъ. Не то въ Тюльерійскомъ дворцѣ: тамъ все замѣчаютъ, и всякое дѣйствіе или слово имѣетъ отголосокъ. Война продолжается, и льются потоки крови. Съ самаго начала я желалъ союза съ Россіей и протянулъ руку императору Николаю, но онъ нашелъ ее неопрятною. Мнѣ надлежало дать знать, съ кѣмъ имѣютъ дѣло и показать, кто я. Нынѣ я достигъ цѣли. Императоръ Александръ будетъ благоразумнѣе. Онъ благонравенъ, кротокъ и здравомыслящъ. Союзъ съ Англіей мнѣ и всей Франціи въ тягость; а союзъ съ Россіей, напротивъ, возбудилъ бы всеобщее сочувствіе. Я желалъ бы окончанія войны для спокойствія человѣчества и выгоды народовъ. Не

*) Николай Дмитріевичъ Киселевъ. П. Б.

хочу, продолжая войну, устраивать дѣла Англіи. Со стороны послѣдней не должно опасаться сопротивленія. Она будетъ дѣйствовать, какъ ей укажетъ сила вещей.»

28 Января. «Позволите ли мнѣ, государь, сказалъ министръ, довести ваши намѣренія до свѣдѣнія С.-Петербургскаго кабинета?»—«Начиная разговоръ съ вами, я имѣлъ это въ виду», отвѣчалъ императоръ. «Въ такомъ случаѣ я уѣду завтра утромъ въ С.-Петербургъ», сказалъ министръ. «Почему же не сегодня вечеромъ? Во всякомъ случаѣ, присовокупилъ Л. Наполеонъ, со стороны Франціи будетъ оказано Россіи во время переговоровъ всякое содѣйствіе.» Я забылъ упомянуть выше, что, говоря о неразумномъ съ нимъ обращеніи покойнаго Государя, императоръ сказалъ: «Русскій министръ въ Парижѣ былъ непонятный человѣкъ. Всякій разговоръ приводилъ его въ замѣшательство, изъ котораго онъ думалъ выйти посредствомъ упорнаго молчанія. Не знаю, точно ли онъ передавалъ мои желанія и требованія своему двору?» Тутъ императоръ всталъ. Министръ почтительно поклонился и вышелъ. Въ туже ночь онъ уже былъ на пути въ Россію.

29 Января. По пріѣздѣ Австрійскаго посланника графа Эстергази у Государя назначенъ былъ совѣтъ изъ слѣдующихъ лицъ: кн. Воронцовъ, графъ Орловъ, гр. Киселевъ, кн. Долгоруковъ, гр. Блудовъ, баронъ Мейендорфъ и В. Кн. Константинъ Николаевичъ. Когда члены съѣхались, Государь вышелъ въ совѣтъ; онъ былъ блѣденъ и разстроенъ. «Господа, сказалъ Императоръ, я васъ собралъ, потому что не могъ рѣшиться одинъ принять на себя такую большую отвѣтственность. Австрійскій дворъ прислалъ предложеніе (ultimatum), назначивъ срокъ для нашего отвѣта. Если мы не согласимся на эти предложенія, министръ будетъ отозванъ, дипломатическія сношенія прекратятся, и послѣдуетъ объявленіе войны; къ Австріи присоединилась Баварія. Король Прусскій пишетъ, что сохраняетъ прежнее расположеніе къ Россіи, но что ему нельзя будетъ бороться противъ желанія народа, когда начнется блокада Балтійскихъ портовъ. Получено свѣдѣніе о заключеніи тайнаго договора между Швеціей и западными державами; въ силу онаго весною предполагается высадить на берега Швеціи 80.000 Французовъ, чтобы дѣйствовать противъ Россіи. Такимъ образомъ вся Европа противъ насъ. Что̀ касается средствъ нашихъ къ продолженію войны, ограничусь слѣдующимъ: въ нынѣшнемъ году въ государственномъ бюджетѣ недочета 285.000.000 р. с.» Здѣсь, обратясь къ канцлеру, Государь сказалъ: «Графъ Нессельроде, прочтите бумаги, которыя подтвердятъ сказанное мною здѣсь.»

30 Января. Канцлеръ прочелъ депеши, письмо короля Прусскаго и копію съ тайнаго договора Швеціи. Императоръ пригласилъ кн. Во-

ронцова, какъ старшаго, изложить свое мнѣніе. «Дальнѣйшее сопротивленіе невозможно, сказалъ Воронцовъ, и благоразумнѣе, при нѣкоторыхъ пожертвованіяхъ, заключить миръ, чѣмъ продолжать истощать Россію войною, которой нельзя предполагать благопріятнаго исхода». В. Князь Константинъ Николаевичъ началъ такъ: «Всѣмъ извѣстно, до какой степени я былъ пылкимъ партизаномъ войны, но въ послѣднее время мысли мои по сему предмету совершенно измѣнились. Нынѣ думаю, что продолжать войну невозможно. Недавно посѣтилъ меня генералъ Бергъ, и вотъ свѣдѣніе, мною отъ него полученное. Сей генералъ обязанъ защищать береговую дистанцію на протяженіи 35 верстъ; онъ обратился къ военному министру съ требованіемъ Пексановскихъ орудій. Ему отвѣчали, что онъ можетъ получить не болѣе 35 и что ихъ надобно везти изъ Екатеринбурга». Здѣсь Великій Князь обратился къ военному министру для повѣрки сообщеннаго свѣдѣнія; министръ почтительнымъ наклоненіемъ головы подтвердилъ сказанное.

31 Января. В. Князь продолжалъ: «Когда непріятельскіе флоты подошли къ Свеаборгу и стали бросать бомбы, они сожгли городъ. Мы также открыли огонь, но черезъ 5 минутъ должны были прекратить его, ибо наши бомбы, не достигая непріятельскихъ судовъ, падали въ море. Количество штуцеровъ, хотя и значительно усилено, но не соотвѣтствуетъ потребности. Недостатокъ пороха, не смотря на всю дѣятельность нашихъ пороховыхъ заводовъ, очень ощутителенъ. Наконецъ, мы не имѣемъ ни одного союзника. При такихъ условіяхъ заключеніе мира необходимо и неизбѣжно, особенно если мы присовокупимъ еще обстоятельство, о которомъ сейчасъ слышали отъ Государя Императора, относительно состоянія нашихъ финансовъ, обстоятельство доселѣ мнѣ неизвѣстное».

1 Февраля. Пришла очередь гр. Блудова. Признавая побудительными къ заключенію мира причины, изложенныя Государемъ и Великимъ Княземъ, онъ полагалъ однако, что эта мѣра раздражитъ въ сильной степени общее мнѣніе. Тогда графъ Орловъ сказалъ, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, существующая противъ мира партія вовсе незначительна въ сравненіи съ партіей, которая желаетъ окончанія войны. Прочіе члены, раздѣляя вполнѣ мнѣніе о необходимости мира, объявили, что они согласны съ своими товарищами. Протоколъ былъ подписанъ, и члены выходили. По лѣстницѣ шелъ гр. Блудовъ; настигая бар. Мейендорфа, онъ остановилъ его слѣдующими словами: «Нечего сказать, хорошій миръ мы намѣрены заключить». Мейендорфъ съ живостью ему отвѣчалъ: «Я конечно не принадлежу къ Славянофиламъ, но полагаю, что каждый долженъ мужественно высказывать и поддерживать свое мнѣніе. Почему и вамъ слѣдовало изложить ваше

въ совѣтѣ согласно съ тѣмъ, чтó вы теперь говорите. Напротивъ, тамъ вы говорили другое и утвердили своею подписью не то, о чемъ ведете рѣчь въ сію минуту. Знаете ли, что это неблаговидно?» Блудовъ сталъ отвѣчать въ томъ же тонѣ, такъ что слѣдовавшіе за ними ихъ товарищи съ трудомъ развели горячившихся патріота и дипломата.

2 Февраля. К., принявъ участіе въ заговорѣ 1825 года, былъ приговоренъ къ ссылкѣ на каторжную работу. Вотъ разсказы его о заключеніи въ крѣпости, о путешествіи и пребываніи въ Сибири. Въ крѣпости онъ провелъ 13 мѣсяцевъ. Казематы расположены по обѣимъ сторонамъ корридора, по которому ходятъ часовые; два аршина съ половиною ширины и около четырехъ длины; на поверхности стоятъ кровать, столикъ и стулъ. Сперва замѣтна была сырость, но потомъ она исчезла. Въ началѣ не давали книгъ; въ послѣдствіи въ нихъ не отказывали, особенно въ сочиненіяхъ духовнаго содержанія. Не позволяли видѣться съ товарищами заключенія, но заключенные нашли способъ сообщаться посредствомъ пѣнія на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. На замѣчаніе часовыхъ, что напрасно поютъ, они отвѣчали: вреда отъ пѣнія нѣтъ, а оно сокращаетъ время, и ихъ оставляли въ покоѣ. Изъ Петербурга отправили пять телѣгъ; на каждой сидѣлъ приговоренный въ оковахъ, и при немъ жандармъ. Главный надзоръ надъ ѣдущими поручили офицеру фельдъегерскаго корпуса. Въ Ярославлѣ, когда пріѣхавшіе остановились у почтоваго двора, противъ церкви, для перемѣны лошадей, собрался народъ, привѣтствовалъ ссыльныхъ и началъ кричать «ура». Одинъ изъ жандармовъ, полупьяный, сталъ бить кричавшихъ. Тогда народъ раздражился на жандарма: удары посыпались со всѣхъ сторонъ, и ему угрожала бѣда, если бы убѣдительная настойчивость К. его не выручила *). Въ Сибири приговореннаго принимали съ хлѣбомъ и солью. Въ Читѣ поутру отдавался обыкновенно слѣдующій приказъ: «Спросить, кто желаетъ идти на работу». Желающіе отправлялись подъ прикрытіемъ цѣпи часовыхъ, изъ коихъ многіе несли трубки, кисеты съ табакомъ, книги, подушки и пр. Работа состояла въ томъ, что рыли землю, которую переносили съ одного мѣста на другое. Въ Читѣ ссыльные должны были провести годы каторжной работы; но такъ какъ работа была не тяжела, а они жили вмѣстѣ, то, послѣ продолжительнаго заточенія въ крѣпости и утомительнаго путешествія, пребываніе въ Читѣ приносило имъ нѣкоторое утѣшеніе.

---

*) Есть извѣстіе противоположное; именно въ Ярославлѣ народъ кидалъ мерзлою грязью въ декабристовъ, чтò дало поводъ Ѳ. И. Тютчеву къ стихамъ: „Народъ, чуждаясь вѣроломства, поноситъ ваши имена“. П. Б.

3 Февраля. До самой Сибири ссыльные ѣхали въ оковахъ, которыя только и снимались на ночь. По пріѣздѣ на мѣсто, въ Читѣ, по распоряженію начальства, цѣпи были съ нихъ сняты полковникомъ Александромъ Николаевичемъ Муравьевымъ, который былъ основателемъ тайныхъ обществъ и старался всячески приглашать и набирать въ нихъ молодыхъ людей. Бывши ума изворотливаго, онъ сохранилъ дворянство и чинъ, и хотя былъ отправленъ въ Сибирь, но скоро получилъ мѣсто сперва городничаго, а потомъ губернатора. Когда истекли годы работы, приговоренные были перевезены на поселеніе. К. пришлось ѣхать въ Минусинскъ, уѣздный городъ Енисейской губерніи. Тамъ не было моста черезъ рѣку, и народъ съ трудомъ переходилъ черезъ нее по доскамъ, которыя трепетали и грозили паденіемъ, а ѣздить черезъ рѣку было совершенно невозможно. К. построилъ на свое иждивеніе мостъ, стоившій ему до двадцати рублей серебромъ, чѣмъ снискалъ общую признательность. Ссыльный руководствовался правиломъ по возможности всегда оказывать другимъ пользу, никогда никѣмъ не пренебрегать и заимствовать отъ всякаго что нибудь доброе, ибо твердо былъ убѣжденъ, что нѣтъ человѣка, въ которомъ не было бы добраго свойства. Скоро его всѣ полюбили, и онъ сдѣлался предметомъ сочувствія жителей Минусинска. Недолго оставался К. въ Сибири; его перевели на Кавказъ. Грозно принятый главнокомандующимъ барономъ Розеномъ, онъ потомъ жилъ у него въ домѣ и получалъ съ его кухни свой обѣдъ. Въ послѣдствіи перевели его въ городокъ, котораго названія не припомню. Тамъ случилось однажды, что комендантъ пришелъ въ большомъ затрудненіи къ К. и просилъ его своимъ совѣтомъ вывести изъ бѣды. «Вотъ уже нѣсколько времени, какъ офицеръ съ пятью рядовыми пошелъ въ горы. На нихъ напали горцы, двоихъ убили, одного взяли въ плѣнъ, и только раненый офицеръ и рядовой спаслись. Долѣе скрывать этого нельзя, быть бѣдѣ офицеру, а можетъ быть и мнѣ, когда не донесу».—«А почему не представить дѣло въ такомъ видѣ, чтобы вмѣсто бѣды имѣло оно счастливое послѣдствіе? Поручите мнѣ написать бумагу». Комендантъ принялъ предложеніе съ признательностью.

4 Февраля. Содержаніе бумаги было слѣдующее. Прапорщикъ N., замѣтивъ, что изъ-за нѣкоторыхъ деревьевъ горцы стрѣляютъ въ нашихъ часовыхъ, взялъ четверыхъ рядовыхъ и отправился въ лѣсъ, чтобы повалить деревья, укрывавшія къ нашему ущербу враговъ. Горцы толпою бросились на храбраго офицера и рядовыхъ; изъ послѣднихъ двоихъ закололи, одного увели въ плѣнъ, а офицера и рядоваго, мужественно защищавшихся, ранили. Примѣрная отвага офицера и его подчиненныхъ достойна была лучшей участи. Скоро послѣ того

офицеръ получилъ Владимирскій крестъ и пенсію. Легко себѣ представить благодарность молодого удальца, который, не будь тутъ К., дорого бы заплатилъ за необдуманный поступокъ. По мѣстности, начальству городка надлежало часто входить въ дипломатическія сношенія съ иностранными консулами нѣкоторыхъ Азіатскихъ городовъ. Съ нашей стороны офиціальнаго агента не было, а легко писалъ по-французски одинъ К., такъ что ему поручена была мѣстнымъ начальствомъ переписка съ консулами. Отличившись въ экспедиціи противъ горцевъ, К. получилъ знакъ военнаго ордена, произведенъ въ прапорщики и скоро потомъ по желанію уволенъ отъ службы. Въ указѣ объ отставкѣ сказано, что ему воспрещается въѣздъ въ столицы и что онъ долженъ состоять подъ тайнымъ надзоромъ полиціи. К. поселился въ Орловскомъ имѣніи, купленномъ имъ у братьевъ. Тамъ онъ пріобрѣлъ уваженіе дворянства и такую внушилъ всѣмъ довѣренность благородствомъ своего характера, опытностью въ дѣлахъ и готовностью на пользу ближняго, что всѣ обращаются къ нему для разобранія спорныхъ дѣлъ и для примиренія лицъ, между коими возникаютъ раздоры и распри. Такимъ образомъ К. вездѣ оставилъ по себѣ добрую память и въ Сибири, и на Кавказѣ. Нынѣ его любятъ и уважаютъ въ его Орловскомъ помѣстьѣ, гдѣ онъ построилъ домъ о 33-хъ комнатахъ и живетъ въ немъ одинъ. Не любя вѣтра, онъ переходитъ часто съ одной стороны дома на другую. Въ домѣ семь спаленъ, и никогда прислуга не знаетъ, гдѣ оригиналъ будетъ ночевать. Изгнаніе, продожительная жизнь въ деревнѣ и сознаніе своего вліянія на дворянъ привязываютъ сильно К. къ его сельскому пріюту. По случаю кончины своей невѣстки ему предстояла необходимость часто пріѣзжать въ Москву. Братъ *), всегда готовый на всякое доброе дѣло, ходатайствовалъ черезъ графа Закревскаго, чтобы съ него сняли надзоръ полиціи и дозволили въѣздъ въ столицы, на что послѣдовало высочайшее соизволеніе.

5 Февраля. Въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, однимъ изъ старшихъ чиновниковъ, занимавшихся цифровкою депешей, долго состоялъ на службѣ нѣкто Бекъ. Обыкновенно изъ кабинета министра сходили въ экспедицію отправленія депешей, въ большомъ пакетѣ; конверты, слѣдовавшіе къ отправленію, и прилагался притомъ реестръ конвертамъ, на коихъ означались номера. Графъ Румянцовъ, управлявшій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, по волѣ императора

*) Т. е. братъ писавшаго, оберъ-форшнейдеръ Николай Алексѣевичъ Мухановъ. Рѣчь идетъ о Сергѣѣ Ивановичѣ Кривцовѣ. Невѣстка его (вдова его брата Павла)—Елисавета Николаевна, урожденная княжна Репнина. П. Б.

Александра, сообщалъ всѣ получаемыя изъ-за границы депеши М. М. Сперанскому. Незнатное происхожденіе послѣдняго и вмѣстѣ быстрое возвышеніе его возстановили противъ него Петербургскую знать. Гр. Румянцову также не нравилась довѣренность, которою Государь удостоивалъ Сперанскаго, тѣмъ болѣе, что М. М. работалъ съ императоромъ по дѣламъ иностраннымъ. Часто, уже по полученіи конвертовъ изъ министерства, Сперанскій присылалъ отъ себя еще два или три конверта для отправленія въ Парижъ. Неоднократно докладывали о томъ гр. Румянцову; но онъ зналъ, что М. М. работаетъ съ Государемъ и по волѣ его пишетъ и отправляетъ бумаги. На границѣ также жилъ чиновникъ министерства, которому заблаговременно посылался реестръ депешей для провѣрки. Его обязанность заключалась во вскрытіи пакета, провѣркѣ конвертовъ и донесеніи въ Петербургъ, что всѣ депеши оказались на лицо и что курьеръ проѣхалъ благополучно. Этотъ чиновникъ также доносилъ о конвертахъ, отправляемыхъ Сперанскимъ, и донесенія его оставались безъ вниманія. Вѣроятно всѣ происки непріятелей его, которыхъ онъ имѣлъ много, не достигли бы предполагаемой ими цѣли, если бы поступокъ неосторожный со стороны самого Сперанскаго не ускорилъ его паденія. Онъ былъ въ дружбѣ съ Магницкимъ, который однажды просилъ его о комъ-то ходатайствовать у Государя. Возвратясь послѣ доклада отъ Императора, Сперанскій написалъ Магницкому записку слѣдующаго содержанія: «Къ сожалѣнію, любезный другъ, не могъ исполнить твоего желанія; просилъ о лицѣ, въ которомъ ты принимаешь такое живое участіе, но Государь остался непреклоненъ». Другъ-предатель передалъ документъ, отъ котораго долженъ былъ погибнуть Сперанскій, его врагамъ, коихъ злоба росла вмѣстѣ съ вліяніемъ любимца Александра.

6 Февраля. Государю непріятно было, что тотъ, кого онъ осыпалъ своими милостями и съ кѣмъ проводилъ нерѣдко часы въ бесѣдѣ о дѣлахъ государственныхъ или о высокихъ истинахъ святой вѣры, могъ о немъ отзываться не только безъ любви, но даже безъ приличія. Однажды въ комнатѣ, которая передъ кабинетомъ Государя, ожидали дежурный генералъ-адъютантъ Пав. Вас. Голенищевъ-Кутузовъ и князь А. Н. Голицынъ. Вошелъ и Сперанскій, который, поклонясь холодно присутствовавшимъ, сѣлъ на стулъ. Его скоро позвали въ кабинетъ къ Императору, гдѣ онъ пробылъ не менѣе часа. Изъ кабинета онъ вышелъ въ слезахъ и рыданіяхъ. Между тѣмъ Государь открылъ дверь и вслѣдъ Сперанскому кричалъ: «Прощай, М. М., прощай». Пріѣхавъ домой, Сперанскій нашелъ въ своей квартирѣ министра полиціи Балашова. Бумаги его были опечатаны и взяты. У подъѣзда стоялъ дорожный экипажъ, въ которомъ Сперанскій от-

правился въ Нижній-Новгородъ. Въ это время находившимися тамъ войсками командовалъ графъ П. А. Толстой, который получилъ секретную бумагу отъ Государя, гдѣ было сказано, что отъ него единственно зависить будетъ оставить Сперанскаго или послать его въ Сибирь, смотря по тому, какъ онъ себя будетъ вести. Былъ обѣдъ у губернатора; въ числѣ многихъ приглашенныхъ находились также гр. Толстой и Сперанскій. За обѣдомъ получили извѣстіе объ успѣхѣ, одержанномъ надъ нашими войсками Наполеономъ. Сперанскій не могъ скрыть своей радости, говоря съ восторгомъ о властителѣ Франціи, о его геніи, славѣ и величіи. При тогдашнемъ расположеніи умовъ, можно себѣ представить, какое дѣйствіе произвели на всѣхъ подобныя рѣчи. Губернаторъ, пріѣхавъ на другой день къ графу Толстому, спрашивалъ, что̀ ему дѣлать? — «Напишите о происходившемъ въ Петербургѣ», отвѣчалъ графъ. Но лишь только отправилъ губернаторъ свою бумагу, какъ уже графъ Толстой получилъ повелѣніе препроводить М. М. въ Сибирь. Выше я забылъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ. Сперанскій жилъ въ Петербургѣ гдѣ-то около Литейной и почти ежедневно отправлялся въ извѣстный часъ пѣшкомъ въ Таврическій садъ. Въ тоже время къ саду подъѣзжала карета, изъ которой выходилъ Французскій посолъ Коленкуръ; оставаясь наединѣ, они гуляли по цѣлымъ часамъ по саду. (Отъ Бека, графа Кутузова и графа Толстаго слышалъ братъ).

1858.

1 Января. Мы приглашали іеромонаха съ Троицкаго подворья. Около полуночи онъ отслужилъ молебенъ, окропилъ насъ и жилище наше святой водой и, благословивъ, поспѣшилъ домой. Изъ постороннихъ были при молебнѣ Миклашевскій и г-жа Оверъ. При наступленіи новаго года чувствуешь особенную потребность въ подкрѣпленіи свыше: неизвѣстность будущаго наводитъ нѣкоторый страхъ, который можетъ умѣрить одна молитва. На сей разъ сіи опасенія, по случаю предполагаемыхъ перемѣнъ и уже изданныхъ по сему предмету бумагъ, являлись еще болѣе грозными. Впрочемъ послѣ молитвы всѣ успокоились.

2 Января. Въ Москвѣ, въ еженедѣльномъ журналѣ «Молва», явилась статья: «Публика и народъ». Это параллель слѣдующаго рода. Публика ѣдетъ въ театръ, народъ идетъ ко всенощной; публика кушаетъ пироги съ трюфелями, народъ постится; публика танцуетъ, народъ работаетъ; словомъ, публика — это грязь въ золотѣ, а народъ — это золото въ грязи. Статья произвела здѣсь раздраженіе. Всѣ напали на министра просвѣщенія; но онъ ограничился строгимъ выго-

воромъ цензору, сохранившему свое мѣсто. Рѣшительно есть люди, которымъ всего мало, пока нѣтъ безпорядковъ. Впрочемъ, публикаціи въ родѣ упомянутой оказываютъ, по крайней мѣрѣ, ту пользу, что знаешь откуда и кто пускаетъ стрѣлы.

3 Января. Въ параллели, напечатанной въ «Молвѣ», между прочимъ, сказано: «Публика на Кузнецкомъ Мосту, народъ въ Кремлѣ». Авторъ, вѣроятно, разумѣлъ, что въ то время, когда публика гуляетъ, народъ наполняетъ наши древніе храмы. Жаль только, что не въ благопріятную минуту написаны были означенныя строки. Со времени уменьшенія войска, оставляютъ караулы и часовыхъ только тамъ, гдѣ они необходимы. Такимъ образомъ сняли караулы на заставахъ въ Москвѣ, отчего, по нѣкоторымъ разсказамъ, начались безпорядки и грабежи. Не думаю, чтобы нѣсколько солдатъ служили препятствіемъ къ грабежу, который только прежде происходилъ на разстояніи версты по ту сторону заставы, а теперь происходитъ на самой заставѣ.

4 Января. Сняли часовыхъ и въ Кремлѣ. Тамъ совершился случай, которому трудно вѣрить, но въ достовѣрности котораго нѣтъ повода сомнѣваться: украли пушку. Начались разысканія и изслѣдованія. Полиція, хотя и отличалась особенною дѣятельностью, но нѣкоторое время дѣйствія ея оставались безъ успѣха; наконецъ, она напала на слѣдъ воровства. Окончательно орудіе было найдено у добросовѣстнаго мѣдника по ремеслу. Итакъ, дѣйствія народа на заставахъ или за заставами и въ Кремлѣ, кажется, не всегда можно по ихъ свойству противупоставлять недостаткамъ публики.

5 Января. Многіе, не смотря на дѣятельность службы и на возлагаемыя ею обязанности, сбираются ѣхать въ губерніи, лишь только откроются комитеты для совѣщанія объ устройствѣ быта крестьянъ. Да вразумитъ Господь совѣщателей и да устроитъ прочно благосостояніе многочисленнаго класса земледѣльцевъ! Впрочемъ нельзя не замѣтить, что если съ одной стороны крестьяне выиграютъ огражденные отъ притѣсненій небольшаго числа помѣщиковъ, употребляющихъ во зло власть свою, то съ другой лишатся патріархальной и заботливой попечительности благонамѣренныхъ землевладѣльцевъ.

6 Января. Покушеніе на жизнь Наполеона произвело сильное впечатлѣніе. Государь приказалъ увѣдомить его по телеграфу о своемъ участіи. Въ Парижѣ общественное мнѣніе справедливо раздражено противъ Англичанъ. Если Французская полиція съ Іюня знала объ ударныхъ бомбахъ, приготовляемыхъ на островѣ Джерси и которыя предполагалось бросить въ карету Императора, то нельзя думать, что сіи злые умыслы оставались тайною для Лондонской полиціи. Графъ Морни, въ своей поздравительной рѣчи Наполеону отъ имени Законодательнаго Собранія, сдѣлалъ неблагопріятный намекъ для Англійскаго

правительства, укрывающаго извергов, замышляющихъ гибель Франціи и ея властителя.

7 Января. Вчера по обыкновенію были приглашены нѣкоторыя лица провести вечеръ у вдовствующей Императрицы, которая еще не знала подробностей о Парижскомъ событіи. Съ особеннымъ любопытствомъ она разспрашивала о нихъ, говоря, что никто, кромѣ министра иностранныхъ дѣлъ, не могъ еще получить извѣстій. Государыня сожалѣла, что лишена своего Парижскаго корреспондента княгини Ливенъ, которая постоянно описывала ей все, что происходило въ столицѣ Франціи. Кто-то изъ присутствующихъ предложилъ дать это порученіе г-жѣ Калерджи или княгинѣ Меншиковой. Императрица сказала, что имѣла случай читать прекрасныя письма первой, которой вмѣстѣ съ послѣдней ставила въ вину ея короткое знакомство съ Тьеромъ.

8 Января. Княгиня Ливенъ подверглась особеннымъ нападеніямъ въ замогильныхъ запискахъ Шатобріана. Непомѣрное самолюбіе автора, можетъ быть, оскорбилось недостаткомъ вниманія къ нему княгини. Императрица вспоминала, какъ она встрѣчала знаменитаго творца «Духа Христіанства» въ Тиргартенѣ, когда онъ занималъ мѣсто министра въ Берлинѣ. «Онъ былъ небольшаго роста, имѣлъ живые, блестящіе глаза и походилъ на покойнаго князя А. Н. Голицына». Потомъ разговоръ перешелъ къ цвѣтамъ. Государыня удивлялась, что, любя цвѣты, гр. Нессельроде рѣшился продать свои оранжереи и теплицы. Князь П. А. Вяземскій замѣтилъ, что, при страсти къ цвѣтамъ, канцлеръ еще имѣетъ другую страсть—къ деньгамъ. Вѣроятно, сказала Императрица, онъ такъ поступилъ, соблюдая выгоды своихъ дѣтей.

9 Января. Когда узнали о покушеніи на жизнь Наполеона, то обмѣнялись телеграфическими депешами: мы изъявили участіе, насъ благодарили. Между тѣмъ пришло извѣстіе изъ Вѣны, что отправляютъ князя Лихтенштейна съ поздравленіями въ Парижъ, и мы положили, что хорошо послать кого-нибудь изъ близкихъ къ Государю. Думали о князѣ Долгорукомъ, шефѣ жандармовъ; но этотъ выборъ не соотвѣтствовалъ порученію, и остановились на молодомъ князѣ Варшавскомъ. Чѣмъ онъ скорѣе пріѣдетъ, тѣмъ будетъ лучше: такъ было сказано ему при отъѣздѣ. Императрицы, особенно вдовствующая, поручили удостовѣрить и Наполеона, и супругу его въ ихъ живомъ участіи. Государыня Александра Ѳеодоровна не подчиняетъ поступковъ своихъ въ подобныхъ случаяхъ своимъ личнымъ убѣжденіямъ и предразсудкамъ. Произносимыя ею слова отличаются благоразуміемъ и тактомъ. Есть также самоотверженіе въ пожертвованіи своимъ мнѣніемъ, когда того требуетъ польза общая.

10 Января. Попечитель учебнаго округа былъ въ отсутствіи. Министръ просвѣщенія поручилъ его помощнику князю Вяземскому призвать двухъ цензоровъ и сдѣлать выговоръ за недосмотръ при пропускѣ статей, которыхъ не слѣдовало дозволять печатать. «У насъ есть товарищи, отвѣчали цензора, которые получили болѣе десяти выговоровъ и, оставаясь на своихъ мѣстахъ, удостоиваются даже наградъ. Щедринъ, авторъ «Губернскихъ Очерковъ», имѣетъ обѣщаніе поступить на первую вице-губернаторскую вакансію». Разсказывавшій мнѣ сей случай присовокупилъ: «И они правы». Кто идетъ быстро по службѣ? Люди, принадлежащіе къ передовымъ мыслямъ, послѣдователи и поборники прогресса, какъ князь Д. Оболенскій, Мансуровъ и подобные имъ.

11 Января. Говорятъ, что на отчетѣ, поднесенномъ оберъ-прокуроромъ Синода Государю, Императоръ сдѣлалъ отмѣтки, неблагопріятныя духовенству, и замѣтилъ, что отчетъ поданъ поздно. Духовенству ставится въ вину, что оно слишкомъ увлекается корыстолюбивыми видами и мало заботится объ истинныхъ пользахъ Церкви. Потомъ, однажды при докладѣ, рѣчь шла о раскольникахъ, и графъ Толстой *), изъявляя мнѣніе, несогласное съ мыслями Государя, сказалъ: «Ваше Величество можете объ этомъ спросить у Бажанова (духовника Императора).—«Я не имѣю надобности, отвѣчалъ Государь, ни въ чьихъ указаніяхъ и знаю самъ, если мнѣ нужны совѣты, къ кому обращаться за ними». Оберъ-прокуроръ, характера скрытнаго, вообще любитъ самъ узнавать все отъ другихъ, но неохотно разсказываетъ, что̀ знаетъ. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ дѣло такого рода, что непріятно было бы открыть его и близкимъ, какъ бы ни были съ ними тѣсны отношенія.

12 Января, Многіе не одобряютъ брака N.N., не знаю почему. Безпорядокъ, распущенность и безнравственность нигдѣ не на мѣстѣ, ни во дворцѣ, ни въ хижинѣ. Графъ носитъ аристократическое имя, отличается добротою характера, нѣкогда былъ гуляка, теперь остепенился; онъ обратилъ на себя особенное вниманіе N.N., понравился ей, а она рѣшилась отдать ему руку... Всѣ члены семейства очень хороши въ обращеніи съ графомъ С.; онъ самъ держитъ себя скромно и заслуживаетъ общее одобреніе.

13 Января. Замѣчательно, что въ Штутгардтѣ изъ лицъ наиболѣе предубѣжденныхъ противъ императора Французовъ были наслѣдный принцъ и его супруга. Пріѣхалъ Наполеонъ, и немного времени нужно было ему, чтобы обворожить ихъ. Чиновники нашей миссіи получили

*) Александръ Петровичъ. П. Б.

приказаніе говорить въ обществѣ, что нашей Императрицы не будетъ при свиданіи императоровъ, и тогда секретари Французской миссіи въ свою очередь утверждали, что здоровье императрицы Евгеніи требуетъ пристальнаго леченія въ Біаррицѣ. Между тѣмъ царствующая Императрица пріѣхала, и неожиданный пріѣздъ ея произвелъ непріятное дѣйствіе на всѣхъ. Нельзя было не чувствовать неловкости этого поступка. Государь особенно былъ доволенъ послѣднимъ разговоромъ съ Наполеономъ, продолжавшимся около часа, и послѣ этого онъ былъ очень веселъ. Наполеонъ оставилъ самое благопріятное впечатлѣніе; единогласно отдавали справедливость превосходству его ума и признавали его великимъ человѣкомъ. Императоръ Французовъ находилъ много удовольствія въ разговорѣ съ в. к. Еленой Павловной. Прощаясь съ нею, онъ былъ тронутъ и бросился къ ея рукѣ; рука была въ перчаткѣ. Великая Княгиня разорвала перчатку.

14 Января. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ гр. Панинъ неделикатнымъ образомъ уволилъ изъ своей канцеляріи чиновника М. Молодой человѣкъ, отличавшійся замѣчательными способностями, нашелъ дорогу къ В. К. Константину Николаевичу, который пріютилъ его въ Морскомъ Министерствѣ. Господинъ М. трудился, труды его награждались щедро, онъ былъ отправленъ на Востокъ, и по возвращеніи написалъ отчетъ о посѣщеніи Іерусалима и православныхъ храмовъ. Великій Князь велѣлъ напечатать это донесеніе и сталъ разсылать его нѣкорымъ лицамъ. Оказалось, что въ изданной брошюрѣ открывались государственныя тайны, и что обнародованіе оныхъ могло намъ принести великій вредъ, обнаруживая наши предположенія и дѣйствія на Востокѣ и подавая такимъ образомъ поводъ къ сопротивленію нашимъ мѣрамъ со стороны Англіи и Франціи. Брошюра была отобрана, хотя ея не досчитались нѣсколькихъ экземпляровъ. Хорошо, если онѣ не дошли въ руки Англійскаго и Французскаго министровъ.

15 Января. Впослѣдствіи гр. Панинъ призналъ полезнымъ примириться съ старымъ подчиненнымъ, ласкалъ его въ Совѣтѣ, сталъ приглашать къ себѣ и наконецъ черезъ него снискалъ расположеніе В. К. Константина Николаевича. Въ качествѣ стараго дипломата министръ юстиціи обращаетъ особенное вниманіе на вопросы, относящіеся до внѣшней политики. Не одобряя настоящей системы, онъ сочиняетъ записки, гдѣ строго критикуетъ нашу политику, и подаетъ ихъ Великому Князю, который, какъ извѣстно, не отклоняя отъ себя никакой части государственнаго управленія и видимо мѣтя въ первые министры, благосклонно принимаетъ записки графа Панина. Въ послѣднее время ходили слухи по городу, что домогаются произвести нѣкоторыя перемѣны въ нашихъ государственныхъ людяхъ. Князь Орловъ

просится на покой. Великій Князь желалъ бы, чтобы министръ юстиціи получилъ мѣсто предсѣдателя Государственнаго Совѣта, а посолъ нашъ въ Парижѣ, графъ Киселевъ, замѣстилъ бы министра иностранныхъ дѣлъ, князя Горчакова. Замѣчательно, что гр. Панинъ настаивалъ, чтобы послѣдній хотя на нѣсколько минутъ показался на его балѣ, дабы (говорилъ онъ) «всѣ видѣли, что министерства иностранныхъ дѣлъ и юстиціи живутъ въ ладу». Простуда не позволила князю Горчакову исполнить желаніе своего товарища.

16 Января. Графа Панина хвалятъ за ясное изложеніе обстоятельствъ дѣла и за правильный, прекрасный языкъ его, но обвиняютъ въ кривыхъ выводахъ и заключеніяхъ. Когда онъ излагаетъ дѣло, никто не можетъ предположить, какое будетъ его мнѣніе; всѣ бываютъ обыкновенно удивлены странностью его взгляда. Такъ говорятъ товарищи его по Государственному Совѣту и по разнымъ комитетамъ. Однажды, выходя изъ Совѣта, сдѣлалъ о немъ также подобный отзывъ графъ Нессельроде. Вотъ почему министра юстиціи многіе называютъ кривотолкомъ. Трудно при такихъ условіяхъ быть предсѣдателемъ Совѣта. Что же касается до назначенія графъ Киселева, едва ли согласится онъ въ свои лѣта принять на себя такое бремя; развѣ онъ только получитъ званіе министра, а дѣйствовать будетъ какое-нибудь подставное лицо. Впрочемъ гордая самостоятельность Парижскаго посла никогда этого не допуститъ.

17 Января. Меня часто удивляло, что пища умственная инымъ не такъ нужна, какъ пища матеріальная. Такъ, глядя на брата, я думалъ: странно, что при его умѣ, онъ можетъ долго оставаться безъ книгъ и что чтеніе не составляетъ для него существенной потребности. Эта мысль часто смущала меня и приводила въ недоумѣніе. Однажды, въ ранніе часы утра, я получилъ разрѣшеніе моей задачи, смущеніе исчезло, и я успокоился. Ящикъ просто отворялся: очевидно, что у кого есть свой запасъ, тому нечего искать посторонняго пособія. Кто щедро одаренъ отъ природы, тотъ живетъ своею жизнью. Умъ брата заключаетъ въ себѣ столько живительной силы, онъ такъ разнообразенъ и обиленъ, что ему нечего укрѣплять себя извнѣ, со стороны. Напротивъ, при ограниченности собственныхъ средствъ, при скудости своихъ силъ, чувствуешь необходимость въ постороннемъ пособіи, въ крѣпости заимствованной. Вотъ почему, проведя день безъ чтенія, я ощущаю пустоту и нравственное утомленіе. Такъ намъ часто кажется страннымъ и незаслуживающимъ одобренія что̀ естественно и въ порядкѣ вещей *).

---

*) Строки, внушенныя необыкновенно-нѣжною любовью къ старшему брату. П. Б.

18 Января. Не совсѣмъ однако в. к. Ольга Николаевна и наслѣдный принцъ Виртембергскій измѣнили свое расположеніе къ Наполеону послѣ свиданія въ Штутгардтѣ. Кронъ-принцъ признавался многимъ, что всякій разъ когда ему приходилось слѣдовать за императоромъ Французовъ, онъ чувствовалъ, что въ немъ волновалась кровь его предковъ. Человѣкъ этотъ, продолжалъ онъ, вышелъ Богъ знаетъ изъ чего и какъ, а между тѣмъ я и подобные мнѣ на придворныхъ выходахъ и въ собраніяхъ должны составлять какъ бы его свиту. Подобное сужденіе показываетъ мѣру разсудительности принца. Между прочимъ Виртембергскій король мѣшалъ разговорамъ императоровъ и, при глухотѣ своей, часто переспрашивалъ, что́ они между собою говорили. Иногда даже, подстрекаемый любопытствомъ, не всегда удовлетвореннымъ, онъ позволялъ себѣ нѣкоторыя насмѣшки надъ своими высокими гостями. Во избѣжаніе сего неудобства, былъ устроенъ завтракъ въ загородномъ домѣ Великой Княгини, гдѣ императоры видѣлись безъ короля, который нѣкоторое время не могъ простить этого хозяйкѣ.

19 Января. Слухи о немилости, въ которую впалъ князь Горчаковъ, разсѣялись. Государь былъ на послѣднемъ раутѣ его, императрицы приглашаютъ его къ себѣ, и великіе князья очень внимательны къ нему. В. К. Константинъ Николаевичъ почелъ нужнымъ объясниться по сему предмету и къ объясненію присоединить удостовѣреніе. Но почему вдругъ распространились эти слухи?

20 Января. Появилась книга: La Russie il y a cent ans, гдѣ собраны депеши Англійскаго и Французскаго пословъ, писанныя ими изъ С.-Петербурга. Говорятъ, что это самая жалкая картина Русскаго двора. При императрицахъ Аннѣ и Елисаветѣ не было собранія или вечера, гдѣ бы всѣ присутствующіе не предавались пьянству и безобразію. Императрица Екатерина II представлена съ самой неблагопріятной стороны: исчислены суммы, издержанныя ею на фаворитовъ, не признается ея величіе, достоинство великой государыни унижено, а Россія является страною, гдѣ все существенное приносится въ жертву наружному лоску, обманчивой внѣшности: однимъ словомъ, зависть затемнила совершенно для иностранцевъ блескъ славнаго царствованія. Замѣчательно, что означенное сочиненіе, въ которомъ подробно говорится о брачномъ союзѣ имп. Елисаветы съ гр. Разумовскимъ, заслужило особенное вниманіе В. К. . . . . . . Не бываетъ дыма безъ огня. Вѣроятно происходилъ какой нибудь разговоръ, подслышанный нескромнымъ ухомъ и переданный еще болѣе нескромнымъ языкомъ. Замѣчательна поспѣшность, съ которой все было сдѣлано, чтобы не дать разнесшемуся слуху укорениться. Можетъ

быть враги князя Горчакова когда нибудь и одолѣютъ его, но нельзя безъ тяжелаго чувства помыслить о возможности его удаленія. Въ немъ соединены блестящій, оригинальный умъ съ прекраснымъ сердцемъ, преданность престолу съ соблюденіемъ пользы общей, сила убѣжденія съ готовностью принять всякое основательное мнѣніе. Онъ помнитъ добро, зло—никогда, и Богъ одарилъ щедро дарами и сокровищами Своими эту избранную природу.

21 Января. По возобновленіи послѣ пожара Зимняго дворца, въ Георгіевской залѣ, гдѣ обыкновенно происходятъ празднества по случаю браковъ въ семействѣ царскомъ, былъ положенъ паркетъ съ изображеніемъ Мальтійскаго креста. Когда работы были кончены, императоръ Николай прошелъ первый по залѣ, а на другой день провалился въ ней потолокъ. Если мы будемъ часто останавливать мысль нашу на значеніи креста, какъ на орудіи нашего искупленія и спасенія, на которомъ Сынъ Божій былъ распятъ, страдалъ и предалъ духъ Свой за наши грѣхи, то конечно намъ не придетъ никогда побужденіе топтать его ногами. Изображеніе креста произошло отъ небрежности чиновниковъ, которымъ поручено было возобновленіе дворца; но паденіе потолка произвело сильное впечатлѣніе, и приказано было наслать другой паркетъ.

22 Января. Никогда взносы процентовъ не производились съ такою точностью въ кредитныя учрежденія, какъ со времени обнародованія мѣръ, принятыхъ къ освобожденію крестьянъ. Проданы также очень выгодно просроченныя имѣнія съ аукціоннаго торга, и одно между прочимъ въ Чернскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, по 200 р. с. душу. Оборотнаго капитала въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ на лице 28 милліоновъ. Гр. Закревскій не одобряетъ обѣдовъ и особенно рѣчей Кокорева и другихъ. Предполагались еще обѣды, но которые Московскій военный генералъ-губернаторъ не призналъ нужнымъ дозволить. Онъ полагаетъ, что въ настоящихъ обстоятельствахъ подобныя собранія и разглагольствія приносятъ не пользу, а вредъ. «Это мое убѣжденіе, говоритъ гр. З. Если же мои дѣйствія не заслуживаютъ одобренія, то пускай на мое мѣсто назначатъ другаго». Извѣстно, что графъ давно искалъ дома; наконецъ, онъ купилъ прекрасный домъ Николая Аполоновича Волкова.

23 Января. Молодые люди Демидовъ, кн. Долгоруковъ, Бенардаки послѣ ужина, кончившагося далеко за полночь, разгоряченные виномъ, на улицѣ нашумѣли и произвели безпорядокъ. Донесли Государю, и приказано было ихъ посадить подъ арестъ. Карамзина, мать Демидова, плакала; кн. Долгорукова не выходила изъ нервическихъ припадковъ, и обѣ по нѣжной заботливости материнскаго сердца преуве-

личивали въ воображенiи шалость молодости. Весь городъ показалъ имъ участiе; многiе даже ѣздили къ провинившимся на гауптвахты, отъ чего можно было воздержаться: ибо молодые люди могли принять подобныя изъявленiя за одобренiе ихъ продѣлокъ. Хорошо, если на будущее время случившееся послужитъ урокомъ юношамъ. Впрочемъ, кто не платилъ дани молодости? Нечего сокрушаться, что люди молодые молоды, а старые стары, и худо, если было бы наоборотъ. Жаль только, что, много говоря о шалости, придаютъ ей нѣкоторую важность и размѣръ какого-то дѣла. Это тѣмъ болѣе странно, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, бездѣлица, обратившая на себя вниманiе общества, должна была остаться незамѣченной.

Найдено рукописное сочиненiе кн. Щербатова, извѣстнаго сочинителя многотомной Россiйской Исторiи (добросовѣстнаго, но тяжелаго труда), подъ заглавiемъ: «О поврежденiи нравовъ въ Россiи». Историкъ признаетъ необходимость преобразованiй Петра, но приписываетъ ихъ влiянiю порчу нравовъ, хотя первую причину безнравственности высшаго сословiя видитъ въ уничтоженiи мѣстничества. Желанiе выслужиться, *какъ бы то ни было*, въ чины замѣнило гордость и чувство, внушаемыя древностью рода. Нравы также много потерпѣли отъ того, что женщинъ вывели изъ теремовъ и отъ сношенiй съ чужими краями. Въ царствованiе Елисаветы роскошь и безнравственность усиливаются, и мужья начинаютъ бросать женъ. Описанiе происходившаго при Петрѣ III согласно со свидѣтельствомъ княгини Дашковой. Князь Щербатовъ, единственный изъ Русскихъ писателей, съ особенною раздражительностью нападаетъ на Екатерину II-ю.

24 Января. Въ Москвѣ предполагалось дать большой обѣдъ на тысячу человѣкъ, на которомъ многiе намѣревались произнести рѣчи. Кокоревъ хотѣлъ перепечатать воззванiе свое къ купечеству, гдѣ предполагаетъ открыть подписку въ пользу мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, надѣясь собрать капиталъ въ 10 мил. р. с. для облегченiя ихъ сдѣлокъ съ крестьянами. Рѣшено, что обѣда не будетъ; не дозволено произносить рѣчей, и запрещено въ большомъ количествѣ перепечатывать рѣчь Кокорева. Хотѣли было уволить цензора, дозволившаго напечатать оную, но удовольствовались, кажется, сдѣлать выговоръ. Мы не привыкли къ свободному слову, и оно пугаетъ насъ. Между тѣмъ мы не видали, чтобы въ прошедшемъ, при непомѣрномъ стѣсненiи этого слова, мы достигли блестящихъ результатовъ. Напротивъ, таинственность, которою все облекалось, принесла горькiе плоды. Съ новымъ царствованiемъ предоставили цензурѣ нѣкоторую свободу, которая оказала пользу, хотя иногда выходила изъ должныхъ предѣловъ. Надлежало взыскать за промахи и неправильности, но этимъ

не ограничиваются: хотятъ, кажется, дѣйствовать въ смыслѣ совершенной реакціи, системы уже невыгодно, какъ замѣчено выше, испытанной въ минувшемъ.

Депутація крестьянъ Владимирской губерніи изъ имѣнія гр. Нессельроде явилась съ просьбою къ помѣщику. «Батюшка, говорили прибывшіе, не желаемъ новыхъ порядковъ, довольны старыми и готовы платить болѣе, если милость твоя оставитъ насъ на прежнемъ основаніи».—«Новые порядки, отвѣчалъ канцлеръ, не помѣшаютъ вамъ платить болѣе».

У Аксакова, автора статьи «Публика и Народъ», за которую запрещенъ журналъ «Молва», украли въ церкви часы, и вмѣсто ихъ положили въ карманъ записку, въ которой было написано слѣдующее: «Пока публика молилась, народъ укралъ у васъ часы».

25 Января. Императоръ Александръ I-й гдѣ-то встрѣтилъ академика Парота, сблизился съ нимъ, получилъ къ нему довѣріе и часто съ нимъ переписывался. Замѣчательно особенно одно письмо, въ которомъ онъ благодаритъ Государя за то, что онъ принялъ его мнѣніе послѣ продолжительнаго разговора, бывшаго наканунѣ, и что наконецъ убѣдился, что не слѣдуетъ *разстрѣлять* Сперанскаго. По разсказамъ людей, близко знавшихъ послѣдняго, онъ былъ очень откровененъ, довѣрчивъ и легко высказывалъ даже свои задушевныя мысли. Одного предмета онъ никогда ни съ кѣмъ не касался: причины своей ссылки. Дочь его Багреева, написавшая біографію отца, наполненную любопытными подробностями, также не упоминаетъ объ обстоятельствѣ, котораго объясненіе такъ было бы интересно. Есть также письмо императора Александра къ Сперанскому, при назначеніи его генералъ-губернаторомъ въ Сибирь. Здѣсь Государь выражается съ сожалѣніемъ о томъ, что произошло, оправдываетъ своего сановника и говоритъ, что жертва была нужна для удовлетворенія общественнаго мнѣнія. Багреева, въ своей біографіи отца, сообщаетъ свои съ нимъ бесѣды. Это рукописное сочиненіе написано мастерски по-французски. Всѣ бумаги гр. Сперанскаго принесены были его дочерью въ даръ Императорской Библіотекѣ. На основаніи этихъ документовъ и матеріаловъ составлено было также жизнеописаніе гр. Сперанскаго статсъ-секретаремъ барономъ М. А. Корфомъ.

26 Января. Въ Пруссіи есть хорошее учрежденіе, такъ называемое Staats-Examen. Молодой человѣкъ, окончившій курсъ университетскій и снабженный аттестатомъ отъ своего факультета, можетъ вступить только въ то вѣдомство, куда ему открываютъ путь родъ его занятій по университету или тотъ факультетъ, по которому онъ проходилъ курсъ, и въ добавокъ онъ обязанъ подвергнуться еще испытанію

отъ чиновниковъ того вѣдомства или министерства, въ которое вступаетъ. Само собою разумѣется, что экзаменаторы избираются изъ чиновниковъ, которымъ ихъ часть хорошо знакома. Со времени введенія сего установленія въ Пруссіи, по всѣмъ частямъ государственнаго управленія стали являться замѣчательные люди. У насъ, когда празднуютъ основаніе какого нибудь университета, отдавая отчетъ объ услугахъ, имъ оказанныхъ, исчисляютъ воспитанниковъ, поступившихъ на службу. Оказывается, что студентъ, вышедшій изъ медицинскаго факультета, вошелъ въ министерство юстиціи, а изъ математическаго факультета служитъ дипломатомъ. Такимъ образомъ чиновникъ, потерявшій время въ университетѣ, оказывается недостаточнымъ на службѣ, къ которой спеціально себя не готовилъ. Попечитель Харьковскаго учебнаго округа Зиновьевъ, имѣя счастіе представляться Государю, два раза объ этомъ докладывалъ. Императоръ два раза замѣтилъ: «объ этомъ надобно подумать». Министръ просвѣщенія и его товарищъ, оба съ душою; но одинъ не знаетъ Россіи и ея потребностей, а другой расположенъ во всемъ сомнѣваться. Записки имъ подаютъ, и они ихъ не читаютъ, а если заставляютъ читать, то во время чтенія засыпаютъ. Вообще не видно рвенія къ дѣлу, и нуженъ большой запасъ твердости, чтобы не потерять бодрости и не впасть въ уныніе.

27 Января. Въ Москвѣ на обѣдѣ, гдѣ произнесено было столько рѣчей, Кокоревъ предложилъ здоровье того чиновника, который содѣйствовалъ движенію литературы, имѣя только въ виду пользу общую и не стѣсняя себя опасеніями разстроить свою служебную будущность или потерять мѣсто. Это здоровье было цензора Фонъ-Крузе. Тогда здѣсь было рѣшено, что обѣды и рѣчи будутъ прекращены, и хотѣли уволить цензора, удержавшагося на своемъ мѣстѣ неизвѣстно надолго ли. Нельзя, чтобы подобныя дѣйствія всегда легко сходили съ рукъ. Если цензоръ не раздѣляетъ мнѣній о цензурѣ правительства, онъ можетъ удалиться отъ своего мѣста и взять другое; но подвергать себя тому, чтобы его уволили съ тѣмъ, чтобы никуда не опредѣлять, когда онъ отецъ семейства, этого онъ не имѣетъ права сдѣлать, и если дѣйствуетъ такъ, то поступаетъ непозволительно.

Вчера сказывали, что Герценъ (Искандеръ) умеръ отъ отравы. Если такъ, то это можетъ быть дѣломъ ревности или мести любовницы, также ожесточенія кого нибудь изъ его сотрудниковъ; но никогда наше правительство не способно будетъ употребить подобное средство, хотя естественная смерть Герцена насъ бы не разстроила: нашелся бы другой на его мѣсто, но можетъ быть не съ тѣмъ талантомъ. Разсказываютъ невѣроятности о привозѣ этихъ изданій въ Рос-

сію, куда ихъ ввозятъ капитаны кораблей и продаютъ по 100 р. с. томъ. Увѣряютъ, что на Нижегородской ярмаркѣ ихъ покупали по четвертаку. Перваго способа продажи намъ опасаться нечего, ибо немного найдется охотниковъ на такія цѣны. Что же касается до продажи на ярмаркѣ, то всѣмъ извѣстно, по какой цѣнѣ заграницею продаются книги Герцена. Невозможно, чтобы онъ пустилъ ихъ такъ дешево въ ущербъ себѣ.

28 Января. Большое затрудненіе встрѣчаетъ въ университетахъ преподаваніе Закона Божія. Въ гимназіяхъ сердца учениковъ доступны вѣрѣ, и они съ любовью принимаютъ уроки и внушенія законоучителя. Въ воскресный день или праздникъ утѣшительно видѣть гимназистовъ въ церкви. Многіе изъ нихъ колѣнопреклоненнные, всѣ внимательны къ службѣ и молятся прекрасно. Не то университетахъ: туда являются не дѣти, а юноши, у которыхъ уже образовалась сила мышленія, и страсти волнуются. Они много читаютъ и на всѣхъ языкахъ. Здѣсь мало вліянія на сердце, надо дѣйствовать на разумъ; не довольно тронуть, надо убѣдить. Большею частію молодые люди уже вступаютъ въ университетъ съ вѣрою нетвердою, а тѣ, въ которыхъ святая искра еще не потухла, стыдятся и стараются казаться не тѣмъ, что̀ они есть, т. е. послѣдователями неограниченнаго свободомыслія. Законоучитель долженъ основывать всѣ свои положенія на неоспоримыхъ доводахъ логики, долженъ знать всѣ возраженія, употребляемыя противъ святой вѣры, и запастить богатымъ арсеналомъ фактовъ и доказательствъ, которыя служили бы сильнымъ отпоромъ невѣрующимъ. «Нельзя, говорилъ мнѣ попечитель Харьковскаго учебнаго округа, разомъ очистить университетъ и набрать новую молодежь. Вновь вступающіе студенты находятъ старыхъ, отъ которыхъ заражаются невѣріемъ, и такимъ образомъ одно поколѣніе передаетъ зло другому. Вотъ почему законоучитель въ университетѣ долженъ быть человѣкъ особенно даровитый, ученый и съ приличнымъ обращеніемъ».

29 Января. Есть люди, щедро одаренные природою; оцѣняешь ихъ умъ и способности и отдаешь справедливость ихъ образованію. Они хорошо выражаются на нѣсколькихъ языкахъ, сужденія ихъ о людяхъ здравы и даже остроумны, въ свѣтѣ они являются съ успѣхомъ; но, не смотря на всѣ ихъ качества, они не внушаютъ никакого къ себѣ влеченія, никакого сочувствія. Напротивъ, чувствуешь что-то отъ нихъ отталкивающее. Встрѣчаешь людей, которые не отличаются ни блестящими способностями, ни сопровождающимъ ихъ обыкновенно успѣхомъ, а съ перваго взгляда чувствуешь, что они по сердцу, ищешь случая съ ними видѣться и если сходишься съ ними часто, начинаешь принимать такое участіе въ ихъ судьбѣ, что ихъ успѣхи ра-

дуютъ и ихъ неудачи огорчаютъ. Если внимательно разсмотришь, что̀ составляетъ притягивающую силу въ лицахъ, внушающихъ намъ подобное сочувствіе, то удостовѣришься, что это не столько умъ, сколько сердце, врожденная доброта, кротость обращенія, ласковое ко всѣмъ расположеніе и теплота душевная. Важна также доброжелательность, которая искренно всегда готова услужить ближнему и выказать его добрую сторону, помня, что, для сохраненія мира внутренняго, мы всегда должны быть снисходительны къ другимъ и строже къ себѣ и смотрѣть на тѣхъ, которыхъ положеніе ниже нашего въ жизни.

30 Января. При дворѣ былъ балъ въ бѣлой залѣ, вновь отдѣланной. Танцующіе, приглашенные съ 12 часовъ утра, танцовали все утро, а ихъ родители, какъ наприм. графъ Панинъ, возбуждали общее сожалѣніе утомленіемъ, выражавшимся на ихъ лицахъ. На придворныхъ балахъ особенно замѣчателенъ недавно введенный способъ освѣщенія: являются люди съ фитилями, прикасаются ими до свѣчей, и голубое газовое пламя перелетаетъ отъ одной свѣчи къ другой, и такимъ образомъ черезъ нѣсколько минутъ зала освѣщена. Это дѣйствіе имѣетъ что-то волшебное. Чтобы садиться за ужинъ, бросали жребій, и пришлось матери сѣсть съ сыномъ, а многимъ дамамъ имѣть кавалерами совершенно юныхъ, неизвѣстныхъ имъ птенцовъ. Государь имѣлъ свой столъ, Государыня свой. Братъ былъ приглашенъ къ послѣднему и сидѣлъ подлѣ В. К. Екатерины Михаиловны. Разговоръ былъ разнообразенъ; рѣчь шла объ искусствахъ, эманципаціи и проч. Императоръ и Императрица милостиво говорили съ братомъ, и послѣдняя довольно продолжительно, особенно о прекрасной мозаикѣ, найденной въ Керчи незадолго до вступленія туда союзниковъ, принадлежащей къ лучшему времени искусства въ Римѣ и выставленной въ одной изъ дворцовыхъ залъ.

31 Января. Графъ Блудовъ написалъ предисловіе къ новому изданію Свода и самый Сводъ съ измѣненіями въ новомъ видѣ напечаталъ въ трехъ толстыхъ томахъ. Изданіе было препровождено къ В. К. Константину Николаевичу, какъ члену Государственнаго Совѣта. Разсмотрѣніе этого труда поручено было директору департамента Морскаго Министерства кн. Д. А. Оболенскому, служившему прежде по судебной части. Въ то самое время кн. Оболенскій отправленъ былъ для производства слѣдствія въ Николаевъ. Въ проѣздъ черезъ Москву онъ просилъ кн. Урусова заняться симъ дѣломъ. На возвратномъ пути работа была готова. Князь Оболенскій во многомъ измѣнилъ записку, дополнилъ ее, и въ такомъ видѣ она разослана была нѣкоторымъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта. Графъ Блудовъ не сдѣлалъ никакихъ основныхъ перемѣнъ въ Сводѣ; послѣдовали только маловажныя

измѣненія въ частностяхъ. Въ предисловіи начертана программа, на дѣлѣ невыполненная. Кн. Оболенскій сильно нападаетъ на трудъ гр. Блудова и, признавая необходимымъ ввести словесный судъ и гласность, находитъ, что нужно настоящій проектъ гр. Блудова оставить, а ввести въ Имперію сводъ Польскій вмѣстѣ съ тамошнимъ судоустройствомъ. Сочинитель записки указываетъ на Австрію, гдѣ введенъ былъ сводъ, по которому издавна судились въ Трансильваніи. Впрочемъ судебная расправа въ древней Россіи совершалась при отворенныхъ дверяхъ: въ судебной камерѣ засѣдали судьи, и двери были отворены на чистое поле. Кто желалъ, присутствовалъ при судебномъ преніи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ судоговореніе допущено Сводомъ, а въ настоящее время комерческіе суды учреждены у насъ на основаніи словеснаго судопроизводства. Многіе изъ приверженцевъ старины раздѣляютъ мнѣніе, что гласность суда необходима, какъ вѣрнѣйшее ручательство для подсудимыхъ въ огражденіи ихъ права отъ недобросовѣстности и лихоимства судей.

1 Февраля. Правительству подана также записка объ уничтоженіи откуповъ. Сочинитель исчисляетъ всѣ злоупотребленія откупщиковъ и разсказываетъ подробно, что́ они дѣлаютъ, чтобы разорять народъ, мѣшая воду съ виномъ и умышленно подводя подъ штрафъ людей невинныхъ. Но уничтоживъ откупную систему, чѣмъ замѣнить ее? Вольнымъ винокуреніемъ. Трудно на это рѣшиться, имѣя примѣръ Швеціи, гдѣ, благодаря винной продажѣ, народъ спился до такой степени, что предаются пьянству женщины и дѣти. Сочинитель записки предлагаетъ учредить общество на акціяхъ, которое замѣнило бы откупа̀. Нѣтъ причины думать, что акціонеры будутъ дѣйствовать совѣстливѣе откупщиковъ; только подъ другимъ названіемъ останутся старые недостатки и злоупотребленія. Чтеніе подобныхъ записокъ приноситъ нѣкоторую пользу, ибо въ нихъ всегда можно почерпнуть свѣдѣнія о положеніи какой либо части; но, указывая на зло, рѣдко сочинители ихъ предлагаютъ надлежащія средства къ ихъ искорененію.

2 Февраля. Въ журналѣ «Nord» помѣщаются статьи или письма объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи. Проводится мысль о необходимости удержать прежнія патріархальныя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ. Авторъ писемъ ставитъ въ примѣръ Англію, гдѣ сохраненію подобныхъ отношеній и заботливости совокупной землевладѣльцевъ и хлѣбопашественнаго населенія о земледѣльческихъ интересахъ обязаны существованіемъ сильной аристократіи и богатствомъ страны. Напротивъ, во Франціи эти интересы разъединены, и тамъ нѣтъ того благосостоянія, и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойствіе непрестанно нарушается потрясеніями и смутами. Безъ сомнѣнія желательно, чтобы существо-

вали добрыя отношенія; но трудно полагать, чтобы съ новымъ порядкомъ они удержались въ той силѣ, какъ было прежде.

3 Февраля. Во второмъ письмѣ, помѣщенномъ въ томъ же журналѣ, сказано, что къ сожалѣнію худо, что помѣщики мало живутъ въ своихъ имѣніяхъ, предоставляя ихъ въ полное распоряженіе управляющихъ, часто не говорящихъ по-русски и вовсе незнакомыхъ съ бытомъ нашего крестьянина. Авторъ находитъ полезнымъ постоянное пребываніе особенно богатыхъ помѣщиковъ въ ихъ имѣніяхъ, указывая на землевладѣльцевъ Остзейскаго края, изъ коихъ многіе почти всегда проживаютъ въ своихъ помѣстьяхъ. Безъ сомнѣнія удаленіе дворянства изъ внутренней Россіи, давъ неправильное направленіе выборамъ, предало наше внутреннее управленіе въ руки недостойныхъ чиновниковъ. Авторъ оговаривается, что онъ требуетъ пребыванія всего дворянства внутри Россіи кромѣ того, которое не имѣетъ недвижимой собственности, т. е. не владѣетъ землями, и потомъ также дворянъ, сознающихъ въ себѣ способности приносить болѣе пользы на обширнѣйшемъ поприщѣ. Но нельзя не замѣтить сочинителю писемъ, что трудно и едва ли полезно высшему дворянству добровольно отказаться отъ участія въ дѣлахъ государственнаго управленія и предоставить это преимущество дворянству, невладѣющему недвижимой собственностью. Такимъ образомъ именно въ то время, когда, по новому устройству быта крестьянъ, пребываніе землевладѣльцевъ становится менѣе нужнымъ, чѣмъ было прежде, по мнѣнію автора они должны промѣнять свою жизнь въ столицѣ со всѣми настоящими и будущими выгодами въ сферѣ дѣятельности служебной на темное и безвѣстное существованіе въ деревнѣ, гдѣ ихъ ожидаютъ лишенія, почти невыносимыя для жителя столичнаго, привыкшаго ко всѣмъ удобствамъ умственнымъ и вещественнымъ просвѣщеннаго центра. Теперь посмотримъ, какую принесутъ пользу дворяне-пролетаріи, которые замѣстятъ высшее дворянство на службѣ?

4 Февраля. Справедливо находятъ, что наши сановники мало знаютъ Россію. Но теперь, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь лѣтнимъ вакантнымъ временемъ, посѣщаютъ свои помѣстья; а другіе, остающіеся въ столицѣ, получаютъ свѣдѣнія отъ довѣренныхъ своихъ, которымъ поручаютъ свои интересы. Практическія знанія, основанныя на положительныхъ данныхъ, полезны, какъ приложеніе къ дѣлу, при составленіи и изданіи новыхъ законоположеній. Что́ же будетъ, когда во всѣхъ слояхъ служебной іерархіи и потомъ во главѣ всего управленія будутъ стоять люди, несвязанные никакимъ звеномъ съ живыми интересами страны, къ управленію которой ихъ призоветъ предполагаемое преобразованіе? Страшно подумать, сколько будетъ по-

требностей неудовлетворенныхъ и въ какомъ разладѣ будутъ постановленія по мѣстнымъ условіямъ.

6 Февраля. Князь Варшавскій возвратился изъ Парижа. Онъ былъ принятъ ласково и благосклонно, но императоръ Наполеонъ ни слова не говорилъ съ нимъ о политикѣ. Князь Паскевичъ сказываетъ, что, произведя убійство и смятеніе бомбами, злоумышленники намѣрены были предать городъ грабежу и расхищенію. Люди, замышляющіе подобныя дѣла, разсѣяны по всему лицу Франціи, и число ихъ простирается до 60.000 человѣкъ. Оказывается, что, уже прежде покушенія на жизнь императора, рѣшено было принять мѣры противъ соціалистовъ, за дѣйствіями которыхъ правительство постоянно слѣдило.

8 Февраля. Кокоревъ въ напечатанной рѣчи, гдѣ виденъ прекрасный порывъ души благородной и высокой, открылъ обстоятельство, обратившее на себя вниманіе правительства: по словамъ его, чистая прибыль откупщиковъ простирается въ годъ до 20.000.000 рубл. сер., столько же вѣроятно расходится по управленію откупа, а откупная сумма вся полагается отъ 80 до 100 милліоновъ р. с. В. К. Константинъ Николаевичъ имѣлъ свиданіе съ графомъ А. Д. Гурьевымъ, у котораго распрашивалъ подробности о старой откупной системѣ, потомъ перешелъ къ нынѣшней и, наконецъ, пожелалъ узнать слабую сторону и недостатки послѣдней. Графъ Гурьевъ убѣдилъ Великаго Князя въ необходимости ее замѣнить чѣмъ-нибудь болѣе полезнымъ для государства.

9 Февраля. С. В. Шереметевъ, губернскій предводитель Нижегородскаго дворянства, представлялся Государю. Когда рѣчь зашла объ усадьбахъ крестьянскихъ, которыя должны пріобрѣтаться поселянами посредствомъ выкупа съ тѣмъ, чтобы принадлежать вѣчно пріобрѣтателямъ, Шереметевъ позволилъ себѣ замѣтить, что въ столицахъ и въ другихъ городахъ домовладѣльцы, не взирая на то, что домà составляютъ ихъ неотъемлемую собственность, платятъ ежегодно поземельныя деньги городу, такъ что нѣкоторымъ образомъ земля продолжаетъ считаться городскою. Это замѣчаніе, важное, произвело впечатлѣніе на Государя.

11 Февраля. У Государя былъ небольшой обѣдъ. Присутствовали между прочимъ министръ государственныхъ имуществъ Муравьевъ, оберъ-полицеймейстеръ гр. Шуваловъ, Авр. Карл. Карамзина и братъ. Рѣчь шла объ устройствѣ полиціи въ Парижѣ и о всѣхъ предосторожностяхъ для сохраненія жизни Наполеона. Въ подтвержденіе сего Императоръ разсказалъ, что въ послѣднее пребываніе его въ Штутгардтѣ былъ вечеръ на виллѣ у В. К. Ольги Николаевны, который ему надо было оставить, чтобы ѣхать навстрѣчу къ Императрицѣ, при-

бывшей изъ Дармштадта. Съ желѣзной дороги Государь приказалъ ѣхать чрезъ паркъ и сады, желая показать ихъ Императрицѣ, и немало удивился, увидя вездѣ пикеты Французскіе. «Да, прибавилъ онъ, нарочно были привезены Французскія войска для охраненія особы Наполеона. Теперь положеніе его очень трудно».

12 Февраля. За тѣмъ же обѣдомъ Государь разсказывалъ, что въ то время, когда онъ кушалъ чай, ожидалъ его товарищъ министра государственныхъ имуществъ. Вспомня объ этомъ, Императоръ приказалъ служителю попросить *Зеленаго.* Черезъ нѣсколько времени приносятъ чашку чаю, и на вопросъ что́ принесли? отвѣчаютъ, зеленаго чаю. Государь, не употребляющій никогда зеленаго чаю, усмѣхнулся и приказалъ позвать г-на Зеленаго. — Въ тотъ же день собрался небольшой кружокъ у Великой Княгини Маріи Николаевны: А. К. Карамзина, князья Горчаковъ и Долгоруковъ и братъ. Великая Княгиня принимаетъ любезно, прося, чтобы у нея вели себя какъ у Маріи Николаевны, а не какъ у Великой Княгини, и предлагая присутствующимъ цигаретки изъ особеннаго табаку. Разговоръ шелъ о необходимости уничтожить Коммиссію Прошеній, какъ мѣсто излишнее, которое растягиваетъ процессы, лишаетъ Сенатъ его силы и обременяетъ Государственный Совѣтъ множествомъ дѣлъ, которыя должны бы кончаться въ Сенатѣ. Говорено было также о пріѣхавшемъ сюда изъ Парижа Coston, отгадывающемъ мысли, называя карты, о которыхъ подумаешь. Въ немъ ясновидѣніе очень развито, и иногда дѣлаемыя имъ усилія такъ дѣйствуетъ на нервы, что онъ весь трясется. Государь сказалъ оберъ-полицеймейстеру, что Coston принималъ часто участіе въ дѣлахъ политическихъ и что за нимъ нуженъ бдительный надзоръ. Разговоръ перешелъ къ вертящимся столамъ. Разсказы брата произвели на всѣхъ впечатлѣніе: Великая Княгиня дрожала, а князь Долгоруковъ говорилъ, что, возвратясь домой, онъ, со страхомъ оставался одинъ въ полуосвѣщенной комнатѣ. Кто-то замѣтилъ, что со времени круженія столовъ много произошло тяжелаго: война, Парижскій трактатъ, гибель парохода «Лефортъ» и пр. Князь Долгоруковъ говорилъ, что императоръ Николай заставлялъ его, князя Орлова и А. Адлерберга кружить столы, которые двигались по слову Государя.

14 Февраля. Пришло извѣстіе о кончинѣ графа В. Д. Олсуфьева, сего умнаго, добраго и истинно-Русскаго человѣка. Горячо любя свое отечество, онъ держался старинной простоты въ жизни, избѣгалъ утонченностей новѣйшаго комфорта и роскоши, но притомъ любилъ изобиліе за столомъ своимъ, за которымъ сидѣлъ какъ патріархъ, окруженный многочисленными семействами, живущими въ домѣ, и часто нѣсколькими пріятелями. Все западное противно было его чистому, род-

ному, патріотическому чувству. Онъ всегда готовъ былъ на доброе дѣло, питалъ особенную признательность къ своимъ воспитателямъ, любилъ переноситься мыслію къ годамъ своей юности и вспоминать членовъ и родственниковъ своего семейства, гдѣ протекли младенческіе и отроческіе дни его. Обращеніе его отличалось особеннымъ радушіемъ, и присутствіе его при Дворѣ принесло много пользы. Царствующая Императрица, получивъ извѣстіе о кончинѣ Олсуфьева, была тронута, пошла въ церковь и приказала отслужить по немъ панихиду.

15 Февраля. Кокоревъ вздумалъ дать обѣдъ въ залѣ Большаго театра. Въ углубленіи залы намѣревались поставить бюстъ Государя съ различными украшеніями и особеннымъ вокругъ него великолѣпіемъ. Бенуары и хоры перваго яруса назначались дамамъ. Предполагались тосты за Государя и дворянство, радующееся освобожденію крестьянъ. Во время каждаго тоста по ложамъ слуги должны были носить Шампанское и десертъ. На хорахъ втораго и прочаго ярусовъ думали помѣстить воспитанниковъ Кадетскаго корпуса. Обѣдъ не обошелся бы безъ рѣчей. Подобныя изъявленія и манифестаціи вовсе не нужны для прочнаго устройства и довершенія задуманнаго дѣла, а могли бы только, дамскою готовностью воспламеняться и живостью молодежи, произвести безпорядки. Посему отмѣненіе сего обѣда можно считать распоряженіемъ благоразумнымъ. Кокоревъ есть орудіе Московскихъ литераторовъ и ученыхъ, которые лестью могутъ употреблять его средства для достиженія своихъ цѣлей. Теперь общество можно раздѣлить на людей: 1) отсталыхъ, отвергающихъ освобожденіе крестьянъ, 2) благоразумныхъ, желающихъ исполненія мѣры, даже при нѣкоторыхъ пожертвованіяхъ, только въ смыслѣ пользѣ крестьянъ, 3) ажитаторовъ, не довольствующихся мирнымъ разрѣшеніемъ настоящаго вопроса и желающихъ правъ политической трибуны, отвѣтственныхъ министровъ, свободы печатанія и пр.

16 Февраля. Князь С. М. Воронцовъ, только что пріѣхавшій изъ Парижа, за столомъ у Государя, разсказывалъ, что онъ присутствовалъ при опытахъ извѣстнаго Юма въ Тюльерійскомъ дворцѣ у императора Наполеона. Сидѣли около круглаго стола, на которомъ вдругъ показалась женская рука. Княгиня Воронцова содрогнулась. Юмъ старался ободрить ее. Между тѣмъ рука, дотолѣ двигавшаяся по столу, остановилась противъ нея. Юмъ просилъ княгиню надѣть на палецъ кольцо съ назначеніемъ, кому надлежало вручить оное. Рука двинулась, и какъ кольцо велѣно было подать князю Воронцову, она остановилась противъ него и исполнила данное ей порученіе. Вотъ между тѣмъ опытъ, сдѣланный здѣсь Coston. Онъ пишетъ нѣсколько словъ, даетъ вамъ написанное въ руку; вы не знаете что̀ написано, а вол-

шебникъ вамъ говоритъ: Теперь посмотрю, какъ вы напишите что-нибудь другое, а не то что́ въ запискѣ! Дѣйствительно написанное было слово въ слово тоже.

Великая Княгиня Ольга Ѳедоровна, пріѣхавъ изъ Зимняго дворца, разсказывала, что нашла царствующую Императрицу, съ красными распухшими глазами. «Я потеряла, сказала Государыня, говоря про графа Олсуфьева, истиннаго друга; а нельзя довольно оцѣнять, милая Ольга, преданность и привязанность людей, доказавшихъ намъ всегда на опытѣ свою приверженность. Эта потеря всегда была бы мнѣ чувствительна, но въ настоящихъ обстоятельствахъ она меня глубоко огорчаетъ». И Государыня опять заплакала.

17 Февраля. Князь Щербатовъ, въ рукописи о поврежденіи нравовъ въ Россіи, разсказываетъ, что государь Петръ I-й любилъ одного Русскаго морскаго офицера за его знанія. Былъ въ Кронштадтѣ обѣдъ, за которымъ морякъ подпилъ и, начавъ хвалить Царя, заключилъ похвалу такъ: «Но ты, Государь, входишь въ лѣта; что̀ будетъ съ Россіею, когда тебя не станетъ, и на кого ты насъ оставишь?»—«У меня есть наслѣдникъ», возразилъ Императоръ. «Охъ, вѣдь глупъ, все разстроитъ». Петръ, помолчавъ нѣсколько, усмѣхнулся и, легко ударивъ моряка по головѣ, сказалъ: «Дуракъ, о такихъ вещахъ въ бесѣдѣ не говорятъ».

У Карамзиной вечеромъ былъ Coston. Замѣчательнѣе другихъ былъ слѣдующій опытъ. Онъ просилъ, чтобы написали ему какіе-нибудь историческіе годы, отличенные особенно памятными событіями. Фокуснику закрыли глаза хлопчатой бумагой, потомъ на каждый глазъ положили платокъ и затѣмъ повязали глаза тремя повязками. Коснувшись одной записки, онъ сталъ повѣствовать рядъ историческихъ событій, въ заключеніе коихъ сказалъ годъ. Такъ поступилъ онъ и съ прочими двумя записками. Когда у волшебника спросили, какія средства нужны для его мастерства, онъ сказалъ: «ловкость, математическія исчисленія (онъ ученикъ Политехнической Школы) и конечно нѣкоторая начитанность. Про Юма Coston отозвался такъ. Когда соберутся къ Юму, онъ обращается къ присутствующимъ съ слѣдующими словами: «Прошу тѣхъ, которые чувствуютъ себя расположенными мнѣ вѣрить остаться, а остальныхъ—удалиться». Тогда въ залѣ, дотолѣ ярко освѣщенной, тушатся огни, и царствуетъ полусумракъ или даже мракъ, среди котораго Юмъ заставляетъ столы ходить, руки отдѣльно отъ туловища появляться и дѣйствовать, и совершаетъ свои чудеса. Какъ все это дѣлается, зрители не имѣютъ возможности видѣть.

18 Февраля. Извѣстно, что графъ П. Д. Киселевъ, нынѣ посолъ въ Парижѣ, нѣкогда служилъ начальникомъ штаба 2-й арміи, гдѣ

было тайное общество. По обязанности, лежавшей тогда на немъ, онъ долженъ былъ знать все, что происходило во 2-й арміи. Неизвѣстно, имѣлъ ли онъ понятіе о заговорѣ, но извѣстно только, что тѣсная дружба соединяла его съ Бурцовымъ, Пестелемъ и другими заговорщиками. Изъ сего общества онъ вынесъ непомѣрное свободомысліе. Будучи человѣкомъ умнымъ, но не получившимъ правильнаго образованія, гр. Киселевъ нахваталъ, гдѣ ни попало, и въ книгахъ, и въ разговорахъ, либеральныхъ мыслей и сохранилъ ихъ доселѣ. Какъ многіе другіе, онъ помышлялъ объ освобожденіи крестьянъ и для того отправилъ трехъ чиновниковъ, Жеребцова, Арапетова и Заблоцкаго, съ порученіемъ ѣздить по Россіи и собирать свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ помѣщичьею властью. Такимъ образомъ эти благородныя лица часто пользовались предлагаемымъ имъ гостепріимствомъ, чтобы потомъ писать извѣты на угощавшихъ ихъ простодушно помѣщиковъ. Лазутчики привезли цѣлую кипу обвиненій своему начальнику. Графъ, не зная важности права собственности, какъ главнаго основанія всякаго общества, поспѣшилъ составить проектъ освобожденія, по которому усадьбы отдавались безденежно крестьянамъ, и имъ также предоставлялись и двѣ трети помѣщичьихъ земель; о лѣсѣ сказано было, что за каждое поваленное дерево помѣщикъ обязывался дать крестьянину такихъ два дерева. Прочитавъ выписки изъ книги обвиненій, собранныхъ агентами гр. Киселева, покойный Государь хотѣлъ тотчасъ подписать проектъ. Министръ самъ испугался такой поспѣшности и предложилъ составить комитетъ для разсмотрѣнія проекта. Проектъ не былъ одобренъ. Дѣятельнѣйшимъ членомъ комитета былъ князь А. С. Меншиковъ, которому принадлежитъ честь отверженія мѣры, бывшей явнымъ посягательствомъ на право собственности, лишавшей одно сословіе его достоянія въ пользу другаго и долженствовавшей разстроить и совершенно уронить хлѣбопашество въ Россіи. Нынѣ вопросъ о пріобрѣтеніи крестьяниномъ усадьбы встрѣчаетъ сопротивленіе; нѣтъ сомнѣнія, что проектъ Киселева, обращенный въ узаконеніе, произвелъ бы общій вопль и возстаніе. Проектъ принадлежитъ редакціи Карнѣева, человѣка умнаго и хорошо пишущаго, но безъ убѣжденій и готоваго писать за возмездіе что угодно.

19 Февраля. Часто насъ смущаетъ, что другіе не такъ поступаютъ, какъ должно. Наше положеніе измѣняется: мы чувствуемъ неудовольствіе, нетерпѣніе, волненіе и даже нѣкоторую раздражительность. Не производимъ ли мы нерѣдко сами того же дѣйствія на другихъ? Не видимъ, чтобы на насъ за то сѣтовали и негодовали. Иногда есть попытки истиннаго участія насъ уговорить или расположить къ тому, чего не дѣлаемъ, но ни волненія, ни досады не замѣчаемъ. Итакъ,

кто такъ поступаетъ, можемъ сказать, благоразумнѣе насъ, и будемъ слѣдовать его примѣру. Наше сѣтованіе не поможетъ дѣлу, а можетъ только привести въ неудовольствіе другаго, а насъ лишаетъ мира, необходимаго для нашего спасенія. При томъ то, что́ намъ кажется вреднымъ или опаснымъ, можетъ происходить отъ недостатка спокойствія, ненормальнаго состоянія нервовъ и нѣкоторой робости, слѣдствія превратностей и скорбей жизни. Скажемъ наше мнѣніе, стараясь его представить по возможности убѣдительно и сопровождая оное внутренно молитвою, чтобы оно было принято, если можетъ принести пользу, отвергнуто въ противномъ случаѣ; а остальное предоставимъ Богу, Который Одинъ знаетъ, что̀ каждому изъ насъ точно нужно. Въ минуты безпокойства душевнаго, обращеніе къ Господу, при подобныхъ размышленіяхъ, снова водворяетъ въ насъ миръ и ясность. Увлекаясь слишкомъ нашими тревогами, мы явно жертвуемъ вѣчнымъ временному и небеснымъ земному. Не безумно ли это?

20 Февраля. Передъ тѣмъ, какъ идти на Парижъ, у императора Александра Павловича собирался ежедневно совѣтъ, гдѣ разсуждали, направлять ли арміи на столицу Франціи? Князь Шварценбергъ рѣшительно возставалъ противъ этой мѣры и въ послѣднее засѣданіе объявилъ, что на другой день съ разсвѣтомъ выступитъ съ своими войсками по иному направленію. Дѣйствительно онъ это исполнилъ. Между тѣмъ послѣ сего выступленія черезъ нѣсколько часовъ явился гонецъ съ аванпостовъ съ увѣдомленіемъ, что графа Нессельроде ожидаетъ тамъ иностранецъ съ письмомъ. Графъ принесъ къ Государю письменное увѣдомленіе и просилъ разрѣшенія. Императоръ приказалъ ѣхать и лишь только министръ иностранныхъ дѣлъ пріѣхалъ на аванпосты, ему была вручена записка слѣдующаго содержанія: «Pourquoi perdez-vous votre temps? Marchez sans délai sur Paris; vous y trouverez les portes ouvertes. Talleyrand» *). Записка по сіе время хранится у графа Нессельроде, нынѣ государственнаго канцлера.

21 Февраля. Съ лѣтами проходятъ разные вкусы, рѣдѣетъ кругъ пріятелей, друзей и сверстниковъ, не чувствуешь въ себѣ отголоска новыхъ мыслей и, наконецъ, живешь старымъ міромъ въ новомъ мірѣ. Сіи явленія, сопровождающія вторую половину нашей жизни, уменьшаютъ болѣе и болѣе привязанность нашу къ земному, показываютъ ничтожество того что̀ нѣкогда мы цѣнили, и обращаютъ наши мысли къ небесному. Близкіе сердцу, когда Провидѣнію угодно ихъ намъ сохранить, связываютъ насъ съ жизнію, заставляютъ любить ее и обра-

*) За чѣмъ вы теряете время? Ступайте не медля въ Парижъ; ворота его вамъ открыты. Талейранъ.

зуютъ главное звено, которое насъ съ нею соединяетъ. Съ каждымъ днемъ звено становится тонѣе; горестно дожить до того времени, когда оно распадется. Тогда наше бѣдное сердце, ноя и тоскуя на землѣ, будетъ проситься на небо, куда впрочемъ каждая скорбная утрата его все болѣе и болѣе направляетъ. Это стремленіе къ небу обнаруживается въ охлажденіи къ жизни, въ предпочтеніи уединенія, въ размышленіи частомъ объ иномъ мірѣ, и въ самой молитвѣ, которая чаще влагается въ сердце и уста.

22 Февраля. Одинъ врачъ посѣщалъ больную, которая по бѣдности занимала сырой уголъ; у нея была рана на ногѣ, и врачъ, человѣкъ добрый и благочестивый, сказалъ ей однажды, что рана ея не закрывается отъ нездороваго жилья. Спустя нѣсколько дней, онъ опять отправился къ паціенткѣ; но ему объявили, что она переѣхала. Медикъ спросилъ, куда; и пустился искать ее. Онъ нашелъ больную въ сухой, удобной и покойной комнатѣ. Она разсказала ему, что барыня ея, узнавъ о ея болѣзни и о причинѣ невыздоровленія, перевезла ее къ себѣ въ домъ и приказала приставленной для ухода за нею служанкѣ покоить ее. Между тѣмъ вошла старушка; черты ея выражали доброту, взоръ былъ ясный, и она съ участіемъ спросила у доктора о положеніи больной. Врачъ продолжалъ видѣться со старушкою у своей паціентки и все болѣе оцѣнялъ ея добродѣтель и благочестіе.

23 Февраля. Между тѣмъ со времени перемѣщенія болѣзнь примѣтно уступала медицинскимъ средствамъ и черезъ двѣ недѣли совершенно прошла. Тогда благодѣтельная старушка, полюбившая доктора за доброту его, просила его не прекращать своихъ посѣщеній и только вмѣсто служанки пріѣзжать къ ней. Однажды врачъ заговорилъ о своемъ семействѣ и о дочери, которую выдавалъ замужъ. Старушка изъявила при семъ случаѣ желаніе, что нибудь сдѣлать для него пріятное, вышла въ другую комнату и вынесла оттуда билетъ въ 2000 р., который просила его употребить на приданое дочери. Въ другой разъ докторъ нашелъ у старушки мальчика, котораго она рѣдко отъ себя отпускала. Онъ спросилъ у нея о немъ. «Вдова моего кучера, которая недавно кончила жизнь, отвѣчала старушка, просила меня передъ смертью не покидать бѣдняжки. Жаль его; сирота онъ круглый, и я желала поговорить съ вами, куда его отдать въ ученіе. Подумайте объ этомъ и при первомъ свиданіи сообщите мнѣ ваши мысли по сему предмету».

24 Февраля. При слѣдующемъ посѣщеніи докторъ предложилъ доброй старушкѣ помѣстить мальчика въ фельдшерскую школу. Тамъ въ немъ открылись способности, и онъ началъ оказывать замѣчательные успѣхи. Не желая ограничить образованіе его слишкомъ тѣснымъ

кругомъ, онъ нашелъ полезнымъ, съ согласія покровительницы воспитанника, перевести его въ гимназію, гдѣ онъ скоро сталъ однимъ изъ первыхъ учениковъ, и въ послѣдствіи первымъ. Между тѣмъ добрая старушка, иногда деньгами, иногда билетами, передавала врачу довольно значительныя суммы съ тѣмъ, чтобы составить капиталъ ко времени окончанія воспитанникомъ курса въ Университетѣ, откуда онъ вышелъ кандидатомъ и нынѣ служитъ полезнымъ чиновникомъ въ министерствѣ. Молодой человѣкъ отличенъ начальствомъ, любимъ товарищами и уважаемъ всѣми, кто только до него имѣетъ дѣло. Старушка Лопухина, уже нѣсколько лѣтъ кончившая жизнь, принадлежитъ къ тѣмъ утѣшительнымъ явленіямъ, которыя приносятъ честь человѣчеству и, исполняя потребность сердца, горящаго святою любовью къ ближнему, посланы на землю въ отраду несчастнымъ.

25 Февраля. Кто-то замѣтилъ справедливо: чтó Оконель нѣкогда дѣлалъ въ Ирландіи, то правительство дѣлаетъ въ Россіи. Хорошо, если настоящее броженіе въ крестьянахъ не произведетъ ничего къ веснѣ. Самые поборники эмансипаціи не скрываютъ своихъ опасеній.—Пріѣхавшіе изъ Парижа сказываютъ, что положеніе тамъ очень трудное; послѣднія мѣры произвели общее неудовольствіе; къ тому же рѣшеніе Нижняго Парламента, принудившее Пальмерстона къ отставкѣ, оскорбило чувство народное во Франціи. Нѣкоторые изъ живущихъ тамъ иностранцевъ отправили въ Италію и другія земли свои семейства, опасаясь безпорядковъ. Наполеонъ боится Англіи, но государственные люди Великобританіи не заботятся о Франціи. «Мы не знаемъ Россіи, говорилъ недавно одному Русскому, посѣтившему Лондонъ, лордъ Гренвиль (бывшій на коронаціи), но знаемъ только, что соединенныя усилія четырехъ державъ, послѣ непомѣрныхъ пожертвованій людьми и деньгами, кончились взятіемъ половины Русскаго города».

26 Февраля. Сегодня сестры уѣхали въ Москву. Чѣмъ долѣе живу, тѣмъ становится труднѣе разставаться. Уже два дни камень лежалъ у меня на сердцѣ; но когда настала минута разлуки, сердце такъ сжалось, что едва могъ удержать слезы. Всѣ мы въ лѣтахъ; потомъ воспоминаніе недавней утраты невольно наводитъ на грустныя мысли. По возвращеніи съ желѣзной дороги тоже чувство возобновлялось каждый разъ, когда я входилъ въ опустѣлыя комнаты, только что покинутыя милыми ихъ обитательницами. Впрочемъ, полно предаваться подобнымъ впечатлѣніямъ. Друзей своихъ слѣдуетъ поручить милосердному Господу и возблагодарить благость Его, что благословилъ насъ пожить вмѣстѣ. Въ сердечныхъ изліяніяхъ семейнаго кружка душа

наша, очищаясь, освящается духовнымъ настроеніемъ, къ которому болѣе расположены женщины и особенно сестры.

27 Февраля. Читалъ записку, составленную Воейковымъ *) о смерти императора Павла. Сочинитель, служившій въ конной гвардіи, разсказываетъ печальное происшествіе, какъ мы его знаемъ. Первую мысль онъ приписываетъ не графу Палену, а графу Панину. Потомъ говоритъ, что любимцы Екатерины, упоенные властію, обращались съ наслѣдникомъ непочтительно и дерзко. Такъ однажды за обѣдомъ, онъ сидѣлъ между императрицею и П. А. Зубовымъ. Всѣ сообщали свои мнѣнія о какомъ то важномъ предметѣ, одинъ Павелъ хранилъ молчаніе. «А какое мнѣніе В. И. Высочества?» спросила Императрица.— «Тоже самое, что́ и князя Платона Александровича».—«Знать, я сказалъ большую глупость», подхватилъ князь Зубовъ.

28 Февраля. Замѣчателенъ разсказъ генерала Бенигсена П. С. Кайсарову; онъ составляетъ отдѣльную статью отъ повѣствованія о кончинѣ Павла. Бенигсенъ служилъ на Кавказѣ и просился въ отпускъ въ С.-Петербургъ; ему было отказано. Между тѣмъ онъ получилъ письмо отъ гр. Палена, который предлагалъ ему пріѣхать тайно, для чего прислалъ видъ и подорожную. Бенигсенъ пріѣхалъ въ Петербургъ по дѣлу, которое у него производилось въ Сенатѣ, и никуда не ходилъ, исключая оберъ-секретаря и секретаря, имѣвшихъ его тяжбу въ рукахъ. Однажды онъ сидѣлъ покойно въ своей квартирѣ, въ одной изъ отдаленныхъ частей города, когда посѣтилъ его кн. П. А. Зубовъ. Посѣтитель уговорилъ хозяина ѣхать провести вечеръ съ пріятелями. Бенигсенъ сначала не соглашался, потомъ рѣшился. Они пріѣхали въ домъ, гдѣ нашли довольно многочисленное общество. Ихъ привѣтствовали Шампанскимъ, но въ собраніи было что-то таинственное: многіе шептались между собою, а другіе казались озабоченными.

2 Марта. Теперь мысли объ освобожденіи крестьянъ начинаютъ проясняться. Дѣло начато, отложить его или отмѣнить уже невозможно. Надобно стараться разрѣшить задачу, сколько зависитъ отъ заинтересованныхъ людей, удовлетворительно для обѣихъ сторонъ; но пожертвованія должны скорѣе нести помѣщики, нежели крестьяне. Поселянину, при ограниченности его средствъ, нерѣдко едва достаточныхъ для прокормленія себя и семьи, всякое лишеніе чувствительно и тяжело; а помѣщику, при нѣкоторой убыли въ доходѣ, придется только отказать себѣ въ излишествахъ и прихотяхъ, питающихъ тщеславіе и удовлетворяющихъ неправильнымъ требованіямъ новѣйшей роскоши со всѣми ея ухищреніями.

---

*) Извѣстнымъ издателемъ „Русскаго Инвалида", Александромъ Ѳедоровичемъ. П. Б.

3 Марта. Вездѣ обнаруживается сопротивленіе со стороны дворянства. Никто не хочетъ дѣлать пожертвованій, и всѣ держатся за усадьбы и поля. Въ Полтавской губерніи предводитель дворянства пользовался совершенно довѣріемъ дворянъ, нынѣ же вовсе его утратилъ; перемѣна эта произошла послѣ изданія рескриптовъ и циркуляровъ. Въ Москвѣ дворянство цѣнитъ усадьбу въ 600 р. с., и выборъ членовъ въ Московскій комитетъ самый несчастный. Одинъ изъ нихъ, извѣстный жестокимъ обращеніемъ съ крестьянами, былъ подъ слѣдствіемъ. Жаль, что дворянство ставитъ себя въ неблагопріятный видъ и не понимаетъ, что, дѣйствуя умѣренно и благоразумно, оно положило бы основаніе устройству быта крестьянскаго на началахъ болѣе для себя выгодныхъ. Если же оно вынудитъ правительство дѣйствовать за себя, то тогда дѣло приметъ иной оборотъ.

4 Марта. Сказываютъ, что покойный Шрёдеръ, нашъ министръ при Саксонскомъ дворѣ, заказалъ обѣдъ на четырехъ человѣкъ, предваря, что у него будетъ за столомъ гофмаршалъ Саксонскаго короля. Пришло время обѣдать, и Шрёдеръ сѣлъ одинъ за столъ. Онъ сталъ живо говорить; тогда дворецкій осмѣлился замѣтить своему господину, что за столомъ, кромѣ его, никого не было. А гдѣ же гофмаршалъ? спросилъ хозяинъ. Онъ по нездоровью не пришелъ, былъ отвѣтъ. Пошлите за нимъ. Посланный встрѣтилъ человѣка гофмаршала, которому передалъ порученіе, и узналъ отъ него, что у Саксонскаго царедворца происходитъ тоже самое: хозяинъ сидитъ одинъ за столомъ, приготовленнымъ для четырехъ и недоволенъ, что не пришелъ г. Шрёдеръ, за которымъ и послалъ. Скоро потомъ и Шрёдеръ, и гофмаршалъ умерли въ одно время. У Шрёдера въ послѣднее время замѣчали нѣкоторое мозговое разстройство. Онъ оставилъ духовное завѣщаніе, начинающееся словами: «Si jamais je viens à mourir» [1]) и пр.

6 Марта. Вотъ что говоритъ намѣстникъ Царства Польскаго князь Горчаковъ о князѣ Меншиковѣ: «Съ молоду мы были товарищами. Меншиковъ былъ красивъ. Я всегда любилъ заниматься и, видя меня окруженнаго книгами, онъ часто мнѣ говаривалъ: «Croyez moi que vous faites fausse route; cela n'est pas le savoir, c'est le savoir faire qui nous ouvre et facilite la carrière» [2]). Въ другой разъ мнѣ случилось читать очень серьезную книгу. Увидя ее, онъ сталъ просить дать ему хотя на одинъ день. «Сочиненіе глубокое, возразилъ я», продолжаетъ кн. Горчаковъ, «зачѣмъ оно тебѣ на одинъ день?»—«Je suis

---

[1]) Если когда нибудь я умру.

[2]) Повѣрьте мнѣ, что вы не на вѣрномъ пути; чтобы открыть себѣ положеніе и облегчить его, потребно не знаніе, а умѣнье.

demain de service, et cela sera d'un bon effet qu'on voye ce livre sur ma table» *). Онъ отличался всегда острыми словами и такимъ образомъ безъ всякихъ положительныхъ качествъ, посредствомъ своего savoir faire и остротъ, вышелъ въ люди.

7 Марта. «Онъ писалъ ко мнѣ изъ Севастополя, чтобы я прислалъ ему проектъ защиты этого мѣста», продолжаетъ князь Горчаковъ. «Инженернымъ дѣломъ и фортификацією я много занимался и знаю ихъ даже тверже, чѣмъ артиллерію, которая всегда была моею частію. Онъ бралъ мой проектъ, благодарилъ за него и ничего не сдѣлалъ. На вопросъ: почему? онъ отвѣчалъ, что у него не было инструментовъ для производства земляныхъ и другихъ работъ, а между тѣмъ нужные инструменты не трудно было достать, и много, если бы они стоили 10.000 р. с.».

8 Марта. Въ Дибичѣ князь Горчаковъ не признаетъ никакихъ способностей полководца, а о Паскевичѣ отзывается, какъ о способномъ военачальникѣ. Во время Польской кампаніи армія оставалась безъ продовольствія. Онъ довелъ до того наши дѣла въ Царствѣ, что покойный Императоръ, робкій при неудачахъ и надменный въ счастіи, писалъ къ главнокомандующему объ употребленіи всевозможныхъ усилій къ заключенію мира даже при уступкахъ, какія онъ заблагоразсудитъ сдѣлать.

9 Марта. Князь А. М. Горчаковъ утверждалъ, что надобно было продолжать войну. Противъ этого сильно возсталъ намѣстникъ. «Если бы, говорилъ онъ, мы продолжали борьбу, мы лишились бы Финляндіи, Остзейскихъ губерній, Царства Польскаго, Западныхъ губерній, Кавказа, Грузіи, и ограничились бы тѣмъ, что́ нѣкогда называлась великимъ княжествомъ Московскимъ. Наполеонъ кончилъ свое поприще, потому что хотѣлъ бороться со всею соединенною противъ него Европою. Нѣтъ державы, которая могла бы вести войну безъ союзниковъ противъ общаго на нее возстанія. Заключеніе мира было неизбѣжно».

10 Марта. Въ порывѣ откровенности намѣстникъ сказалъ про покойнаго фельдмаршала Паскевича... Имъ было принято непремѣнное рѣшеніе покинуть Польшу и отступать во внутреннія губерніи. Доказательствомъ служатъ уже произведенная раздача путевыхъ денегъ лицамъ, составлявшимъ его штабъ, и складъ 40 тысячъ четвертей овса, еще понынѣ лежащихъ на томъ пунктѣ, куда онъ намѣревался направить свое отступательное движеніе. Фельдмаршалъ говорилъ, напр., о необходимости немедленно идти на Вѣну, а между тѣмъ въ кабинетѣ,

---

*) Завтра я на службѣ, и если увидятъ эту книгу у меня на столѣ, это произведетъ хорошее впечатлѣніе.

когда надлежало приступить къ чему-нибудь важному на дѣлѣ, онъ являлся робкимъ и страшился мысли завязать бой съ Европейской арміею.

11 Марта. Князь А. М. Горчаковъ получилъ небольшое письмо изъ Парижа, запечатанное черною печатью. Въ немъ непонятны слова: Страмптовъ, туммпъ, и въ родѣ такомъ нѣсколько строкъ; потомъ идутъ цифры. Записка подписана: Vitre Sybille. Сибилла означила свой адресъ: Rue St. Honoré N. Думаютъ послать письмо въ Парижъ и тамъ стараться развѣдать что-нибудь о таинственной Сибиллѣ и ея іероглифахъ.

13 Марта. Намѣстникъ Царства Польскаго говоритъ: «Къ стыду моему я долженъ признаться, что всегда полагалъ Севастополь укрѣпленнымъ. Что же я тамъ нашелъ? Нѣсколько парапетовъ со стороны моря и ничего съ противной стороны. Еслибъ князь Меншиковъ, имѣвшій на то время, укрѣпилъ Севастополь, какъ слѣдовало, то Севастополь существовалъ бы, и нашъ флотъ Черноморскій не былъ бы уничтоженъ. Боскè очень легко могъ бы занять городъ; впрочемъ, не онъ одинъ, и другіе имѣли возможность сдѣлать тоже. Севастополь стоилъ годовой борьбы, потери союзникамъ 200 т. человѣкъ и 2 или 3 миліарда. Нашихъ тоже легло 200 т. человѣкъ».

14 Марта. Мнѣ сказывали, что по дѣлу Петрашевскаго, служившаго въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, видно, что онъ имѣлъ по всѣмъ вѣдомствамъ и на всѣхъ пунктахъ Россіи агентовъ, которые обязаны были дѣйствовать въ духѣ соціализма. Особенное вниманіе онъ обращалъ на воспитаніе, и учители учебныхъ заведеній принимали отъ него направленіе и приносили ему сочиненія, писанныя воспитанниками согласно съ его видами. Такъ однажды сообщено было сочиненіе о Св. Александрѣ Невскомъ, гдѣ святой представленъ былъ рабомъ хановъ и употреблявшимъ часто неблаговидныя средства для достиженія своихъ цѣлей. Ревность преподавателя доставила ему въ награду перемѣщеніе въ другое заведеніе, на болѣе видное мѣсто, при значительнѣйшемъ окладѣ. Переписка была обширная, и письма передавались агентами.

15 Марта. Въ обществѣ Петрашевскаго принималъ участіе Кокоревъ, бывшій тогда Казанскимъ откупщикомъ и игравшій въ послѣднее время въ Москвѣ нѣкоторую роль. Учредитель общества его завлекъ, считая на его умъ, особенно на его богатство. Впрочемъ откупщикъ не потерпѣлъ. Въ дѣлѣ сказано, что хотя онъ человѣкъ умный, но не образованный, такъ что онъ не отвѣчалъ дѣятельностью своею видамъ и ожиданіямъ общества. Безъ сомнѣнія Кокоревъ пострадалъ бы подобно другимъ; его выручили деньги. Въ разговорѣ его видна

смѣтливость Русскаго ума, и сужденія его основательны и здравы, хотя рѣзки и отличаются тономъ отчасти диктаторскимъ. Намѣреніе устроить въ Московскомъ театрѣ митингъ и поить тамъ Шампанскимъ молодежь Университета и другихъ учебныхъ заведеній нельзя одобрить.

16 Марта. Норовъ явился съ докладомъ къ Государю. Въ портфелѣ его были представленія по случаю свѣтлаго праздника. Императоръ не утвердилъ ни одного и сказалъ министру, что очень недоволенъ духомъ университетовъ и цензурою. Министръ, видя, что лишился довѣренности Государя, просилъ увольненія. Императоръ сказалъ: «Да, нужна перемѣна. Теперь поди сюда, обними меня, обними крѣпче; мы все-таки остаемся друзьями». Между тѣмъ изъ Москвы вызвали по телеграфу попечителя тамошняго университета сенатора Ковалевскаго. Когда онъ вошелъ въ кабинетъ, Императоръ спросилъ у него: «Знаете ли, для чего я васъ вызвалъ?»—«Не знаю, Государь», отвѣчалъ онъ. «Я предлагаю вамъ Министерство Народнаго Просвѣщенія». — «Ваше Величество, я никогда не готовилъ себя ни къ мѣсту попечителя, ни къ должности министра просвѣщенія. Долженъ даже признаться, что назначеніе въ попечители послѣдовало вопреки моему желанію. При томъ я не имѣю связей и веду жизнь уединенную».— «Вотъ ваши связи», сказалъ Государь, протянувъ ему руку. Онъ такъ добръ, обстоятельства такъ трудны, людей такъ мало, что рѣдко придетъ кому въ голову отказомъ отвѣчать на подобное предложеніе. Вообще выборъ Кавалевскаго заслужилъ общее одобреніе: онъ человѣкъ умный, добрый, благородный и замѣчательный администраторъ.

18 Марта. Вотъ какъ послѣдовало назначеніе Княжевича. Призвавъ его, Государь просилъ принять Министерство Финансовъ. «Ваше Величество, сказалъ Княжевичъ, я устарѣлъ; не думаю, чтобъ мои силы отвѣчали такому труду, тѣмъ болѣе, что война, и другія причины привели финансы въ разстроенное положеніе». (Брокъ просилъ соизволенія Государя составить отчетъ за послѣдній годъ своего управленія; Императоръ промолчалъ). На слова Княжевича отвѣтъ: «Если вы не примите министерства, вы меня поставите въ затруднительное положеніе и огорчите». Княжевичъ получилъ образованіе въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ слылъ хорошимъ математикомъ и даже иногда, въ случаѣ болѣзни или отсутствія, замѣщалъ самаго профессора. Въ молодости онъ и Н. И. Тургеневъ прилагали особенное стараніе къ изученію политической экономіи и финансовъ. Въ совѣщательныхъ собраніяхъ Княжевичъ не отличается даромъ слова и твердостью въ отстаиваніи ввѣренныхъ ему интересовъ. Можетъ быть, доброта обезоруживаетъ его въ присутствіи денежныхъ просьбъ.

19 Марта. Въ Лейпцигѣ изданъ «Русскій Сборникъ», гдѣ помѣщено письмо академика Погодина къ наставнику Великихъ Князей Титову, заключающее въ себѣ мысли о воспитаніи нашихъ царей. По мнѣнію автора письма, начиная съ Петра Великаго, всѣ государи наши получали плохое воспитаніе, исключая Александра I-го. Далѣе онъ излагаетъ свое мнѣніе о томъ, какъ слѣдуетъ готовить Наслѣдника престола и какъ исправлять его недостатки. Видно, что эти недостатки были ему указаны, а между тѣмъ имъ слѣдовало оставаться тайною семейства и воспитателей. Государь нашелъ дѣло противнымъ совѣсти и показалъ свое неудовольствіе Титову.

20 Марта. Прошлымъ лѣтомъ Титовъ открывался близкимъ ему людямъ, что находитъ непреодолимое затрудненіе во ввѣренномъ ему дѣлѣ, говоря, что военная часть слишкомъ отвлекаетъ вниманіе Наслѣдника отъ предметовъ, коихъ познаніе для него необходимѣе и важнѣе. Мнѣніе Титова не совсѣмъ основательно, и нельзя Наслѣднику престола оставаться чуждымъ арміи, гдѣ бы то ни было, особенно въ Россіи. Безъ сомнѣнія, Лейпцигская публикація имѣла слѣдствіемъ, что Титовъ вынужденъ былъ попытать, нельзя ли ему опять вступить на дипломатическое поприще. Ему сказали, что, послѣ его службы въ этомъ вѣдомствѣ, нѣтъ причины не опредѣлить его на могущую открыться ваканцію, министромъ къ одному изъ второстепенныхъ дворовъ Германіи. Вотъ настоящее положеніе воспитателя Великихъ Князей, а между прочимъ носится слухъ, что 17 Апрѣля имъ занимаемое мѣсто будетъ дано другому. Сперва говорили о князѣ Вяземскомъ; но теперь сомнѣваются, чтобъ онъ былъ назначенъ.

21 Марта. Затрудняются выборомъ товарища министру народнаго просвѣщенія. Государь хотѣлъ назначить князя Щербатова, Петербургскаго попечителя, но потомъ перемѣнилъ мысль и нынѣ желаетъ опредѣлить на это мѣсто Ив. Серг. Мальцова, уже 35 лѣтъ служащаго въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Мальцовъ, при нѣкоторомъ умѣ и хорошемъ образованіи, не рѣшителенъ, мелоченъ, формалистъ и боится всякой отвѣтственности. Сдѣланное ему предложеніе привело его въ трепетъ, и онъ рѣшительно не изъявляетъ согласія. Его особенно пугаетъ мысль, что можетъ быть самъ Государь призоветъ его, и тогда отказъ будетъ невозможенъ. Дѣло его могло рѣшиться уже или не замедлитъ.

22 Марта. Мѣсто попечителя Московскаго Университета есть также камень преткновенія. Пересматривали всевозможные списки, и кандидаты, предлагаемые Государемъ и другими, не соединяютъ нужныхъ условій. Мы, въ нашемъ тихомъ уголкѣ, когда представился случай, указали на сенатора Казначеева и на артиллериста Россета. Ну-

женъ человѣкъ умный, образованный и добрый, который при томъ уже показалъ на занимаемыхъ имъ мѣстахъ благоразумную распорядительность. Первое изъ указанныхъ лицъ отвѣчаетъ потребностямъ званія попечителя и своимъ благороднымъ характеромъ снискало себѣ общее уваженіе.

23 Марта. У заутрени на Пасху былъ въ Почтамтской церкви, гдѣ нашелъ Арк. Вас. Кочубея и опять, по прошлогоднему, изъ Москвы пріѣхавшаго сенатора Казначеева, который сказывалъ, что въ Москвѣ въ началѣ нѣсколько смутились новостью предмета эмансипаціи, но что теперь разсуждаютъ о вопросѣ съ бо́льшимъ спокойствіемъ. Конечно, интересъ каждаго увлекаетъ его далѣе, нежели слѣдуетъ; но, убѣдившись въ невозможности принять направленіе обратное и въ необходимости, напротивъ, придумать надлежащія мѣры къ исполненію видовъ правительства, Москвичи принялись за дѣло серьезно и прилагаютъ всевозможное стараніе къ удовлетворительному разрѣшенію вопроса. Добрая воля при милости Божіей его уладитъ.

24 Марта. Американцы говорятъ, что время—деньги. Вѣрно и точно выражаетъ эта мысль нашъ вѣкъ, ставящій выше всего золотаго тельца. Такое униженіе, лишая человѣческую природу достоинства, истребляетъ къ ней всякіе благородные порывы и повергаетъ людей въ бездну безнравственности и зла. Не то было бы съ людьми, еслибъ они говорили, что деньги—спасеніе или гибель, разумѣя жизнь загробную.

28 Марта—30 Апрѣля. Тревожныя извѣстія изъ Москвы о болѣзни двоюродной сестры, распространившіеся слухи о новомъ назначеніи брата и другія обстоятельства препятствовали мнѣ продолжать мои письменныя отмѣтки. Вчера мнѣ посчастливилось слушать пѣніе въ Исакіевской церкви болѣе тысячи пѣвчихъ. Что́ ни говорятъ объ этомъ храмѣ, а я съ отраднымъ умиленіемъ утѣшался великолѣпіемъ зданія и согласнымъ пѣніемъ священныхъ гимновъ, которые лились въ душу. Право, казалось, что они неслись съ неба.

(*Продолженіе будетъ*).

ПОЦЦО-ДИ-БОРГО ПРО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

Письмо его изъ Парижа въ Москву къ К. Я. Булгакову.

1814.

L'enthousiasme que la prise de Paris, la chute de Napoléon et la fin de la guerre ont produit en Russie, sera toujours inférieur à la grandeur de ces évènements et au mérite de notre incomparable Alexandre. Son peuple ne sait pas tout ce qu'il a fait, et le monde ignore encore les obligations infinies qu'il lui doit.

C'est ma fortune qui m'a ramené auprès de lui, lorsque la guerre est devenue vraiment Européenne. Que l'on se transporte à cette époque, que l'on mesure les difficultés qui s'opposaient à la délivrance générale, et ensuite que l'on calcule la force d'âme qui a été nécessaire pour hasarder cette grande entreprise.

Lutzen et Bautzen ne l'ont pas découragé, ni le terrible silence de l'Autriche dans cette circonstance pénible et critique. Adossé aux montagnes de la Silésie, séparé des routes principales qui conduisent en Pologne, menacé d'une insurrection sur ce point, l'Empereur n'a pas montré un seul symptôme d'anxiété: il a rejetté la paix et a eu l'adresse de conclure un armistice honorable, les armes à la main, avec des conditions avantageuses, qui l'ont mis ensuite en état de revenir à son système presque détruit par les malheurs de la campagne et la stupeur des autres nations.

Les négociations de Prague étaient entamées par la puissance médiatrice dans l'intention de conclure une paix désastreuse; c'est la fermeté de l'Empereur, sa dextérité, son esprit de conciliation qui ont arraché l'Autriche à sa propre faiblesse et aux menaces insidieuses de Napoléon.

La coalition reconnaissait le chef qui l'avait formée et qui seul pouvait tenir ensemble tant de souverains et de peuples divers, et ce chef donne à d'autres, avec une prudence infinie, le commandement de ses armées. Il arrête la déroute de Dresde, encourage la troupe, correspond et dirige les corps détachés et les ramène tous à Leipzig, où le sort de l'Europe fut assuré.

Arrivé à Francfort, le démon de la paix (je dis le démon, parce que ce n'est qu'un mauvais génie qui pouvait l'inspirer alors) s'empare de la faiblesse des alliés. L'Empereur a du les combattre pour les décider à entrer en France, plus qu'il n'aurait fait pour les déterminer à sauver l'Allemagne. C'est depuis le passage du Rhin que toutes les intrigues se déchainèrent pour arrêter sa marche triomphante. Langres, Chaumont et Troyes seront à jamais mémorables par les victoires remportées sur l'aveuglement des uns et la jalousie des autres. Tout paraissait désespéré vers la moitié de Mars n. st., lorsque l'on vit paraître une de ces occasions que la constance ne manque jamais de rencontrer lorsqu'elle sait attendre. L'Empereur trouve dans la séparation des autres *faiseurs* le moyen d'agir librement lui-même pour la première fois. Il coupa l'ennemi, qui avait hasardé un mouvement insensé sur la connaissance qu'il prétendait avoir du caractère et de l'esprit qui présidait au commandement des armées, il marcha sur Paris sans écouter les trembleurs, qui voyaient des millions d'hommes armés aux portes de cette capitale, et Bonaparte par tout; il combatit, gagna la bataille et attira sur lui les bénédictions et l'admiraton de la France. Son entrée est moins grand comme suite de la victoire, qu'elle ne l'est par cet abandon avec lequel il livra, pour ainsi dire, sa personne à un peuple et à une populace immense, sans gardes, sans précaution et avec la même sérénité qu'il aura montreé en entrant à Pétersbourg ou à Moscou. Tout le reste, mon cher compatriote, n'est que conséquence.

Quant à moi, après la campagne de Russie la chûte de Bonaparte était démontrée à mon esprit comme un problême résolu, en supposant que l'on employa les moyens qui existaient pour le détruire dans les intérêts opposés aux siens; j'ai servi, j'ai agi dans cette conviction comme un inspiré.

Si le Ciel m'accorde encore quelque temps à vivre, je dois à l'Empereur et à la patrie, qui m'a adopté, de laisser quelque matériel pour servir de monument à une gloire unique et si noblement acquise; je serai plus d'accord avec mon coeur lorsque cette dette sera payée.

Rien ne pouvait me faire plus de plaisir que de vous savoir heureux. Votre bonne et belle compagne y contribue plus qu'aucune autre cause, et je vous en félicite. Mes connaissances à Moscou sont si peu étendues qui je n'oserais me recommander particulièrement au souvenir de personne; mais si les désoeuvrés, comme il y en a dans une capitale, prononçaient mon nom, assurez les que j'ai servi en bon et vrai Russe et en sujet fidèle et reconnaissant.

Je voudrais avoir dit tout cela à votre père; c'est n'avoir pas tout perdu que de continuer les mêmes sentiments à un fils tel que vous.

Votre ami et serviteur Pozzo-di-Borgo.

Paris, 13 (26) juillet 1814.

Переводъ. Восторгъ, произведенный въ Россіи паденіемъ Наполеона и окончаніемъ войны, никогда не можетъ соотвѣтствовать величію этихъ событій и заслугамъ нашего несравненнаго Александра. Его народу не извѣстно все, что онъ совершилъ, и вселенная еще не знаетъ, какъ безконечно она ему обязана.

Судьба привела меня къ нему въ то время, когда война получила вполнѣ значеніе Европейское. Пусть вспомнятъ объ этой эпохѣ, измѣрятъ затрудненія, предстоявшія общему освобожденію, и затѣмъ сообразятъ, сколько нужно было имѣть силы душевной, чтобы отважиться на это великое дѣло.

На него не подѣйствовали Люценъ и Бауценъ, равно какъ и страшное молчаніе Австріи въ этихъ тяжкихъ и грозныхъ обстоятельствахъ. Прислоненный къ горамъ Силезіи, отрѣзанный отъ главныхъ дорогъ, которыя ведутъ въ Польшу, угрожаемый возстаніемъ въ ней, Государь ни разу не обнаружилъ и признака робости: онъ отвергъ предложеніе мира и съ оружіемъ въ рукахъ искусно устроилъ почетное перемиріе, на условіяхъ выгодныхъ, давшихъ ему потомъ возможность снова приняться за исполненіе своей мысли, остановленное военными неудачами и тупымъ бездѣйствіемъ другихъ народовъ.

Пражскія совѣщанія были устроены посредствующею державою въ видахъ заключенія погибельнаго мира. Благодаря твердости Государя, его ловкости и умѣнію примирять, Австрія превобѣдила собственную слабость, и возмутительныя угрозы Наполеона оказались безсильны.

Союзники признали главою виновника союза, который одинъ могъ держать въ единеніи столько государей и народовъ, и этотъ вождь, съ безпри-

мѣрнымъ благоразуміемъ, передаетъ начальство надъ войсками другимъ. Онъ спасаетъ Дрезденъ отъ гибели, одушевляетъ войска, ведетъ сношенія, руководитъ направленіемъ отдѣльныхъ воинскихъ силъ и стягиваетъ ихъ всѣ къ Лейпцигу, гдѣ обезпечилась судьба Европы.

Во Франкфуртѣ демонъ мира (говорю демонъ, потому что дѣйствовать тутъ могъ только злой духъ) овладѣваетъ слабодушіемъ союзниковъ. Склонить ихъ ко вступленію во Францію было для Государя труднѣе, нежели побудить къ освобожденію Германіи. Послѣ перехода черезъ Рейнъ пущены въ ходъ всевозможныя каверзы съ цѣлью задержать торжественное его шествіе. Лангръ, Шомонъ и Труа останутся навсегда памятны побѣдами, одержанными надъ ослѣпленіемъ однихъ и завистью другихъ. Въ половинѣ Марта новаго стиля положеніе дѣлъ было отчаянное, какъ произошелъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые всегда выручаютъ владѣющаго способностью выжиданія. Въ разъединеніи остальныхъ дѣятелей Государь въ первый разъ находитъ возможность свободно дѣйствовать самому. Непріятель, положившись на то, что ему извѣстно было о настроеніи, которое господствовало въ командованіи войсками, отважился на безумное движеніе. Императоръ поразилъ его и пошелъ на Парижъ, не внемля трусамъ, которые воображали, что у воротъ этой столицы милліоны войска и самъ Бонапартъ. Государь сразился, одолѣлъ и снискалъ себѣ благословеніе и удивленіе Франціи. Еще важнѣе побѣды было то, что, вступивъ во Францію, онъ, такъ сказать, предоставилъ себя народу и многочисленному населенію столицы, безъ гвардіи, безъ предосторожностей, такъ же спокойно, какъ будто онъ въѣзжалъ въ Петербургъ или Москву. Все остальное, мой любезный соотечественникъ, проистекло отсюда.

Чтó до меня, паденіе Наполеона, послѣ похода въ Россію, казалось мнѣ дѣломъ рѣшеннымъ, разумѣется при употребленіи наличныхъ средствъ къ его истребленію и въ видахъ, ему противоположныхъ. Съ этимъ убѣжденіемъ служилъ я и дѣйствовалъ какъ вдохновенный.

Если Небо дозволитъ мнѣ еще пожить, то я обязанъ, ради Государя и усвоившаго меня отечества, оставить по себѣ что-либо въ память славы безпримѣрной и столь благородно-пріобрѣтенной. Сердце мое станетъ спокойнѣе биться, когда я расплачусь съ этимъ долгомъ.

Ничто не можетъ быть для меня пріятнѣе, какъ знать, что вы счастливы. Тому наиболѣе способствуетъ добрая и прекрасная ваша подруга, и я поздравляю васъ съ этимъ. Въ Москвѣ у меня такъ мало знакомыхъ, что не рѣшаюсь напоминать о себѣ кому бы ни было; но если бы кто изъ людей праздныхъ, какіе бываютъ въ столицѣ, назвалъ мое имя, увѣрьте его, что я служилъ какъ настоящій Русскій человѣкъ, какъ вѣрный и признательный подданный.

Какъ бы хотѣлось мнѣ сказать это самое вашему батюшкѣ *). Но я не совсѣмъ лишенъ этого удовольствія, оставаясь въ такихъ же чувствахъ къ такому сыну, каковъ вы.

Вашъ другъ и слуга Поццо-ди-Борго.

Парижъ, 26 Іюля 1814.

*

Знаменитый своею враждою къ Наполеону, Корсиканецъ Поццо-ди-Борго (1764—1842), во второй половинѣ своего поприща бывшій нашимъ посломъ въ Парижѣ и Лондонѣ, узналъ Константина Яковлевича Булгакова (1782 — 1835) съ раннихъ лѣтъ его службы, еще въ Вѣнѣ, гдѣ Булгаковъ находился при князѣ А. Б. Куракинѣ, и потомъ въ Константинополѣ и на эскадрѣ адмирала Сенявина, во время второй войны нашей съ Наполеономъ. Поступивъ на Русскую службу, Поццо-ди-Борго имѣлъ тайныя дипломатическія порученія отъ императора Александра Павловича, а Булгаковъ былъ у него въ должности секретаря. Въ 1814 году Булгаковъ ѣздилъ изъ Парижа въ Москву жениться на дочери бывшаго Валашскаго вестіара, Марьѣ Константиновнѣ Варламъ. Замѣчательное письмо къ нему бывшаго его начальника впослѣдствіи было подарено Булгаковымъ князю П. А. Вяземскому, изъ бумагъ котораго оно сообщено въ „Русскій Архивъ“ графомъ С. Д. Шереметевымъ. Письмо, конечно, писано не безъ умысла и въ увѣренности, что оно будетъ многими читано въ Москвѣ, печальной и обгорѣлой въ то время, когда Парижъ ликовалъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Булгаковъ показалъ это письмо старшему брату своему Александру Яковлевичу, который былъ домашнимъ человѣкомъ у Московскаго главнокомандующаго графа Растопчина. П. Б.

---

*) Якову Ивановичу, который умеръ въ Москвѣ въ 1809 году. Поццо-ди-Борго, какъ можно заключить изъ этихъ выраженій, зналъ его лично. П. Б.

ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Изъ Москвы въ Варшаву [1]).

(17 Апрѣля 1818).

Я виноватъ передъ тобою: не писалъ къ тебѣ и не знаю, какъ вылѣчить себя отъ бѣдственной, чахоточной лѣни. Во мнѣ два человѣка—одинъ любитъ, другой гніетъ, и послѣдній часто сидитъ верхомъ на первомъ, такъ часто, что первый уже совсѣмъ провонялъ отъ него. Я иногда прихожу отъ себя въ отчаяніе и готовъ послать за попомъ, чтобы велѣть себя отпѣвать. Моральный ракъ ѣстъ мою душу; по крайней мѣрѣ, въ эту минуту сидитъ онъ въ ней глубоко и портитъ все прошедшее, настоящее и будущее. Въ такую минуту не стану защищать передъ тобою мою *Тлѣнность* [2]). Я увѣренъ, что ты ошибаешься, но вступаться не стану, потому что я ни за что̀ не расположенъ вступаться, и все мнѣ гадко. Доказательствомъ этой гадости пусть будутъ мои стихи, которые я тотчасъ и написалъ по прочтеніи твоихъ, прекрасныхъ.

Ты въ утѣшители зовешь воспоминанье,
 Глядишь безъ прелести на свѣтъ,
И раззнакомилось съ душой твоей желанье,
 И вѣры къ будущему нѣтъ.
О, другъ! Въ твоемъ мое мнѣ сердце отозвалось:
 Я постигаю твой удѣлъ:
И мнѣ вожатымъ быть желанье отказалось,
 И мой свѣтильникъ поблѣднѣлъ!
Смѣнилъ блестящія мечтательнаго краски
 Однообразный жизни свѣтъ,

---

[1]) Въ Варшаву, незадолго передъ тѣмъ, переселился князь Вяземскій съ семействомъ, опредѣлившись служить при Н. Н. Новосильцовѣ. Жуковскій же, лекторъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны и преподаватель Русскаго языка Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (для которой издалъ онъ свои шесть книжекъ „Для Немногихъ“), жилъ тогда въ Московскомъ Кремлѣ, въ одной изъ келій Чудова монастыря. П. Б.

[2]) Извѣстное стихотвореніе Жуковскаго. П. Б.

Изъ-подъ обманчиво-смѣявшіяся маски
Угрюмый выглянулъ скелетъ.
И тщетно мы хотимъ призвать воспоминанье:
Мечты не дозовемся мы!
Безъ утоленія пробудимъ лишь желанье,
На небо взглянемъ изъ тюрьмы.

Чтò сказать тебѣ о Москвѣ? Она теперь еще кишитъ грязью; но по этой грязи я иногда доѣзжаю [1]) до милыхъ Пушкиныхъ, которымъ я читалъ твои письма и которыя помнятъ тебя памятью сердца. Для Софьи переписываю твое Посланіе къ халату [2]), вырванное мною изъ когтей нашей Бесѣды. Къ нему будутъ приложены слѣдующіе нѣжные стишки:

Онъ правъ! Не знавши васъ, для васъ я и объ васъ
Писалъ въ пророческомъ, веселомъ вдохновеньи;
Чтò Муза мнѣ тайкомъ шептала въ сновидѣньи,
То вслухъ пересказалъ его пріятный гласъ.
Но, шагъ ему отдавъ въ умѣ и въ дарованьи,
Счастливѣйшимъ себя я смѣло назову:
Онъ видитъ васъ теперь въ одномъ воспоминаньи,
А я васъ вижу наяву.

На слѣдующей почтѣ пошлю тебѣ IV-ю книжку «Для Немногихъ». Тамъ найдешь кое-что въ родѣ *Тлѣнности* и опять что-нибудь соврешь, и кое-чтò въ родѣ *Звѣзды.* Ты бранишь Тлѣнность, а Батюшковъ хвалитъ; ты хвалишь Звѣзду, а Батюшковъ бранитъ; слѣдственно и то и другое хорошо. Я получилъ [3]) отъ Александра Пушкина посланіе. Вотъ оно:

Когда младымъ воображеньемъ
Твой гордый геній окрылёнъ,
Тревожитъ лѣни праздный сонъ,
Томясь волшебнымъ упоеньемъ;

---

[1]) Изъ Чудова монастыря на Разгуляй, въ домъ нынѣшней Второй Гимназіи, принадлежавшій тогда вдовѣ славнаго археолога, графинѣ Е. А. Мусиной-Пушкиной, дочерей которой князь Вяземскій называлъ Разгуляевскими графинями. Упоминаемая здѣсь Софья—впослѣдствіи княгиня Шаховская. П. Б.

[2]) См. въ Полномъ Собраніи Сочиненій князя П. А. Вяземскаго, III, 150 „Прощаніе съ халатомъ“. Оно написано передъ отъѣздомъ изъ Москвы на службу въ Варшаву. П Б.

[3]) Изъ Петербурга. Пушкинъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ вышедшій изъ Царскосельскаго Лицея, въ это время только-что оправился отъ тяжкой болѣзни („Я ускользнулъ отъ Эскулапа“). П. Б.

Когда возвышенной душой
Летя къ мечтательному міру,
Ты держишь на колѣняхъ лиру
Нетерпѣливою рукой;
Когда смѣняются видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ—
Ты правъ: творишь ты *Для Немногихъ!*
Не для подкупленныхъ судей
Ревнивой милостью твоей,
Не для сбирателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей.

*

Не всякаго полюбитъ счастье,
Не всѣ родились для вѣнцовъ!
Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ!
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ завидный получилъ удѣлъ
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ сладостнымъ и яснымъ!..

*

Смотри, какъ пламенный поэтъ,
Вниманьемъ сладкимъ упоенный,
На свитокъ генія склоненный,
Читаетъ повѣсть древнихъ лѣтъ! [1])
Онъ духомъ тамъ—въ дыму столѣтій! [2])
Предъ нимъ волнуются толпой
Злодѣйства, мрачной славы дѣти,
Съ сынами доблести прямой!
Отъ сна воскресшими вѣками
Онъ бродитъ тайно окруженъ,
И благодарными слезами
Карамзину приноситъ онъ
Живой души благодаренье

---

[1]) Первые восемь томовъ „Исторіи Государства Россійскаго" передъ тѣмъ незадолго вышли въ свѣтъ, и вѣроятно Карамзинъ подарилъ ихъ молодому Пушкину. П. Б.

[2]) Князь Вяземскій восхищался этимъ стихомъ. П. Б.

За мигъ восторга золотой,
За благотворное забвенье
Безплодной суеты земной...
И въ немъ трепещетъ вдохновенье! [1])

Чудесный талантъ! Какіе стихи! Онъ мучитъ меня своимъ даромъ, какъ привидѣніе! Посылаю тебѣ письмо отъ Мещевскаго [2]). Онъ прислалъ мнѣ Марьину Рощу въ стихахъ, и я ее продалъ за триста рублей; присылай и ты ему что-нибудь. Толстой [3]) обѣщалъ также помогать ему. Онъ тебѣ кланяется и велитъ тебѣ сказать, что онъ *немногихъ такъ уважаетъ, какъ тебя*; въ этомъ и я ему товарищъ. Дружинину [4]) я велѣлъ подписаться на «Вѣстникъ» [5]); а о мундирѣ, если не забуду, скажу.

Прости. Цѣлую руки у Вѣры съ Любовію [6]). Обними Громобоя [7]).

17 Апрѣля. Середа. 11 часовъ.

Сейчасъ родился у насъ Великій Князь Александръ [8]), и я тебя обнимаю.

(Сообщено графомъ С. Д. Шереметевымъ).

---

[1]) Сличи Сочиненія А. С. Пушкина, изд. П. О. Морозова, I, 193 и 194.

[2]) Мещевскій былъ сосланный въ Сибирь стихотворецъ („Русскій Архивъ“ 1868, стр. 938).

[3]) Графъ Θедоръ Ивановичъ, Американецъ. П. Б.

[4]) Директору единственной тогда въ Москвѣ (нынѣ Первой) Гимназіи. П. Б.

[5]) Т. е. на „Вѣстникъ Европы“, изд. М. Т. Качеповскимъ. П. Б.

[6]) Княгиня Вѣра Θедоровна Вяземская и сестра ея Любовь Θедоровна (впослѣдствіи Полуехтова), ур. княжны Гагарины. П. Б.

[7]) С. П. Жихарева. П. Б.

[8]) Любопытно, что въ одно время съ появленіемъ на свѣтъ Александра Николаевича нарождалась и слава Пушкина: именно въ этотъ 1818-й годъ и Жуковскій, и Батюшковъ, и князь Вяземскій привѣтствовали удивившее ихъ и всю Россію дарованіе его. П. Б.

ДОСТОПАМЯТНАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ЯССАХЪ.

На восточной окраинѣ Яссъ, среди угрюмыхъ полуразрушенныхъ башень и остатковъ большихъ стѣнъ, стоитъ небольшая изящной Византійской архитектуры церковь, принадлежавшая нѣкогда къ большому и славному монастырю «Голіи». Названіе это монастырь получилъ по имени основателя своего великаго логофета [1]) пана Іоанна Голіи, жившаго во второй половинѣ XVI вѣка. Въ монастырской ризницѣ хранится большое напрестольное Евангеліе, на пергаменѣ красиваго Молдавскаго письмà съ заставками и другими украшеніями и поновленное по повелѣнію основателя монастыря для «церкви Божьей въ Ясскомъ торгѣ (т. е. городѣ) па страну, идѣже есть храмъ Вознесенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа», въ 1575 году [2]).

Не перечисляя нѣсколькихъ весьма замѣчательныхъ старинныхъ предметовъ и Славянскихъ надписей, сохранившихся въ этомъ монастырѣ, слѣдуетъ указать на одинъ памятникъ, правда неособенно древній, но имѣющій отношеніе къ князю Потемкину.

Монастырь Голія считаетъ князя Потемкина однимъ изъ щедрыхъ своихъ благотворителей, и имя его вписано въ синодикъ монастырскій для вѣчнаго въ церкви поминовенія [3]).

Какъ извѣстно, князь Потемкинъ послѣдніе дни своей жизни провелъ въ Яссахъ. Чувствуя приближеніе смерти и желая умереть въ своемъ любимомъ городѣ Николаевѣ, онъ покинулъ Молдавію; но доѣхать до Русской границы ему не пришлось, и 3-го Октября 1791 года, въ 25-ти верстахъ отъ Яссъ, близъ селенія Нилештъ (нынѣ Бессарабской губерніи) онъ умеръ [4]). По повелѣнію Императрицы Екате-

---

[1]) Логофетъ—придворный чинъ въ Молдавіи, учрежденный (по свидѣтельству хрониста Григорія Урѣке) въ началѣ XV вѣка господаремъ Молдавскимъ Александромъ I Добрымъ (1401—1432 гг). Должность логофета (Греч. λογοθέτος, Рум. logofĕtŭ) можно отождествить съ должностью государственнаго канцлера, министра юстиціи (M. Cogalniceanu. Cronicele Românieĭ. Bucuresci. 1872, tom. I, p. 133).

[2]) Описаніе монастыря Голіи въ слѣдующихъ трудахъ: Melchisedec, episc. Romanului. Notite istorice si archeologice, adunate de pe la 48 monastiri si biserici antice din Moldova. Bucuresti, 1885 an., pp. 229—243; Bilciurescu Constantin. Monastirile si bisericile din România. Bucuresti. 1890 an. p. 113; въ Путешествіи по свв. мѣстамъ свящ. Лукьянова въ началѣ XVIII вѣка. „Русскій Архивъ“, г. I-й, 1863-й. изд. 2 е, стр. 161-я; Парѳеній-инокъ Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой Землѣ, ч. III, М. 1856 г., стр. 148-я; Павелъ, архидіаконъ Алеппскій—въ своемъ „Путешествіи“ чрезъ Молдавію и Валахію въ половинѣ XVII вѣка, въ Румынскомъ переводѣ В. P-Hâjdeŭ. Archiva istorica a Românieĭ, tom. I, partea 2, p. 65 si alte.

[3]) Въ Помянникѣ монастыря, переписанномъ (какъ гласитъ заглавіе его) въ 1808 г. читаются имена Русскихъ царей, съ Петра Великаго до Александра I (листы 14—16-й).

[4]) М. И. Городецкій въ изданіи П. Н. Батюшкова. „Бессарабія“, историческое описаніе. Спб. 1892 г., Приложенія, стр. 31-я. Неизвѣстно, на чемъ основана невѣрная дата.

рины князь Потемкинъ былъ погребенъ въ Херсонѣ, при чемъ тѣло его было набальзамировано въ Яссахъ. Все что не было положено съ нимъ въ гробъ, было похоронено у алтарной стѣны монастыря Голіи.

Извѣстный Русскій просвѣщенный паломникъ Порфирій Успенскій, посѣтившій Яссы и монастырь Голію въ 1846-мъ году, описывая монастырь, говоритъ: «Тутъ похоронены внутренности свѣтлѣйшаго князя Потемкина Таврическаго, о чемъ гласитъ надпись на Русскомъ языкѣ» [5]). При посѣщеніи монастыря Голіи въ нынѣшнемъ году эта надпись списана нами. Въ алтарѣ, на лѣво отъ престола, подъ сѣвернымъ окномъ виситъ большая рама съ натянутымъ на нее полотномъ, на которомъ желтой краской написана слѣдующая эпитафія:

«Въ Бозѣ почивающій свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій, Россійскій генералъ-фельдмаршалъ, главнокомандующій арміями Россійскими, дѣйствующими на Югѣ, всею легкою конницею, регулярною и нерегулярною, флотами: на Черномъ, Азовскомъ, Каспійскомъ и Средиземомъ моряхъ, сенаторъ, государственной военной коллегіи президентъ, Екатеринославскій, Таврическій и Харьковскій генералъ-губернаторъ, Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ, дѣйствительный каммергеръ, войскъ генералъ-инспекторъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку подполковникъ, корпуса кавалергардовъ полку кирасирскаго своего имени Санктпетербургскаго драгунскаго и Екатеринославскаго гренадерскаго шефъ, Мастерской Оружейной Палаты верховный начальникъ и орденовъ Россійскихъ: святаго апостола Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, военнаго св. великомученика и побѣдоносца Георгія и св. равноапостольнаго князя Владиміра первыхъ степеней, королевскихъ Польскихъ Бѣлаго Орла св. Станислава, Прусскаго Чернаго Орла, Датскаго Слона, Шведскаго Серафимовъ и великокняжескаго Голстинскаго св. Анны кавалеръ, священныя Римскія Имперіи князь, Россійскій графъ, великій гетманъ императорскихъ казацкихъ, Екатеринославскихъ и Черноморскихъ войскъ, усерднѣйшій Государю, вѣрный сынъ отечества, присоединитель къ Россійской Имперіи Крыма, Тамани и Кубани, основатель и соорудитель побѣдоносныхъ флотовъ на южныхъ моряхъ, побѣдитель силъ Турецкихъ на сушѣ и морѣ, завоеватель Бессарабіи, Очакова, Бендеръ, Аккермана, Киліи, Измаила, Анапы, Суджукъ-кале, Сувіи, Тульчи, Исакчи, Березанскаго острова, Гаджибея и Паланки, приведшій въ трепетъ столицу и потрясшій сердце Имперіи Оттоманской побѣдами на моряхъ, прославившій ору-

---

3-е Апрѣля. Извѣстна большая гравюра прекрасной работы Гавріила Скородумова, рис. Михаила Иванова: „Смерть Потемкина въ Бессарабскихъ степяхъ", со стихами въ 12-ть строкъ и надписями на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Воспроизведена въ трудѣ Д. А. Ровинскаго. Подробный Словарь Русскихъ гравированныхъ портретовъ, т. III, Спб. 1888 г., ст. 1817—1818 внизу; описаніе гравюры на 1819-мъ столбцѣ. Кромѣ этой гравюры извѣстно еще нѣсколько другихъ, изображающихъ то же событіе (тамъ-же, ст. 1820-й).

[5]) Порфирій Успенскій. Книга Бытія Моего, ч. III, Спб. 1896 г., стр. 31-я; здѣсь же описанъ вкратцѣ и монастырь и передана Греческая надпись въ стихахъ надъ фонтаномъ у монастырскихъ воротъ (стр. 32-я).

жіе Россійское въ Европѣ и Азіи и положившій основаніе къ преславному миру съ Портою Оттоманскою, основатель и соорудитель многихъ градовъ, покровитель наукъ, художествъ и торговли, мужъ украшенный всѣми общественными добродѣтелями и благочестіемъ, окончилъ преславное теченіе жизни своей въ княжествѣ Молдавскомъ, въ 37-ми верстахъ отъ столичнаго града Яссъ, въ 5-й день Октября 1791 года, на 52-мъ году отъ рожденія, повергнувъ въ бездну горести не токмо облагодѣтельствованныхъ имъ, но и едва вѣдающихъ его» [6]).

Какъ извѣстно, мраморный памятникъ, поставленный на могилѣ Потемкина въ Херсонѣ, по секретному приказанію изъ Петербурга, уничтоженъ въ 1798 году [7]). Надгробная надпись въ монастырѣ Голіи по всей вѣроятности сдѣлана вскорѣ послѣ смерти Потемкина; по крайней мѣрѣ, начертаніе буквъ этой надписи слѣдуетъ отнести къ концу XVIII вѣка.

На томъ мѣстѣ, гдѣ князь Потемкинъ умеръ, поставленъ обелискъ [8]). Н. И. Надеждинъ, посѣтившій многія историческія мѣстности Бессарабіи, такъ описываетъ этотъ памятникъ. «Обелискъ, сложенный изъ дикаго камня, запечатлѣнъ строгою, благородною простотою. Подлѣ него домикъ для сторожа памятника. Сѣдой какъ лунь инвалидъ, встрѣтившій насъ у подножія обелиска, служилъ еще при Потемкинѣ» [9])... По однимъ извѣстіямъ, этотъ памятникъ построенъ племянницей Потемкина графиней Александрой Васильевной Браницкой [10]).

Здѣсь кстати будетъ привести нѣсколько свѣдѣній изъ исторіи монастыря, принявшаго подъ алтаремъ своего храма останки человѣка, котораго Новороссія считаетъ своимъ создателемъ [11]).

Настоящая церковь монастыря Голіи построена въ 1660 году, на мѣстѣ прежней, по преданію, деревянной небольшой церкви самой простой архитектуры. Надъ входомъ въ самый храмъ изъ большого притвора, въ стѣну вдѣлана мраморная доска съ изображеніемъ герба Молдавіи—бычачьей головы со звѣздой между рогами. По обѣ стороны герба Славянская надпись въ двѣ колонны, которая въ Русской транскрипціи прочтется такъ: «Изволеніемъ Отца и споспѣшеніемъ Сына и совершеніемъ Святаго Духа, се азъ рабъ Господу Богу нашему Іисусу

---

[6]) Правописаніе подлинника нѣсколько поновлено, при чемъ исправлены слѣдующія ошибки въ самомъ оригиналѣ: сведиземномъ, харкковскій, полполковникъ, греподерскаго, верьховный, южиыхъ и др.

[7]) „Бессарабія" П. Н. Батюшкова. Приложенія, стр. 31-я.

[8]) А. Защукъ. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Бессарабская область Спб. 1862 г., ч. II, стр. 245-я; ч. I, стр. 10-я.

[9]) „Прогулка по Бессарабіи", въ Одесскомъ Альманахѣ на 1840-й годъ. Одесса, 1839 г., стр. 422-я. Тамъ же—гравированное изображеніе этого обелиска, на отдѣльномъ листѣ, при стр. 420-й; другое изображеніе въ „Историческомъ Вѣстникѣ" за 1891-й годъ, Сентябрь.

[10]) А. Накко. Исторія Бессарабіи съ древнѣйшихъ временъ. Ч. II, Одесса. 1876 г., стр. 409 я.

[11]) Г. А. Аѳанасьевъ. „О значеніи дѣятельности Потемкина" въ Новороссійскомъ Календарѣ на 1892-й годъ. Одесса. 1891 г, отдѣлъ IV, стр 116—125 я.

Христу, Іоаннъ Василій воевода и создалъ сей святой монастырь, идѣ же есть храмъ Вознесенія. И совершилъ его съ помощью Божьею Іоаннъ Стефанъ воевода сынъ Василія воеводы, совершилъ его въ лѣто 7168-е (т. е. 1660-е), Мая 24-го».

Такимъ образомъ, храмъ, начатый построеніемъ при Молдавскомъ господарѣ Василіи Лупулѣ (1634—1654 гг.), былъ законченъ сыномъ его Стефаномъ Лупуломъ, получившимъ престолъ Молдавіи чрезъ пять лѣтъ послѣ смерти отца и княжившимъ отъ 1659-го по 1662-й годъ.

Всѣ стѣны храма покрыты живописью. На стѣнѣ, отдѣляющей самый храмъ отъ притвора, изображены во весь ростъ ктиторы монастыря: по лѣвую сторону дверей—господарь Молдавскій Іеремія Могила (1596—1600 и 1601—1607 гг.), великій логофетъ Голія со своей женой и однимъ изъ сыновей своихъ; по правую—господарь Василій Лупулъ, его «госпожа», господарь Стефанъ Лупулъ и «госпожа» Руксанда, жена Тимоѳея Хмельницкаго, сына извѣстнаго Богдана.

Въ Молдавской лѣтописи Іоанна Некульчи (Ion Neculce) находимъ извѣстіе, что въ 1731-мъ году 31-го Мая, въ правленіе господаря Григорія Гики (1727—1733, 1735—1741 и 1747—1748 гг.), случилось страшное землетрясеніе, которое разрушило много домовъ и церквей въ г. Яссахъ и среди нихъ—монастырь Голію [12]). Во всякомъ случаѣ, настоящая церковь монастыря находится въ такомъ же видѣ, какъ она была построена господаремъ Стефаномъ Лупуломъ въ 1660-мъ году. Въ высокой башнѣ, въ которой сдѣланы и главныя монастырскія ворота, помѣщались водоемные баки, снабжавшіе хранившейся въ нихъ водой весь городъ. Этотъ водопроводъ устроенъ въ началѣ нынѣшняго вѣка, въ правленіе господаря Александра Мурузи (1803—1805 гг.); теперь стѣны башни дали нѣсколько трещинъ и грозятъ разрушиться совсѣмъ.

А. И. Яцимирскій.

---

[12]) M. Cogalniceanu. Cronicele Românieĭ. Bucur., tom. II, p. 443. Cp. Melchisedec episc. Notite istorice si archeologice., p. 243.

ЗАПИСКИ КАВКАЗЦА.

Посвящается дочери моей Евгеніи Ивановнѣ.

ГЛАВА I.

Штабъ-лѣкарь Дроздовъ.—Начальникъ Георгіевскаго арсенала Водопьяновъ.—Рожденіе графа Н. И. Евдокимова.—Князь Голицынъ.—Балъ у него въ Пятигорскѣ.—Смерть Лермонтова.—Отзывъ о Лермонтовѣ Пятигорскаго священника.—Тревога въ Пятигорскѣ въ 1846 г.—Дуэль князя Горчакова и барона Фитингофа.

Отецъ мой, штабъ-лѣкарь Иванъ Ефремовичъ Дроздовъ, въ свое время популярный на Кавказѣ и какъ врачъ, и какъ добрый человѣкъ, оказывавшій пособіе страждущимъ не только знаніями медицинскими, но частенько и кошелькомъ своимъ, поселился въ Пятигорскѣ въ 1835-мъ году, гдѣ, выражаясь его собственными словами, онъ и засѣлъ, какъ Илья Муромецъ на дубъ, съ котораго не слѣзалъ до кончины своей въ 1868-мъ году, не взирая на весьма выгодныя предложенія начальства.

Женился онъ въ Тифлисѣ въ 1826-мъ году на дочери начальника Тифлисскаго арсенала, Марѳѣ Николаевнѣ Водопьяновой. Дѣдъ, Николай Матвѣевичъ, пользовался благоволеніемъ Алексѣя Петровича Ермолова, который нерѣдко захаживалъ къ нему въ гости. Матушка часто вспоминаетъ о немъ. Въ Тифлисъ Николай Матвѣевичъ переведенъ Ермоловымъ изъ областного города Георгіевска, гдѣ онъ тоже завѣдывалъ арсеналомъ.

Нельзя обойти молчаніемъ обстоятельства, имѣющаго немаловажное значеніе въ жизни графа Николая Ивановича Евдокимова. Въ бытность дѣда моего въ Георгіевскѣ, въ канцеляріи арсенала, въ числѣ писарей, находился унтеръ-офицеръ Иванъ Евдокимовъ, любимый дѣдомъ моимъ за трудолюбіе и хорошій почеркъ. Жена Евдокимова была отличная прачка, что въ тѣ времена считалось большою рѣдкостью, а потому бабушка весьма благоволила къ ней. Однажды Иванъ Евдокимовъ заявилъ дѣду моему, что Богъ посѣтилъ его радостью, даровавъ ему сына, котораго и нарекли въ честь его высокоблагородія Николаемъ; а посему онъ просилъ его быть воспріемнымъ отцомъ

новорожденному Николаю. Дѣдушка, не любившій церемоніаловъ, отказался и направилъ Евдокимова къ бабушкѣ, которая и исполнила просьбу его весьма охотно, воспринявъ при крещеніи будущаго графа.

Незадолго до переѣзда моего дѣда въ Тифлисъ онъ представилъ Ивана Евдокимова въ чинъ унтеръ-цейгвахтера и назначилъ его завѣдующимъ артиллерійскимъ складомъ въ Темполѣсскій штернъ-шанцъ, въ 35 верстахъ отъ Ставрополя, куда изъ Георгіевска, извѣстнаго и тогда и нынѣ лишь изумительною грязью и кладбищемъ титулярныхъ совѣтниковъ, былъ переведенъ штабъ командующаго войсками Кавказской линіи.

Подъ руководствомъ отца моего, Николай Ивановичъ выучился читать и писать по-русски и 16-ти лѣтъ былъ опредѣленъ писцомъ въ штабъ командующаго войсками. Карьеры никакой, а между тѣмъ въ то время въ Дагестанѣ война съ горцами была уже не шуточная, и молодымъ людямъ, жаждавшимъ военныхъ отличій, открылось видное поприще. Николай Ивановичъ рвался туда, гдѣ онъ былъ бы на мѣстѣ и къ чему онъ чувствовалъ призваніе.

Съ помощью дѣда моего, Евдокимовъ переведенъ былъ въ пѣхотный Дагестанскій полкъ, въ рядахъ котораго скоро заслужилъ чинъ прапорщика. Красивый, стройный прапорщикъ Евдокимовъ кое-какъ добрался до Тифлиса и явился къ моей бабушкѣ. Бабушка, искренно радуясь успѣху по службѣ крестника ея Николаши, не пожалѣла денегъ на обмундированіе юнаго офицера и на снаряженіе его, т. е. купила и подарила ему пару лошадокъ, вьючные сундуки, погребецъ и, снабдивъ его деньжонками, благословила въ путь-дорогу.

Я разсказываю объ этомъ случаѣ по преданіямъ, имѣя въ виду будущую мою встрѣчу съ его сіятельствомъ въ Майкопскомъ отрядѣ, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Родился я въ 1837-мъ году въ городѣ Пятигорскѣ. Крестнымъ отцомъ моимъ былъ полковникъ князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ, а крестною матерью извѣстная въ то время красавица графиня Орлова-Денисова. О графинѣ Орловой ничего не могу сказать, ибо не зналъ ея; что же касается князя Голицына, участіе котораго ко мнѣ впослѣдствіи имѣло вліяніе на всю мою будущность, то о немъ я позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ.

Младшій сынъ полнаго генерала князя Голицына, князь Владиміръ Сергѣевичъ отъ природы былъ съ избыткомъ надѣленъ всѣми дарами

ся. Вигель въ Запискахъ своихъ называетъ его Аполлономъ Бельведерскимъ, но кромѣ этого онъ обладалъ острымъ умомъ, основательнымъ образованіемъ, храбростью Баярда и великодушіемъ и щедростью Русскаго вельможи.

При взятіи Парижа, будучи флигель-адъютантомъ императора Александра I, онъ раненъ былъ пулею въ щиколку правой ноги, и рана эта никогда не закрывалась. На Кавказѣ въ 1838 году, командуя кавалеріей въ отрядѣ генералъ-адъютанта Граббе, въ экспедиціи предшествовавшей наступленію къ Ахульго, онъ былъ раненъ пулею же въ плечо. Рана была тяжелая, и князю пришлось выѣхать изъ отряда, чтобы вынуть глубоко засѣвшую пулю и лѣчиться, для чего онъ и пригласилъ въ Пятигорскъ отца моего. Отецъ, вырѣзавшій пулю у князя изъ плеча, разсказывалъ, что во время операціи князь преспокойно читалъ Французскій романъ и курилъ сигару, не издавъ ни одного стона; и только когда перевязывалось пораненное мѣсто, онъ спросилъ отца, скоро ли кончится?

Каждое лѣто князь Голицынъ пріѣзжалъ съ семействомъ своимъ въ Пятигорскъ, и вокругъ него собиралось лучшее общество пріѣзжихъ изъ Россіи и изъ Кавказской арміи, въ рядахъ которой въ тѣ времена служили нѣкоторые изъ представителей Русскихъ знатныхъ семей. Въ 1841 году къ обществу князя примкнулъ и Лермонтовъ; и лучшимъ доказательствомъ того, что князь Голицынъ относился съ вниманіемъ и уваженіемъ къ великому нашему поэту служитъ то, что въ день смерти его, 15-го Іюля, онъ не праздновалъ имянинъ своихъ. Благодаря его настоянію, Лермонтовъ погребенъ былъ по обряду христіанскому.

Балъ по случаю имянинъ князя назначенъ былъ въ казенномъ саду, и для праздника этого были уже сдѣланы большія издержки. За отсутствіемъ супруги князя, хозяйкой бала согласилась быть графиня Орлова-Денисова. По разсказамъ матушки, балъ состоялся на другой день; но какъ хозяева бала, такъ и гости, были въ очень грустномъ состояніи духа, за исключеніемъ молодежи, всегда эгоистично относящейся къ личнымъ удовольствіямъ; да, наконецъ, въ то время не всѣ знали, или правильнѣе сказать, сознавали, какую тяжкую утрату понесла Россія въ преждевременной и насильственной кончинѣ великаго поэта.

Въ Іюлѣ прошлаго 1895-го года, въ Пятигорскѣ я видѣлъ памятникъ Лермонтову, поставленный на базарѣ, у подножія Католической церкви. Грустенъ и задумчивъ великій поэтъ, и взоръ бронзоваго

Лермонтова, такъ же, какъ и живого, обращенъ къ дѣвственно-бѣлымъ прекраснымъ великанамъ Кавказа.

Осмотрѣвъ памятникъ, я пошелъ въ домикъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ, былъ въ тѣхъ комнатахъ, которыя освящены присутствіемъ въ нихъ творческой души поэта. Храмъ безъ божества все же храмъ. Отсюда недалеко до кладбища, и я отправился взглянуть на временную могилу Лермонтова. Но на кладбищѣ старику-сторожу неизвѣстно, гдѣ она была. «Вотъ, кажется, тамъ, гдѣ около стѣны много бурьяну и колючки», сказалъ мнѣ маститый стражъ. Дощечка напримѣръ съ надписью: «Здѣсь жилъ Лермонтовъ», прибита не снаружи домика, а во дворѣ, и могила его неизвѣстна. По какимъ же признакамъ можно найти домикъ и могилу?

Кстати о кладбищѣ. На этомъ кладбищѣ есть чрезвычайно загадочная могила; на надгробномъ памятникѣ, состоящемъ изъ небольшаго павильона съ двумя колонками на фасадѣ, на камнѣ крупными буквами высѣчено «*Анна*». Матушка разсказывала мнѣ, что подъ памятникомъ этимъ погребена пріѣзжая молодая красавица, княгиня Максютова, которую она видѣла и смерть которой послѣдовала неожиданно. По всѣмъ признакамъ богатая женщина, она пріѣхала изъ Россіи въ сопровожденіи лишь прислуги. Кратковременная жизнь ея въ Пятигорскѣ и загадочная кончина, а затѣмъ ежегодныя посѣщенія въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ какого-то господина, пріѣзжавшаго въ день ея смерти прямо на кладбище (откуда онъ, послѣ ночи, проведенной на могилѣ «Анны», съ разсвѣтомъ уѣзжалъ на почтовыхъ въ богатомъ экипажѣ) могли бы послужить темою для романа невымышленнаго.

Обращаюсь къ Лермонтову. Въ день посѣщенія кладбища я встрѣтился съ однимъ старикомъ-старожиломъ, священникомъ и, разговорившись съ нимъ, спросилъ, не знаетъ ли онъ, почему священникъ Павелъ Александровскій согласился предать землѣ тѣло Лермонтова по обряду христіанскому, лишь послѣ долгихъ колебаній.

Вотъ подлинныя его слова: «Лермонтовъ былъ злой, дрянной человѣкъ и погибъ смертью, причисленной законами къ самоубійству. Отецъ Павелъ согласенъ былъ похоронить Лермонтова съ честью; но я возражалъ противъ этого, и ежели-бъ не давленіе князя Голицына, то онъ былъ бы зарытъ въ яму черезъ палача, какъ и заслуживалъ того».

Удивительно ли, что 16-го Іюля 1841 года наши барышни плясали на балу въ то время, когда едва остывшій трупъ поэта ожидалъ разрѣшенія быть причисленнымъ къ людямъ или къ собакамъ!?

Отецъ мой лично зналъ Лермонтова, и при встрѣчахъ раскланивались оба, а иногда и перекидывались словечкомъ-другимъ. Первая встрѣча была въ госпитальной конторѣ, куда Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ явился для освидѣтельствованія.

— Чѣмъ вы больны, Михаилъ Юрьевичъ? спросилъ отецъ.

— Да, вотъ, докторъ, у меня на рукѣ прыщикъ, который очень безпокоитъ меня.

— На какой рукѣ? спросилъ отецъ пресерьезно.

— На лѣвой.

— А! Прыщикъ на лѣвой рукѣ. Это очень важно. Впрочемъ, гуляйте, танцуйте, катайтесь, и рука заживетъ, сказалъ отецъ, засмѣявшись; а правую руку поберегите. Она столько же ваша, сколько и наша. Очень счастливъ познакомиться съ вами.

Заговоривъ о Лермонтовѣ, я отвлекся отъ описанія бала князя Голицына, въ затѣяхъ котораго былъ такой же широкій размахъ, какъ у свѣтлѣйшаго дѣда-дядюшки его, князя Потемкина.

Балъ предназначался въ казенномъ саду.

Сотни рабочихъ и мастеровыхъ, подъ наблюденіемъ архитектора, превратили аллеи и площадки сада въ гостиныя; танцовальный залъ, столовыя и буфеты, которые освѣщались люстрами и разноцвѣтными фонарями, то ярко блиставшими, то проливавшими таинственный и мягкій полусвѣтъ, сквозь зелень и цвѣты; ковры, шелковыя матеріи, зеркала въ гостиныхъ, военныя арматуры въ различныхъ мѣстахъ сада, Бенгальскіе огни, которые зажигали на вершинахъ деревьевъ, искусственные гроты, танцовальный залъ, стѣны и потолокъ котораго сотканы были изъ полевыхъ и садовыхъ цвѣтовъ, фейерверкъ, вспыхивавшій въ различныхъ пунктахъ и въ разное время, роскошные буфеты, въ которыхъ только птичьяго молока не было: вся эта роскошь и изящество производили впечатлѣніе сказочное, волшебное, довершаемое радушіемъ гостепріимнаго князя-хозяина и любезностью красавицы графини-хозяйки. Праздникъ этотъ стоилъ не одну тысячу рублей. Но князь былъ богатъ и потому не скупился на удовольствія для общества. Полторацкій, въ Запискахъ своихъ, разсказалъ эпизодъ изъ жизни Владиміра Сергѣевича, понтировавшаго Мусину-Пушкину. Князь будто бы поставилъ на карту или пять рублей или милліонъ.

Анекдотъ этотъ относится къ области вымысловъ. Князь былъ большой любитель и знатокъ коммерческихъ игръ и, говорятъ, однажды выигралъ у графа Мусина-Пушкина довольно значительныя деньги, но далеко не милліонъ; и затѣмъ, ежели бы графъ Мусинъ-Пушкинъ способенъ былъ унизиться до слезной просьбы не ставить большого куша на карту, то несомнѣнно князь Владимиръ Сергѣевичъ съумѣлъ бы докончить игру, не оскорбляя достоинства хозяина дома.

Но не однимъ забавамъ князь Голицынъ посвящалъ свою жизнь и дѣятельность. Онъ былъ и воинъ, и администраторъ. Въ 1846 году Большая и Малая Кабарда и Карачай не соединились съ полчищами Шамиля, уже вторгнувшагося въ Кабарду, лишь благодаря энергіи и вліянію князя Голицына на Кабардинцевъ.

Памятенъ и мнѣ 1846-й годъ. Я былъ въ то время девятилѣтнимъ мальчикомъ, но картина смятенія въ Пятигорскѣ при извѣстіи, что Шамиль подходитъ къ Нальчику и не нынче-завтра пожалуетъ къ намъ, ясно рисуется въ моей памяти и нынѣ.

Въ виду предстоящей опасности городъ забарикадировали повозками, бревнами и старыми негодными экипажами. На отроги Машука втащили двѣ пушки, которыя за негодностью служили лишь украшеніемъ гауптвахты. Двѣ роты линейнаго батальона поставили на особенно важныхъ стратегическихъ пунктахъ внѣ города. Гарнизонъ города составили изъ инвалидной и госпитальной командъ и военно-рабочей роты, подъ начальствомъ своихъ офицеровъ и молодыхъ ординаторовъ госпиталя. Войска пылали мужествомъ и отвагой. Предстоящій бой съ дерзкимъ врагомъ одушевлялъ храбрый гарнизонъ. По улицамъ города сновали взадъ и впередъ то инвалидные офицеры, то врачи, обвѣшенные съ головы до ногъ оружіемъ всѣхъ видовъ и качествъ. Начальникомъ обороны былъ комендантъ, Петръ Александровичъ Принцъ, а начальникомъ полевыхъ войскъ полковникъ, Василій Ильичъ Монаѐнко. Лишь одинъ аптекарь Маниссонъ побаивался. Но что́ значитъ одинъ малодушный между сотнями отважныхъ, готовыхъ грудью встрѣтить непріятеля на всѣхъ пунктахъ отъ Машука до барикадъ на биржѣ? Недовѣрчивость и робость Маниссона подали поводъ къ стихамъ.

Маниссонъ,
    Говорятъ,
Видѣлъ сонъ,
    Говорятъ,
Что Шамиль
За сто миль
И палитъ,
И громитъ,
    Говорятъ... и пр.

Отецъ мой, Иванъ Ефремовичъ, во-первыхъ, всѣ входы и выходы во дворъ своего дома и сада, расположеннаго по горѣ, приказалъ завалить камнями. Ворота съ улицы были наглухо заперты и съ внутренней стороны приперты бревномъ. По угламъ двора и у садовой калитки на горѣ разставлено было нѣсколько вооруженныхъ солдатъ госпитальной команды. Выйти на улицу можно было, перелѣзая черезъ высокія ворота при посредствѣ лѣстницы. Лѣстница приставлялась къ воротамъ воиномъ, который, вскорабкавшись по ней до перекладины на воротахъ, сначала обозрѣвалъ мѣстность по улицѣ направо и налѣво и затѣмъ, по надлежащемъ докладѣ о благополучіи, отецъ влѣзалъ на ворота, садился на перекладину, воинъ втягивалъ лѣстницу наверхъ, опускалъ ее на улицу, и тогда отецъ, вооруженный Азіатскою шашкою, спускался внизъ и отправлялся на службу въ госпиталь.

Подъ руководствомъ его подвалъ подъ каменнымъ флигелемъ былъ очищенъ и посыпанъ пескомъ.

Мы, дѣти, не понимали таинственности дѣйствій происходившихъ на нашихъ глазахъ, но подозрѣвали что-то ужасное.

Однажды ночью мы разбужены были необычайнымъ шумомъ и бѣготнею прислуги въ домѣ. Няньки и горничныя вздыхали, вопили, суетились, вытаскивали изъ подъ насъ тюфяки и перины. Дѣти плакали. Всѣ метались по комнатамъ, то схватывая, то бросая различную мелочь, и, наконецъ, послѣ грозно отданнаго отцомъ приказанія, всѣ по возможности успокоились, и насъ, дѣтей, полусонныхъ, потащили въ подвалъ и уложили на тюфяки и перины, снесенные туда, продолжать прерванный сонъ. Подвалъ наглухо заперли опускною дверью снаружи. Отецъ остался на дворѣ командовать гарнизономъ. Утромъ насъ всѣхъ выпустили. Ворота отворили. Гарнизонъ нашъ отступилъ въ должномъ порядкѣ въ госпиталь. Все окончилось благополучно, если не считать нѣсколькихъ минутъ тревожнаго ожиданія попасть въ лапы Шамилевскихъ мюридовъ.

Тревога въ городѣ, а также и у насъ, произошла столько же отъ настроеннаго на подвиги воображенія, сколько отъ бдительности, прозорливости и нѣжнаго вниманія городской полиціи къ обывателямъ Пятигорска.

Ночью, неизвѣстно кто, но несомнѣнно шутникъ, крикнулъ на улицѣ: «Шамиль идетъ!» Мигомъ узнала объ этомъ полиція. Квартальные и будочники спросонья полетѣли по улицамъ оповѣстить обывателей, и вотъ одинъ изъ квартальныхъ надзирателей, подойдя къ

нашему дому, началъ изо всей силы стучать въ запертый ставень. «Иванъ Ефремовичъ! Шамиль идетъ!» Полусонный отецъ, вскочивъ съ постели, выхватилъ шашку изъ ножепъ и началъ бѣгать по комнатамъ, махая шашкой, съ крикомъ: «Гдѣ онъ? Подайте мнѣ его, подлеца!» И только послѣ возгласовъ испуганной матушки, не совсѣмъ въ то время здоровой: «Брось шашку! Ты порубишь дѣтей!!» отецъ вложилъ шашку въ ножны, одѣлся, сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи насъ въ подвалъ, а самъ отправился возбуждать и поддерживать мужество неизвѣстно куда исчезнувшаго гарнизона. Матушка храбро осталась на постели; ибо, какъ она говорила впослѣдствіи, опасность ей предстояла двоякая: или попасть въ руки мюридовъ, или, вставъ съ постели, рисковать жизнью. А потому она и не оставила своей позиціи.

Пятигорцы трухнули, и не удивительно; ибо проказы Шамиля въ то время переходили за границы благопристойности. Въ 1843 году онъ имѣлъ дерзость взять и уничтожить цѣлый рядъ укрѣпленій нашихъ въ Дагестанѣ. Въ 1845 году онъ крайне неучтиво поступилъ съ отрядомъ князя Воронцова въ Даргинской экспедиціи, въ которой, хотя мы и шагнули молодцами черезъ Андійскіе ворота, какъ значится въ припѣвѣ къ Даргинскому маршу, но едва ли благополучно добрались бы до Герзель-аула, ежели бъ не была подана своевременная помощь набранныхъ отвсюду съ линіи батальоновъ отряда Фрейтага. При такихъ условіяхъ, что̀ же оставалось дѣлать бѣднымъ Пятигорцамъ въ 1846 году? Конечно, сначала трухнуть, а потомъ воодушевиться мужествомъ и готовиться къ оборонѣ, что̀ они и исполнили. Правда, въ эпоху Пятигорской тревоги Шамиль былъ отъ этого города еще верстахъ въ полутораста. Но что̀ значили какія нибудь 150 верстъ для кавалеріи такого буяна и головорѣза, какъ Шамиль?!

На слѣдующій день тревога въ Пятигорскѣ была успокоена пріѣхавшею изъ Нальчика супругою начальника центра, княгиней Прасковьей Николаевной Голицыной, которая, навѣстивъ, въ день пріѣзда, мою больную матушку, много смѣялась надъ воинственными затѣями Пятигорцевъ и разсказала, между прочимъ, какъ князю, ея мужу, адъютантъ доложилъ, что въ предѣлахъ Кабарды показалась партія, и князь, которому не доставало партнера въ преферансъ, спросилъ: «А кто же третій?» Адъютантъ сказалъ, что самъ Шамиль. «А! Съ такимъ партнеромъ пріятно и поиграть». Сдѣлавъ необходимыя распоряженія, князь отправился на границу Кабарды, а княгиня съ дочерью выѣхала въ Пятигорскъ. Какъ извѣстно, Фрейтагъ, преслѣдовавшій

Шамиля, нагналъ его, и близъ минарета, при переправѣ черезъ Терекъ, скопища Шамиля были разбиты и разсѣяны.

1847 годъ ознаменовался въ Пятигорскѣ холерой, которая, впрочемъ, не помѣшала курсовымъ посѣтителямъ танцовать и веселиться на балахъ и на пикникахъ въ Кисловодскѣ и Желѣзноводскѣ, куда эта мрачная гостья не заглядывала.

Въ Пятигорскѣ составъ общества рѣзко дѣлился на «лѣтнихъ» и «зимнихъ». Лѣтнее общество составлялось изъ пріѣзжихъ лѣчиться минеральными водами и было весьма разнообразно. Были въ немъ и знатные люди, и степные помѣщики въ демикотоновыхъ сюртюкахъ, косолапые и съ толстыми затылками, и богатые купцы, объѣвшіеся кулебякъ, и раненые въ Кавказскихъ экспедиціяхъ офицеры, между которыми особеннымъ буйствомъ отличались представители такъ называемой золотой молодежи, изъ гвардіи и кавалеріи. Музыка гремѣла подъ окнами княжескихъ и графскихъ квартиръ ежедневно. Шампанское лилось рѣкой, и подгулявшая молодежь, иногда въ костюмахъ Адама, еще не изгнаннаго изъ рая, появлялась передъ публикой, изображая изъ себя боговъ Олимпа въ различныхъ позахъ. Такія безобразія трудно было прекращать, ибо у милыхъ юношей этихъ были тетушки, дядюшки и маменьки въ Петербургѣ, связаться съ которыми было не безопасно какому нибудь Пятигорскому коменданту. Однакожъ и онъ выходилъ иногда изъ терпѣнія. И вотъ однажды буйныхъ князей и графовъ комендантъ потребовалъ къ себѣ для объясненія. Они явились въ парадной формѣ, усѣлись на дворовой стѣнѣ и, когда, по докладѣ объ этомъ ординарца, комендантъ вышелъ на крыльцо, начали лаять на него по-собачьи. Ну что же съ ними дѣлать?! Донести по начальству? Скажутъ, что комендантъ не съумѣлъ поселить къ себѣ достаточнаго уваженія. Арестовать, а потомъ выгнать изъ Пятигорска? Взволнуются въ Петербургѣ, и тогда пиши пропало. Оставалось плюнуть и уйти въ комнаты, что̀ и сдѣлалъ комендантъ.

Съ окончаніемъ курса, въ Сентябрѣ, Пятигорскъ входилъ въ свою обычную рамку жизни. И вотъ объ этомъ мирномъ обществѣ безусловно хорошихъ людей, разъединенныхъ лѣтомъ и соединявшихся осенью и зимою, я и намѣренъ поговорить. Господа! Не все же описывать событія историческія и историческихъ дѣятелей. Конечно интересно читать о томъ, кто сколькихъ убилъ въ сраженіяхъ, разстрѣлялъ и повѣсилъ; но обратите вниманіе на сочиненія Маколея и другихъ историковъ. Они посвящаютъ сочиненія свои болѣе общественной жизни, нежели описанію дѣятельности полководцевъ и иныхъ ве-

ликихъ людей, истреблявшихъ человѣчество десятками и сотнями тысячъ. Впрочемъ, успокойтесь! Въ мои Записки попадутъ и полководцы, и администраторы, а пока я займусь кореннымъ составомъ Пятигорскаго общества 1847 года. Оно близко моему сердцу, и многіе изъ людей, о которыхъ я буду говорить, вызываютъ глубокое уваженіе, при воспоминаніи о нихъ.

Дамы и дѣвицы того времени представляли рѣдкое сочетаніе красоты, образованія и благовоспитанности. Напримѣръ, вотъ двѣ дочери коменданта и Анны Петровны Принцъ (только что окончившія курсъ институтки), Верзилины, Эмилія Александровна и Надежда Петровна; Дюнантъ, Петровская, Куликова, мои сестры и многія другія.

На балахъ и вечерахъ глаза буквально разбѣгались при взглядѣ на красавицъ барышень. Все это были дѣти людей зажиточныхъ, у которыхъ недостатка въ средствахъ для нарядовъ не было и не могло быть.

Мужскіе представители Пятигорскаго общества того времени были люди служащіе. Комендантомъ былъ полковникъ Принцъ, директоромъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ полковникъ Чайковскій (кажется, дѣдъ знаменитаго композитора). Главнымъ докторомъ военнаго госпиталя оригиналъ и мизантропъ Ребровъ; командиромъ линейнаго батальона полковникъ Монаенко—все семейные люди. Затѣмъ чиновники, офицеры и врачи. Врачи-практиканты того времени были: отецъ мой, Рожеръ, Патерсонъ и Каргеръ, и по сравненію съ нынѣшними, не мѣшаетъ сказать, что врачи-практиканты получали гонораръ, не торгуясь съ своими паціентами.

Осень, зиму и весну Пятигорцы проводили разнообразно и весело. Молодежь собиралась въ семействахъ, гдѣ были барышни. Танцовали подъ фортепьяно, играли въ фанты, веселились отъ души. Любители виста и преферанса проводили время въ домѣ гостепріимной старушки Екатерины Ивановны Мерлини. Любители музыки собирались у насъ. Отецъ страстно любилъ музыку, зналъ ее, и хотя самъ не игралъ ни на какомъ инструментѣ, но намъ, дѣтямъ, преподавалъ ее прекрасно. Устраивались дуэты и квартеты, съ акомпаниментомъ фортепьяно, на которомъ играла старшая сестра моя, Клавдія, впослѣдствіи Любомирская, виртуозка въ игрѣ на фортепьяно, какъ о ней отзывались.

Е. И. Мерлини нѣсколько ревновала къ намъ своихъ партнеровъ въ вистъ и преферансъ, и ежели который изъ нихъ запаздывалъ

прійти къ ней, то она обыкновенно встрѣчала его фразой: «Должно быть слушалъ обѣдню у Дроздовыхъ». Но обѣдня эта, вѣроятно, была привлекательна, ибо въ 1853 году въ таковой охотно участвовалъ юнкеръ легкой батареи 20-й бригады, графъ Левъ Николаевичъ Толстой, игравшій secundo на фортепьяно съ сестрой моей Клавдіей. Выборъ пьесъ былъ трудный. Левъ Николаевичъ предпочиталъ Бетховена и Моцарта всѣмъ остальнымъ композиторамъ, а въ особенности Итальянскимъ, музыку которыхъ онъ находилъ «сладенькою». Но сестра играла достаточно хорошо, чтобы партіи ихъ проходили возможно гладко. Графъ частенько посѣщалъ домъ отца моего и, уѣзжая въ Севастополь, въ знакъ памяти, оставилъ подзорную трубу, которая долго у насъ сохранялась.

Въ Николинъ день устраивался первый балъ благороднаго собранія. Общество собиралось въ зданіи ресторація Минеральныхъ водъ, въ томъ самомъ залѣ, гдѣ Печоринъ спасъ отъ обморока княжну Мери. Залъ обыковенно украшался зеленью, цвѣтами и арматурой. На хорахъ зала, блистательно освѣщеннаго люстрами и канделябрами, помѣщался оркестръ, подъ управленіемъ Сашки, цирюльника госпитальной команды. Оркестръ состоялъ изъ цимбалъ, гуслей, скрипки, флейты, кларнета, віолончели и контръ-баса. Капельмейстеръ Сашка игралъ довольно порядочно на скрипкѣ, при чемъ, ради потѣхи, иногда на квинтѣ подражалъ чрезвычайно искусно писку ибиса. Всѣ артисты, равно какъ и самъ Сашка, были солдатики-Жидки, служившіе въ госпитальной командѣ; но изъ благоприетойности, для баловъ имъ разрѣшено было надѣвать штатское платье, которое придавало имъ, ежели не качества, такъ по крайней мѣрѣ внѣшность артистовъ.

Балъ, какъ заведено было въ прежнія добрыя времена, открывался обыкновенно польскимъ. Въ первой парѣ, съ какою либо изъ почетныхъ дамъ, парадировалъ П. А. Принцъ. Кончалось гросфатеромъ. Вотъ какъ сейчасъ вижу красиваго, представительнаго Петра Александровича, шествующаго съ подобающей торжественностью въ первой парѣ польскаго, и его же, превращавшагося въ юнаго весельчака, изобрѣтающаго самыя разнообразныя комичныя фигуры въ гросфатерѣ. Молодежь и даже старички, то степенно выступали въ первомъ колѣнѣ этого танца, то прыгали, бѣгали, скакали, хохотали во второмъ его колѣнѣ съ учащеннымъ темпомъ. Нынѣшнія кадрили monstres не замѣнятъ милаго патріархальнаго гросфатера. Между польскимъ и гросфатеромъ танцовали кадрили, вальсъ въ три pas, польку tremblant, какъ ее тогда называли, польку съ различными фигурами

и мазурку. Легкими танцами дирижировалъ всегда Аркадій Павловичъ Озерецковскій. Дежурный старшина не давалъ задумываться молодежи и праздно сидѣть по угламъ. Онъ былъ вездѣ и въ залѣ, и въ гостиныхъ, и въ буфетѣ, и только тогда успокаивался, когда всѣ дамы и дѣвицы имѣли кавалеровъ-танцоровъ. Въ промежуткахъ между танцами разносили конфекты, фрукты, аршадъ, лимонадъ, кому что понравится, при чемъ дежурный старшина зорко слѣдилъ, чтобы на громадныхъ подносахъ, на которыхъ разносились фрукты и конфекты, остатковъ никакихъ не было. И маменьки танцующихъ уѣзжали домой, обыкновенно, щедро нагруженныя конфектами. Порядокъ этотъ соблюдался постоянно каждое Воскресенье. Все это было, и всего этого нѣтъ теперь.

Родина моя прекрасная и это милое, доброе старое время, когда люди и радовались, и горевали по-просту безъ затѣй, какъ ты измѣнилась! Пятигорскъ нынѣ и красивѣе, и богаче, но не такъ привлекателенъ какъ прежде. Уходя впередъ во всевозможныхъ изобрѣтеніяхъ и сосредоточиваясь на одномъ лишь полезномъ, мы, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе теряемъ теплоту и воспріимчивость душевную. Въ семьѣ скучно, на балахъ скучно. Молодежь предпочитаетъ буфеты бальнымъ заламъ. Танцы и фанты ниже ея достоинства. Глядишь и удивляешься этой юности со старческою душою.

Святки и Масляницу проводили Пятигорскѣ въ особенности весело и шумно. Балы, загородныя поѣздки въ саняхъ на тройкахъ съ длинными хвостами изъ салазокъ, въ которыхъ помѣщались кавалеры, придавали городу оживленіе. Курьерскія тройки мчались во весь духъ, салазки опрокидывались, кавалеры летали въ сугробы снѣга, при чемъ совершались такія сальто-мортале, какія и не снились акробатамъ. Крикъ, визгъ, хохотъ далеко оглашали поля и горы. Поѣздки эти заканчивались отдыхомъ въ колоніи Каррасъ у Богдана Ивановича Рошке, гдѣ услужливая Марья Ивановна и ея хорошенькая невѣстка, Лиза, всегда вздыхавшая при воспоминаніи о Лермонтовѣ, угощали промерзнувшую молодежь шоколадомъ и кофеемъ (конечно за деньги).

Все шло обычнымъ порядкомъ, и ни единое облачко не омрачало спокойно-радостную жизнь Пятигорцевъ. Бывали случаи и драматическіе, и трагическіе; но въ вихрѣ удовольствій они скоро забывались. Такъ напримѣръ, въ 1860 году адъютантъ князя Барятинскаго, поручикъ князь Горчаковъ убилъ на дуэли гусарскаго офицера барона Фитингофа. Съ братомъ этого Горчакова, княземъ Василіемъ, я вмѣстѣ

учился и вмѣстѣ кончилъ курсъ, а потому былъ хорошо знакомъ и съ княземъ Александромъ, который о дуэли своей разсказалъ мнѣ слѣдующее.

«Въ числѣ молодежи былъ гусарскій поручикъ, баронъ Фитингофъ. Гордый и заносчивый, онъ относился ко всѣмъ съ оттѣнкомъ нѣкотораго пренебреженія. Избалованный юноша, единственный сынъ очень богатаго помѣщика Харьковской губерніи, баронъ обращался со всѣми презрительно. Сначала это насъ удивляло и сердило, а затѣмъ мы перестали обращать на него вниманіе. Я въ особенности былъ спокоенъ между кипятившеюся молодежью. Мнѣ и въ голову не приходило, что я буду виновникомъ смерти этого красиваго и капризнаго мальчика. Однажды въ Желѣзноводскѣ послѣ обѣда, часу въ 4-мъ, послѣ прогулки въ паркѣ съ княгинями Софьей Яковлевной и Анной Андреевной Святополкъ-Мирскими, мы сѣли отдохнуть на скамейкѣ въ одной изъ узенькихъ аллей парка. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ въ началѣ этой аллеи показалось два всадника. Это были всегда неразлучные баронъ Фитингофъ и офицеръ Ниппа, на довольно бойкихъ лошадяхъ. Опасаясь весьма естественнаго испуга дамъ, мимо которыхъ лошади должны были пройти, едва не касаясь ихъ колѣнъ, я знакомъ началъ приглашать барона свернуть на объѣздную тропу, бывшую невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ мы сидѣли. Но баронъ, не обращая вниманія на мою, хотя и нѣмую, но выразительную просьбу, проѣхалъ мимо насъ такъ близко, что дамамъ пришлось подобрать платья, чтобы лошади не наступили на подолы ихъ. Баронъ и Ниппа проѣхали. Я терпѣливо перенесъ оскорбленіе, нанесенное этимъ невѣжествомъ дамамъ и мнѣ, и чтобы предупредить такую поѣздку вторично, при возвращеніи барона этимъ же путемъ, я поставилъ одну изъ скамеекъ поперекъ аллеи въ недальнемъ разстояніи отъ насъ. Очевидно съ цѣлью вызвать меня на дерзость, баронъ, вернувшись по той же аллеѣ и замѣтивъ преграду, заставилъ лошадь перепрыгнуть черезъ скамью. Я и въ этомъ случаѣ стерпѣлъ, хотя и слѣдовало бы преподать урокъ вѣжливости дерзкому мальчику. Вскорѣ мы встали, и я, проводивъ дамъ до ихъ квартиры, отправился домой переодѣться. Въ это время ко мнѣ пришелъ князь Грузинскій и передалъ слѣдующее. Въ павильонъ, куда обыкновенно вечеромъ собиралась публика слушать музыку и танцовать, вошелъ Фитингофъ и громогласно произнесъ: «Я удивляюсь тому, что князь Барятинскій въ своей свитѣ имѣетъ квартальныхъ надзирателей. Адъютанту его, князю Горчакову, приличнѣе носить форму будочника и, вѣроятно, въ родѣ Горчаковыхъ есть полицейскія наклонности». На замѣчаніе князя Грузинскаго, что онъ пріятель мой и потому проситъ барона взять свои слова на-

задъ, баронъ отвѣчалъ, что отъ сказаннаго не отречется, и слова его князь Грузинскій можетъ передать князю Горчакову. Извѣстіе это встревожило меня очень и именно потому, что, по непреклонности моего характера, я оскорбленія этого Фитингофу простить не могъ, и однимъ лишь извиненіемъ дѣло не кончится. Одѣвшись, я вышелъ изъ дому съ намѣреніемъ зайти къ поручику Кабардинскаго полка фонъ-Шаку, просить его быть моимъ секундантомъ и передать мой вызовъ Фитингофу. Невдалекѣ отъ моей квартиры я встрѣтилъ барона Фитингофа и, раскланявшись съ нимъ, сказалъ ему: «Баронъ, князь Грузинскій передалъ мнѣ ваши слова. Я считаю ихъ оскорбленіемъ для себя и прошу дать мнѣ удовлетвореніе». Баронъ согласился дать таковое, и я назвалъ фамилію моего секунданта. Секундантомъ Фитингофа былъ Нинпа.

Секунданты условились, и рѣшено было на слѣдующій день въ 5 часовъ утра встрѣтиться противникамъ въ ущельи у подошвы горы Бештау. Оружіемъ назначены были пистолеты. Фитингофу стрѣлять первому. Представьте: ни у меня, ни у Фитингофа не оказалось пистолетовъ, и фонъ-Шаку пришлось ночью скакать въ Пятигорскъ, гдѣ онъ и досталъ ихъ у плацъ-адъютанта капитана Кинбурна. Пистолеты были старые, большого солдатскаго калибра. Но другихъ не было, и пришлось удовлетвориться и тѣми, которые нашлись. Въ 5 ч. утра мы сошлись на условленномъ мѣстѣ. Барьеры были назначены на 10 шаговъ. Секунданты отмѣрили шаги и отмѣтили барьеры. Подходить къ барьерамъ мы должны были по командѣ: разъ, два, три. По третьей командѣ противники становятся у барьера. Мы встали на назначенныя мѣста и начали сходиться къ барьерамъ. Подойдя къ барьеру, Фитингофъ, не поднимая пистолета, произнесъ: «Князь! Мы стрѣляемся съ вами изъ-за такого пустяка, что, можетъ-быть, извиненіе мое удовлетворитъ васъ».—«Объ этомъ, баронъ, было время подумать ранѣе. Я пригласилъ васъ сюда не для того, чтобы съ пистолетомъ въ рукѣ ожидать отъ васъ извиненія. Вамъ стрѣлять первому. Стрѣляйте»!—Баронъ выстрѣлилъ и промахнулся. Вслѣдъ затѣмъ выстрѣлилъ я, и, къ несчастью, пуля попала ему въ пахъ. Рана безусловно смертельная, но съ моей стороны неумышленная. За дерзкія слова Фитингофа я хотѣлъ лишь наказать его, а не убить, и потому цѣлился ему въ ногу, и ежели пуля попала ему въ пахъ, то виною тому невѣрность ружья. Годъ уже прошелъ послѣ этой несчастной дуэли, а я и до сихъ поръ не могу забыть страдальчески-испуганнаго, почти дѣтскаго лица барона».

Вотъ точное описаніе этого поединка со словъ князя Горчакова. Кромѣ секундантовъ тутъ присутствовали, какъ зрители, князь Грузинскій и Хомутовъ. Князь Горчаковъ и фонъ-Шакъ по приговору военнаго суда были разжалованы въ рядовые; но вскорѣ, за отличіе въ Кавказскихъ экспедиціяхъ, имъ были возвращены и чины, и знаки отличій. Хомутова, какъ зрителя, сослали на годъ въ Усть-Лабинское укрѣпленіе, гдѣ, впрочемъ, онъ не скучалъ съ своей красавицею-женой, Лидіей Васильевной, на которой онъ женился незадолго до ссылки его въ Усть-Лабу, будучи подъ судомъ въ Пятигорскѣ. Да избавитъ Господь всѣхъ отъ поединковъ! Не идти же въ камеру мироваго судьи судиться съ человѣкомъ, оскорбившимъ васъ, вашу мать, жену, дочь или память умершаго отца? Вызовъ, или принятіе вызова обусловливаются еще и тѣмъ общественнымъ положеніемъ, которое вы занимаете. Князь Горчаковъ былъ именно въ такомъ положеніи, состоя адъютантомъ у князя Барятинскаго, который, самъ будучи рыцаремъ чести, не могъ не относиться строго въ такихъ случаяхъ и къ людямъ окружающимъ его. Въ 1858 г. Эриванскаго полка поручикъ Макѣевъ вызвалъ на дуэль командира этого полка, полковника Фохта. Фохтъ отказался. Макѣевъ застрѣлилъ его изъ ружья ночью черезъ окно и затѣмъ бѣжалъ. Онъ былъ пойманъ на Персидской границѣ. Назначено слѣдствіе, которое и представлено было на конфирмацію главнокомандующаго. Князь Барятинскій, утвердивъ приговоръ суда во всей его строгости, сказалъ: «Макѣевъ имѣлъ право убить Фохта, но не тайно и не совершая послѣ этого побѣга. И въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ поступилъ не какъ дворянинъ и не какъ офицеръ, а потому и не заслуживаетъ ни снисхожденія, ни милости». При такомъ взглядѣ на дѣло чести, могъ ли адъютантъ князя Барятинскаго поступить иначе?

ГЛАВА II.

Отставка кн. Голицына въ 1848 г.—Прощальный балъ ему близъ Провала.—Отъѣздъ его въ Москву.—Лазаревскій Институтъ восточныхъ языковъ.

Размолвка съ главнокомандующимъ Кавказскою арміей княземъ Воронцовымъ и тяжелыя раны, полученныя подъ Парижемъ и на Кавказѣ, понудили князя В. С. Голицына подать въ отставку, къ непритворному сожалѣнію преданныхъ ему Кабардинцевъ. Въ глазахъ племени, въ средѣ котораго были князья и дворяне, знатные по происхожденію и богатые по состоянію, такой баринъ, какъ князь В. С., не мелочной и щедрый, занималъ первенствующее мѣсто, не по одному служебному положенію, но и по личнымъ его достоинствамъ. Въ лукавыхъ отъ природы горцахъ много сословнаго самолюбія и даже тще-

славія, которыми князь Голицынъ, въ случаѣ надобности, умѣлъ искусно пользоваться въ продолженіи шести лѣтъ, чтó онъ былъ начальникомъ центра. Отставкой онъ выигралъ себѣ отдыхъ и спокойствіе, а князь Воронцовъ потерялъ въ немъ дѣятельнаго и опытнаго помощника.

Передавъ должность князю Эристову, князь Голицынъ изъ Нальчика пріѣхалъ въ Пятигорскъ, и 15-го Іюля 1848 г. на склонѣ Машука, близъ Провала, принялъ прощальный балъ, устроенный для него Пятигорскими жителями и начальникомъ артиллеріи, генераломъ Семчевскимъ. Балъ этотъ памятенъ для меня тѣмъ, что на немъ рѣшена была моя участь. Желая отблагодарить отца моего за его многолѣтнія медицинскія пособія, князь предложилъ матери моей воспитывать меня на свой счетъ. Зная хорошо семейство князя, матушка, убѣжденная въ томъ, что мнѣ будетъ хорошо, охотно согласилась на такое предложеніе, тѣмъ болѣе, что отецъ уже собирался пристроить меня въ Ришельевскій лицей. Подготовленъ я былъ изрядно, и оставалось только опредѣлить меня въ какое-нибудь учебное заведеніе.

Нашимъ домашнимъ образованіемъ занимались по очереди Смолянки-институтки, дочери вдовы Анны Ивановны Барановской, то въ качествѣ гувернантокъ, то какъ учительницы, къ которымъ мы ходили на домъ. Женщина, съ чрезвычайно маленькими средствами и съ очень большимъ семействомъ, она обладала замѣчательнымъ умѣньемъ пристраивать ихъ въ лучшія учебныя заведенія. Жизнь ея происходила почти въ постоянныхъ поѣздкахъ изъ Пятигорска въ Петербургъ и обратно, и всегда успѣшно. То она встрѣтится съ Императрицей, то съ Императоромъ, упадетъ на колѣни, подастъ прошеніе, поплачетъ, и просьбы ея исполнялись. Завести знакомство съ придворнымъ камердинеромъ или камеръ-фрау и узнать отъ нихъ, когда и гдѣ можно встрѣтить Государя или Императрицу, ровно ничего не значило для Анны Ивановны; а впрочемъ честь и слава ей, какъ заботливой матери.

Я не помню, сколько у нея было дочерей; но смѣло могу сказать, что Анна Ивановна и ея милыя дочки въ продолженіе многихъ лѣтъ были единственными насадительницами просвѣщенія въ юныхъ Пятигорцахъ. Кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, дѣвицы Барановскія преподавали языки Французскій и Нѣмецкій и танцы. На смѣну барышень, выходившихъ замужъ, пріѣзжали другія сестры, окончившія курсъ въ Смольномъ монастырѣ, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не вышла послѣдняя изъ дѣвицъ за-мужъ.

Латинскій языкъ преподавалъ мнѣ священникъ отецъ Левъ, а репетировалъ по вечерамъ отецъ мой, и до отъѣзда въ Москву я уже болталъ по-французски и довольно бойко читалъ по-латини.

Въ весьма немногихъ учебныхъ заведеніяхъ 40-хъ годовъ не было ни конкурсныхъ экзаменовъ, ни атестатовъ зрѣлости. Въ тѣ времена слово «конкурсъ» имѣло лишь коммерческое значеніе для несостоятельныхъ должниковъ, а «зрѣлость» опредѣлялась жизненнымъ опытомъ, а не учебнымъ атестатомъ. Впослѣдствіи, услышавъ выраженіе «атестатъ зрѣлости», я долго не умѣлъ понять, что̀ это такое.

Въ началѣ Августа князь рѣшилъ выѣхать изъ Пятигорска въ Москву. Наканунѣ отъѣзда онъ зашелъ къ намъ условиться о часѣ и мѣстѣ отъѣзда на слѣдующій день. Я прыгалъ отъ восторга ѣхать въ бѣлокаменную и златоглавую Москву; сестры завидовали мнѣ.

Къ 7 часамъ утра слѣдующаго дня уже всѣ были на ногахъ, на дворѣ стоялъ запряженный экипажъ, и кучеръ Димитрій по обыкновенію бесѣдовалъ съ Бурымъ и Гнѣдымъ, которыхъ онъ всегда усовѣщивалъ вести себя смирно и прилично, во время отлучекъ его съ козелъ въ трактиръ или кабачокъ (бесѣды эти обыкновенно оканчивались разбитымъ экипажемъ и порванной сбруей по нѣскольку разъ въ теченіи года).

Всѣ мы собрались въ залѣ проститься; пришли и няни, и горничныя, и поваръ. Матушка благословила меня образкомъ св. Митрофанія; отецъ все сморкался и, утѣшая меня, не замѣчалъ слезъ, которыя катились у него изъ глазъ. Прощанье было непродолжительное. Перецѣловавъ отца, мать, сестеръ, брата Яшу и прислугу, я выбѣжалъ на крыльцо, прыгнулъ въ экипажъ; вслѣдъ за мной сѣли отецъ и мать, и мы покатили въ ресторацію къ князю. Во дворѣ ресторации уже стоялъ дормезъ, запряженный шестерикомъ почтовыхъ лошадей. Родители пошли къ князю, а я влѣзъ въ карету, не помня себя отъ восхищенія. Вскорѣ вышли отецъ, мать и князь. Родители еще расцѣловали меня на прощанье, князь сѣлъ въ карету, дверцу захлопнули, камердинеръ прыгнулъ на козлы и крикнулъ «пошелъ!» Лошади дружно сдвинули съ мѣста тяжелый экипажъ и, плавно покачиваясь на рессорахъ, мы выѣхали со двора ресторации. Прощай Пятигорскъ! Прощай, моя прекрасная родина!

Ѣхали мы день и ночь. Въ дормезѣ откидывались спереди на заднее сидѣнье доски съ мягкими подушками, и камердинеръ Борисъ

устроивалъ прекрасныя постели. Днемъ князь или дремалъ или читалъ «Мертвыя Души» Гоголя, въ которыя и я заглядывалъ отъ нечего дѣлать. Попробовалъ я было однажды заплакать въ то время, когда изъ глазъ моихъ, постепенно умаляясь, наконецъ, совсѣмъ скрылись и Машукъ, и Бештау; но князь назвалъ меня «размазней», и я пересталъ плакать. По пути князь на нѣсколько часовъ останавливался сначала въ станицѣ Михайловской близъ Ставрополя у наказнаго атамана Николаева, затѣмъ близъ Новочеркасска въ Мишкинѣ, имѣніи князя Голицына, женатаго на дочери графа Платова, и на ночлегъ въ Воронежѣ въ гостиницѣ Швановича, гдѣ меня выкупали въ теплой ваннѣ, а затѣмъ отвезли приложиться къ мощамъ св. Митрофанія.

Новизна мѣстъ и впечатлѣній, изъ коихъ сильнѣйшее произвело на меня переправа черезъ Донъ по пловучему мосту, который, при движеніи по немъ тяжелаго экипажа и шестерика лошадей, погружался въ воду, и лошади брели въ ней по щиколку (при чемъ я очень боялся утонуть), вытѣснили изъ памяти моей и Пятигорскъ, и недавнюю разлуку съ родными.

На шестой день въ полдень мы въѣхали въ Москву черезъ Серпуховскую заставу. Уличный шумъ, грохотъ, многолюдная толпа, сновавшая взадъ и впередъ, вывѣски на магазинахъ, разнощики съ лотками на головахъ, выкрикивавшіе разными голосами и на разные лады, совсѣмъ ошеломили меня. Такъ вотъ она, эта Москва! О такомъ многолюдствѣ и оживленіи мнѣ, конечно, и не снилось. Одна изъ вывѣсокъ, съ надписью о продажѣ Китайскихъ чаевъ, съ нарисованными на ней Китайцами по концамъ и огромными золотыми буквами, навела меня на соображенія, высказанныя вслухъ, что должно быть отецъ получаетъ чай отсюда, ибо мы пьемъ чай Китайскій. Князь расхохотался и, очевидно, мальчикъ, переходившій отъ окна къ окну кареты съ самыми искренними восклицаніями удивленія, забавлялъ его.

Долго ли, коротко, мы пріѣхали наконецъ къ дому князя у Бутырской заставы. Прислуга первое время принимала меня за Черкесенка, взятаго въ плѣнъ бариномъ на Кавказѣ. Меня выкупали, накормили, переодѣли, и я побѣжалъ осматривать комнаты съ ихъ невиданными мною роскошью и великолѣпіемъ. Въ этомъ лабиринтѣ комнатъ и корридоровъ я едва не заблудился.

Борисъ, уже отыскивавшій меня, проводилъ меня въ паркъ, гдѣ къ несказанному моему удовольствію оказались качели. Въ день на-

шего пріѣзда мы не застали княгиню съ дочерью: онѣ были въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ.

На другой день утромъ князь въ Донскомъ атаманскомъ мундирѣ отправился въ Лазаревскій Институтъ восточныхъ языковъ опредѣлить меня, а вечеромъ и отвезли меня туда прямо къ ужину. Непривычный для меня шумъ и толкотня мальчишекъ и ошеломили, и испугали меня, и ежели бъ не воспитанникъ старшаго класса, Теръ-Асатуровъ, назначенный ко мнѣ руководителемъ на первыхъ порахъ, то я расплакался бы горько. Мальчишки смѣялись и надъ костюмомъ моимъ (полуфракомъ, которымъ я такъ гордился), и надъ застѣнчивостью моей, даже трусостью. Всѣ эти мальчуганы казались мнѣ въ то время какими-то разбойниками, которые убьютъ меня. Въ столовой я плотно прижимался къ Теръ-Асатурову, и потомъ въ спальнѣ, уже раздѣтый и уложенный въ постель, я просилъ его не оставлять меня. Юноша этотъ былъ такъ добръ, что только въ то время оставилъ меня, когда я заснулъ.

На слѣдующій день утромъ, одѣваясь, я не нашелъ въ карманѣ панталонъ моихъ кошелька съ 10 новенькими серебряными рублями и перчатокъ. Теръ-Асатуровъ, навѣстившій меня во время одѣванья, замѣтивъ мое смущеніе и узнавъ о причинѣ его, тотчасъ же заявилъ объ этомъ дежурному надзирателю. Деньги и перчатки были найдены у дядьки, чистившаго мое платье. Дядьку немедленно выгнали вонъ, а деньги и перчатки поступили въ канцелярію правленія Института, секретарь котораго выдавалъ мнѣ деньги понемногу по мѣрѣ надобности, а перчатки выдали мнѣ при окончаніи курса.

Основывая Институтъ, Лазаревъ безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду сдѣлать доброе дѣло исключительно для Армянъ, проживающихъ въ Россіи; но широкія права, присвоенныя Институту въ 1848 году, привлекли дѣтей многихъ Русскихъ, и училище, возведенное на степень высшихъ учебныхъ заведеній, предназначено было для приготовленія драгомановъ къ Азіатскимъ посольствамъ. Въ 1848 г. на 70 человѣкъ Армянъ не было и 30 Русскихъ мальчиковъ; а въ 1854 изъ 200 слишкомъ воспитанниковъ было лишь около 60 Армянъ. Прежде Армяне били насъ и при томъ съ искусствомъ, которое входило въ курсъ предварительнаго воспитанія ихъ въ Тифлисѣ и Нахичевани на Армянскихъ базарахъ; а затѣмъ искусство ихъ подчинилось нашей численности, и тѣлеса наши были въ безопасности отъ Армянскихъ тумаковъ.

Лазаревъ не поскупился на издержки при основаніи Института. Кромѣ роскошнаго зданія онъ пожертвовалъ значительный капиталъ, на проценты съ котораго содержались стипендіаты его имени, администрація и учебный персоналъ Института, ремонтировалось зданіе и содержался прекрасный садъ, примыкающій къ Златоустовскому монастырю. Плата за пансіонеровъ была 300 р. въ годъ, за полупансіонеровъ съ правомъ обѣдать 200 р.; да иначе и не могло быть по отношенію къ полупансіонерамъ, ибо классныя занятія были и послѣ обѣда съ 2-хъ до 6 часовъ. Приходящихъ, съ правомъ платить лишь за уроки, не было.

Въ 1848 г., исправляющимъ должность директора былъ инспекторъ классовъ Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьевъ. Въ виду дополненія трехъ классовъ, а именно, приготовительнаго и двухъ спеціальныхъ съ правомъ на чинъ 12-го класса, не было опредѣленныхъ штатовъ начальствующихъ лицъ. Съ дополненіемъ классовъ измѣнилась и нумерація ихъ, и я, поступивъ во второй классъ, очутился въ третьемъ.

Форменное платье воспитанниковъ въ первыхъ шести классахъ состояло изъ куртокъ для класныхъ занятій и мундировъ съ фалдами для праздниковъ; а въ двухъ спеціальныхъ—изъ вицмундирнаго двухбортнаго сюртука и мундира съ фалдами, съ золотыми петлицами на черныхъ бархатныхъ съ краснымъ кантомъ воротникахъ. Спеціалистамъ присвоены были шпаги и треугольныя шляпы.

Въ концѣ 1848 года директоромъ Института назначенъ былъ морякъ, капитанъ 1-го ранга, Семенъ Ильичъ Зеленый, извѣстный въ то время составитель алгебры и авторъ лекцій популярной астрономіи, читанной имъ въ Морскомъ Корпусѣ. Высоко-образованный, мягкій человѣкъ и педагогъ, прекрасный администраторъ, онъ сразу поставилъ Институтъ на степень высшаго учебнаго заведенія. Москвичи, князья и столбовые Русскіе дворяне, начали пополнять Институтъ своими сыновьями. Съ увеличеніемъ состава воспитанниковъ, значительно увеличилась и измѣнилась администрація его. Воспитателями или, какъ въ то время называли ихъ, надзирателями приглашены были Французы, Нѣмцы и Русскіе отличные и по образованію, и какъ педагоги. Воспитателей было 12 человѣкъ, и дѣлились они по 6 человѣкъ на дежурства, Французское и Нѣмецкое, при чемъ воспитанники обязаны были обращаться къ нимъ, соображаясь съ дежурными, или на Французскомъ или на Нѣмецкомъ языкахъ.

За отступленіемъ отъ этого правила воспитанникамъ младшихъ классовъ, въ видѣ наказанія, навѣшивался на грудь красный суконный

языкъ, ношеніе котораго лишало права на полученіе третьяго блюда. Конечно, правило это не особенно строго соблюдалось, но распространеніе языковъ Французскаго и Нѣмецкаго между мальчиками замѣтно усилилось. Изъ воспитателей я припоминаю Ивана Мартыновича Янпау, Августа Карловича Фабриціуса, Григорія Павловича Ребристаго, Василія Алексѣевича Бѣляева и Французовъ: Дюфё, Плафяпъ, Трестера. Между учителями выдѣлялись и знаніями своимъ, и преподаваніемъ разумнымъ и увлекательнымъ, профессора: Никита Осиповичъ Эминъ (онъ же и инспекторъ классовъ съ 1849 года), Степанъ Исаевичъ Назарьянцъ, оба извѣстные въ то время оріенталисты, А. З. Зиновьевъ, читавшій Русскую словесность, и профессоръ Московскаго университета Ѳеодоръ Лукичъ Морошкинъ, преподававшій намъ законовѣдѣніе, по курсу Рождественскаго. Учителями Русскаго языка были Николай Михайловичъ Поповъ, закона Божія—Смирновъ-Платоновъ, математики—Леонардъ Осиповичъ Новицкій, исторіи и географіи—Василій Павловичъ Гривцовъ, Французскаго языка—Куртнеръ и Петерманъ, ариѳметики Василій Андреевичъ Тихомировъ, Персидскаго языка—Тегеранскій Армянинъ Николай Ивановичъ Давришевъ, увѣрявшій, что отъ Тегерана до Петербурга только онъ одинъ знатокъ Персидскаго языка и Арабскихъ басенъ Локмана; Турецкій языкъ преподавалъ Лазаревъ. Танцамъ училъ насъ танцовщикъ изъ Московскаго балета, уже устарѣвшій для сцены—Пѣшковъ, гимнастику и фехтованье—Ивановъ, преподаватель того и другого въ Московскихъ кадетскихъ корпусахъ.

С. И. Зеленый не такъ давно скончался, будучи предсѣдателемъ главнаго морского суда; но память о немъ не должна умереть въ Институтѣ восточныхъ языковъ.

Институтъ этотъ, изъятый изъ вѣдомства попечителя Московскаго округа, находился подъ покровительствомъ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича и попечителей, камергеровъ Ивана Акимовича и Христофора Акимовича Лазаревыхъ. Въ средѣ учебнаго и административнаго вѣдомствъ этотъ Институтъ былъ единственнымъ исключеніемъ, и кромѣ министра народнаго просвѣщенія и своего начальства къ намъ никто не заглядывалъ и не имѣлъ права заглянуть.

Въ то время, когда въ Россіи тѣлесныя наказанія доведены были до степени виртуозности, у насъ за все время съ 1849 по 1855 годъ было лишь нѣсколько случаевъ, въ которыхъ директоръ употребилъ розги; да и то, какъ говорится, лишь для проформы, ибо свыше пяти ударовъ и не бывало. Между тѣмъ, какъ и вообще между мальчиками,

были шалуны и лѣнтяи; но шалости не переходили за границу приличій, и весьма естественно, потому, что дѣти были все изъ хорошихъ семействъ. По части шалостей отличались изобрѣтательностью Бурцевъ и Толстой. Такъ напримѣръ, однажды, заготовивъ предварительно лягушку, они стащили со стола серебряную большую табакерку у полуслѣпаго старичка, учителя ариѳметики В. А. Тихомирова, высыпали табакъ, а въ табакерку посадили лягушку и затѣмъ ее обратно поставили на столъ. В. А., углубленный въ разсматриваніе тетрадокъ класныхъ занятій, нѣкоторое время не обращалъ вниманія на эволюціи, которыя выдѣлывала табакерка по столу; но затѣмъ, когда она начала стучать по столу, онъ, крайне удивленный прыжками табакерки, сталъ присматриваться къ ней и переставлять ее съ мѣста на мѣсто, вѣроятно соображая, въ силу какихъ законовъ физическихъ серебряный ящикъ началъ оказывать признаки жизни. Зная, въ чемъ дѣло, мы едва удерживались отъ смѣха. Наскучивъ наблюденіемъ за табакеркой извнѣ, В. А. пожелалъ познакомиться съ внутренностью ея, взялъ табакерку въ руки и, поднеся ее довольно близко къ глазамъ, открылъ ее. Лягушка, почувствовавъ конецъ ея временнаго ареста и нанюхавшись достаточно остатковъ табаку, выпрыгнула. Изумленію В. А., уронившаго табакерку на полъ, при чемъ она помялась, не было предѣловъ. Но быстро сообразивъ, что это было лишь школьничество, старикъ самъ разсмѣялся и назвалъ насъ шалунами, при чемъ не счелъ нужнымъ жаловаться на насъ начальству; а мы, сложившись, вмѣсто помятой табакерки, купили ему другую, болѣе красивую и дорогую, и приподнесли ему.

Были у насъ и любимые учителя, и нелюбимые. Къ числу послѣднихъ относился учитель Нѣмецкаго языка, Вернеръ. Небольшого роста, худенькій, щегольски одѣтый, прилизанный Нѣмчикъ, заносчивый и гордый съ Русскими поросятами, какъ насъ звали Нѣмцы вообще, Вернеръ былъ предметомъ и насмѣшекъ, и школьничествъ. То ему нечаянно обольютъ фракъ чернилами, то его носовымъ платкомъ вытрутъ классную доску, то подставятъ ему ногу въ то время, когда онъ входитъ въ классъ, и Нѣмецъ съ розмаху растягивается на паркетѣ; словомъ, не перечислишь всѣхъ тѣхъ истязаній, которымъ подвергали Вернера до тѣхъ поръ, пока онъ не догадался оставить Институтъ. Здѣсь кстати сказать о томъ, что воспитанники, изучавшіе восточные языки, имѣли право не учиться Нѣмецкому и Латинскому, такъ что у Вернера и у учителя Латинскаго языка Меншикова, высокаго, длиннаго, худого латиниста во фракѣ съ фалдами на подобіе ласточкиныхъ крыльевъ, было въ каждомъ классѣ не болѣе двухъ-трехъ

учениковъ, а остальные занимались метаніемъ бумажныхъ стрѣлокъ въ ихъ мудрыя головы.

Въ 1849 году, какъ извѣстно, во многихъ Европейскихъ университетахъ происходили довольно серьезные безпорядки. Чтобы не допустить этого и въ нашихъ, министерство издало строго дисциплинарные уставы для нихъ; но и не для однихъ студентовъ только, а и для лекцій профессоровъ, что̀, несомнѣнно, ожесточало сильно студентовъ. Въ Московскомъ университетѣ въ это время были такіе профессора-свѣтила, какъ Грановскій, Шевыревъ, Крыловъ, Рульє и мн. др., лекціи которыхъ вслѣдствіе строгой цензуры поневолѣ обратились въ школьные уроки. Разумная свобода, которой пользовались мы въ это же самое время, возбуждала зависть у студентовъ. Не только преподаватели наши, конечно, въ старшихъ классахъ, читали лекціи свои, не стѣсняясь цензурой, но и само начальство снисходительно относилось къ болтовнѣ молодежи, совершенно разумно заключая, что между словомъ и дѣломъ разница большая, и такое или иное направленіе политическихъ убѣжденій вырабатываетъ жизнь дѣйствительная, а не школьная. У насъ были кружки и политическіе, и литературные. Забавно и теперь вспомнить о тѣхъ политическихъ соображеніяхъ относительно карты Европы, которыя высказывались воспитанниками 6-го или 7-го классовъ. Изъ числа воспитанниковъ того времени и въ настоящее время можно указать на дѣятелей высокопоставленныхъ. Напримѣръ, Александръ Семеновичъ Іонинъ, съ которымъ мы вмѣстѣ ѣли пироги въ Лазаревскомъ Институтѣ отъ 3-го до 8-го класса включительно, въ настоящее время тайный совѣтникъ и чрезвычайный посланникъ въ Аргентинской республикѣ. Иванъ Алексѣевичъ Зиновьевъ, двумя годами ранѣе насъ окончившій курсъ, занимаетъ тоже весьма важный постъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ изъ воспитанниковъ Лазаревскаго института не отличался и не отличается политической неблагонадежностью. Поименовавъ А. С. Іонина и И. А. Зиновьева, я не могу обойти молчаніемъ и Александра Семеновича Зеленаго, который нынѣ въ чинѣ генерала-лейтенанта генеральнаго штаба занимаетъ видное положеніе на Кавказѣ.

Экзамены были у насъ годичные, начинавшіеся, какъ и нынѣ, съ Мая мѣсяца. Первый экзаменъ былъ изъ Закона Божія, и на этотъ экзаменъ иногда жаловалъ къ намъ и митрополитъ Филаретъ, котораго мы таки побаивались, не потому, чтобы онъ былъ слишкомъ строгимъ экзаменаторомъ, а просто внѣшность его смущала насъ. Маленькаго

роста, почти сухой старичокъ, митрополитъ имѣлъ взоръ суровый и такой проницающій, что казалось намъ, будто онъ знаетъ всѣ наши внутреннія достоинства или недостатки и даже каждому можетъ наименовать билетъ мало ему знакомый. Камнемъ преткновенія для насъ былъ Катихизисъ, составленный имъ же и, какъ авторъ, онъ несомнѣнно интересовался, насколько произведеніе его усвоивается нами, и потому часто давалъ вопросы помимо билета.

Вызывали насъ по алфавиту. Въ спискѣ вмѣстѣ со мною значился Данзасъ. Мальчикъ онъ былъ способный, но избалованный маменькинъ сынокъ и притомъ съ лѣнцой.

На экзаменѣ изъ 5-го въ 6-й классъ присутствовалъ и митрополитъ. Вызываютъ меня и Данзаса. Взяли билеты. Я заглянулъ въ билетъ Данзаса и вижу, что билетъ легкій и хорошо ему знакомый. Данзасу отвѣчать первому. Данзасъ краснѣетъ, блѣднѣетъ, но молчитъ. Законоучитель предлагаетъ прочесть билетъ. Молчаніе. «Можетъ быть, вы не знаете билета? Возьмите другой!» У Данзаса показываются слезы на глазахъ; онъ открываетъ ротъ, засовываетъ въ него пальцы и вытаскиваетъ изо рта большой комокъ ваты, который мѣшалъ ему говорить. Вату онъ препровождаетъ въ карманъ мундира и бойко читаетъ билетъ. Всѣ изумлены. Директоръ спрашиваетъ, не болятъ ли у него зубы. Нѣтъ. «Зачѣмъ же вы напихали себѣ ваты въ ротъ?»— «Она отъ иконы Иверской Божьей Матери: я боялся срѣзаться на экзаменѣ; мнѣ посовѣтовали взять ваты отъ чудотворной иконы, положить въ ротъ, и тогда я буду знать даже то, о чемъ мнѣ и не снилось.» С. И. улыбнулся такой наивности. Митрополитъ, замѣтивъ эту улыбку, насупился и, назвавъ Данзаса лѣнтяемъ, посовѣтовалъ ему хорошенько учиться, ибо чудеса совершаются не для тунеядцевъ.

Я читалъ проповѣди Филарета и лично слыхалъ его въ Чудовомъ монастырѣ. Проповѣди его отличаются высокимъ литературно-богословскимъ достоинствомъ, изобилуютъ неологизмами и по своему научно-богословскому содержанію скорѣе лекціи, а не проповѣди. Религія есть принадлежность чувства и инстинкта, а не ума, ибо умъ склоненъ къ скептицизму; а потому и проповѣди лишь тѣ сильны, которыя производятъ впечатлѣніе прямо на чувства. Въ проповѣдяхъ современника Филарета, архіепископа Иннокентія, болѣе чувства. Краснорѣчіе его было увлекательно, а потому и ближе къ цѣли.

Праздничные дни я проводилъ у князя Голицына. Кромѣ удовольствія полакомиться прекраснымъ обѣдомъ и конфектами, которыя

приготовлялись домашнимъ кондитеромъ Уваромъ, я каждое Воскресенье получалъ отъ князя билетъ въ театръ, который любилъ страстно.

Драматическій театръ того времени былъ полонъ такихъ знаменитостей, какъ Щепкинъ, Самаринъ, Шумскій, Живокини, Полтавцевъ, Садовскій, Васильевъ, Васильева, Сабурова, Акимова и Бороздина. Но я былъ еще слишкомъ юнъ, чтобы понимать великихъ артистовъ-художниковъ, и потому предпочиталъ балетъ, производившій сильное впечатлѣніе и декораціями, и различными превращеніями, и прекрасной музыкой. Балеринами того времени были Санковская. Андреянова и Ирка-Матіасъ. Само собой разумѣется, что балетоманы составляли лагери, враждовавшіе между собою изъ-за излюбленныхъ танцовщицъ. Почитатели Санковской учиняли скандалы Андреяновой и наоборотъ. И вотъ однажды, поклонники Санковской учинили премерзкій скандалъ Андреяновой, которая танцовала въ балетѣ Сатанилла. Я былъ въ это время въ театрѣ, а потому и разскажу объ этомъ случаѣ, какъ очевидецъ. Въ первомъ и во второмъ дѣйствіи балета, Андреяновой то шикали, то апплодировали. Въ третьемъ актѣ, послѣ весьма труднаго pas des deux, въ то время когда Андреянова и Монтасю, окончивъ pas, остановились въ чрезвычайно граціозной позѣ, къ ногамъ Андреяновой изъ райка былъ брошенъ какой-то предметъ съ длинною широкой лентой. Зрителямъ, а въ томъ числѣ и мнѣ, показалось, что предметъ этотъ долженъ былъ упасть по ходу пьесы. Но предположеніе это длилось не болѣе секунды. Монтасю поднялъ упавшій предметъ, который оказался большой дохлой кошкой, съ лентою на шеѣ. Монтасю, взглянувъ на публику и отшвырнувъ отъ себя далеко за кулисы кошку, выразилъ мимикой знаки укоризны, относящіеся къ публикѣ. Андреянова закрыла лицо руками, и видно было по судорожнымъ движеніямъ груди и плечъ ея, что она плакала. Смятеніе въ публикѣ и на сценѣ трудно передать. Въ партерѣ и въ ложахъ мужчины и дамы всѣ встали, начали раздаваться крики участія къ невинно-пострадавшей артисткѣ. Сцена наполнилась артистами и артистками, не участвовавшими въ балетѣ, въ обыкновенныхъ костюмахъ; они подходили къ артисткѣ, очевидно съ знаками участія къ ней и глубокаго негодованія къ оскорбленію, которое было ей нанесено. Публика кричала, топала ногами, стучала стульями и креслами, дамы махали платками. Затѣмъ на сцену изъ партера и изъ ближайшихъ къ сценѣ ложъ полетѣли вѣнки и букеты, которыми буквально закидали несчастную артистку. Полиція заметалась, мгновенно оцѣпили всѣ ложи и раекъ, и въ этотъ же вечеръ открытъ былъ и виновникъ этого по истинѣ мерзкаго поступка. Таковымъ оказался гвардейской

артиллеріи штабсъ-капитанъ Булгаковъ, сынъ Московскаго почтъ-директора, а орудіемъ его какой-то дюжій мѣщанинъ, который и бросилъ кошку изъ райка съ правой стороны сцены. На слѣдующій день почитатели Андреяновой послали Санковской на квартиру пучокъ розогъ, обернутый атласомъ. Такимъ образомъ поквитались Андреянисты съ Санковистами, а Булгаковъ посланъ былъ за скандалъ этотъ на Кавказъ.

Ирка - Матіасъ была счастливѣе. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ она танцовала одна. Соперницъ не было, и Москва, цѣнительница ея таланта и красоты, приносила ей дань и деньгами, и въ стихотвореніяхъ, какъ напримѣръ:

Ты идеалъ и гибкости, и граціи,
Прими, Ирка̀, изъ нашихъ рукъ вѣнецъ
За стройный станъ, за нѣгу южныхъ націй,
За ножку, типъ Китайскій, наконецъ.

* *
*

Тебѣ кадятъ мужчины, дѣти, дамы;
Всю публику приводишь ты въ восторгъ;
Съ тобой балетъ, принявъ размѣры драмы,
Не разъ слезу сочувствія исторгъ... и проч.

Всѣхъ стиховъ я не помню, но и въ этихъ двухъ строфахъ выражается достойная оцѣнка таланта хорошенькой Ирки Матіасъ. Кромѣ общаго поклоненія Москвичей, были у Ирки - Матіасъ поклонники и исключительные, съ которыми она поступала съ безпощадностью истинной дочери Израиля, и таковые поплатились за благоволеніе этой Терпсихоры своими родовыми помѣстьями и благосостояніемъ семей. Изъ вышеприведенныхъ стиховъ нельзя не замѣтить, что балетъ того времени былъ мимической драмой. И въ самомъ дѣлѣ, въ балетахъ 1840—1850-хъ годовъ преобладала пластика, и балеты въ большинствѣ, отличаясь драматическимъ содержаніемъ, были благопристойны. У танцовщицъ юбки были ниже колѣна, танцы отличались чрезвычайной скромностью и граціей. Въ танцахъ того времени не было ничего эротическаго. Не то мы видимъ нынѣ. Балетъ превратился въ акробатическое представленіе, въ которомъ танцовщицы и танцовщики не только изумляютъ своими головоломными pas и полетами, но и заставляютъ содрогаться зрителей за жизнь исполнителей.

Въ 1851-мъ году Москву посѣтила Фанни-Эльснеръ. Москвичи, склонные къ восторгамъ вообще, совсѣмъ обезумѣли.

Во все время пребыванія Фанни-Эльснеръ въ Москвѣ, я видѣлъ ее каждую Субботу въ домѣ князя Владимира Сергѣевича, куда она пріѣзжала обѣдать и гдѣ проводила вечера. Общество собиралось небольшое, но избранное. Вечера эти семейнаго характера посѣщала писательница графиня Растопчина и ея мрачный, лысый и съ обкусанными ногтями супругъ. Танцовали подъ фортепіано, болтали, острили. Въ танцахъ принимала участіе и Фанни-Эльснеръ.

Однажды князь шутя сказалъ ей о томъ, что и я влюбленъ въ нее. Знаменитая балерина, подшучивая надо мной, пригласила меня протанцовать съ нею кадриль, а въ воспоминаніе этого событія подарила мнѣ цвѣтокъ изъ маленькаго букета, приколотаго у ней на груди. Восторгъ мой трудно описать. Недѣлю цѣлую я былъ, какъ шальной, получилъ немало двоекъ, но за то сдѣлался героемъ между товарищами.

Въ 1851-мъ году Фанни-Эльснеръ было лѣтъ 40. Нѣсколько выше средняго роста, очень стройная и изящная, она на всѣхъ производила впечатлѣніе чарующее. Въ балетахъ Жизели и Эсмеральдѣ она талантливою игрою вызывала искреннія слезы у зрителей. Прощаясь съ артистами Московскаго балета, она всѣмъ имъ сдѣлала очень богатые подарки, а въ томъ числѣ и учителю танцованія у насъ Пѣшкову палку чернаго дерева съ большимъ, художественно-сдѣланнымъ, золотымъ набалдашникомъ. По отъѣздѣ изъ Москвы, она, говорятъ, вышла замужъ за какого-то Нѣмецкаго герцога.

Съ отъѣздомъ Фанни-Эльснеръ наступилъ Великій постъ. Казалось бы, что Москва должна успокоиться; но не тутъ то было. Сначала Москву взволновало убійство княгини Голицыной Зыковымъ, который собирался постричься въ монахи, но, какъ видно прелести міра сего были сильнѣе стремленія къ царству небесному. А затѣмъ Москвичи предались столоверченію. Аксаковы, съ кликою Славянофиловъ, вопили о бѣдствіяхъ братьевъ нашихъ Славянъ. Филаретъ громилъ проповѣдями грѣшниковъ, предавшихся бѣсу любопытства узнать будущее свое изъ постукиванія столовъ. Сорокъ сороковъ заунывнымъ звономъ колоколовъ призывали на молитву, но все тщетно. Явился и полоумный Иванъ Яковлевичъ Давьятовъ, безъ церемоніи плевавшій въ песочницу или въ лица вопрошавшихъ, изъ чего дѣлались различныя заключенія, конечно, собственнаго изобрѣтенія посѣтителей. На улицахъ Москвы показались юродивые, между которыми особенной праведностью отличался Филипушка, вооруженный желѣзной дубиной, съ большимъ мѣднымъ голубемъ на рукояткѣ. Юродивые,

гремя цѣпями веригъ, прорицали, икали, плевали и предсказывали скорое пришествіе Антихриста съ семью печатями во лбу. Усердныя почитательницы юродивыхъ плакали и кормили ихъ на убой сайками и калачами съ икрой. Начали появляться чудотворныя иконы съ мvроточивыми глазами. Полиція ловила юродивыхъ. Духовенство обнаруживало обманы. Словомъ, все шло своимъ обычнымъ порядкомъ.

Отношенія политическія наши къ Европѣ и къ Турціи въ особенности обострялись. Москвичи не унывали и заготовляли знаменитыя шапки, чтобы закидывать враговъ.

Семейство князя Голицына два лѣтнихъ мѣсяца проводило обыкновенно на жительствѣ въ посадѣ Троицко-Сергіевской Лавры, куда и меня нерѣдко брали. Все меня интересовало въ этомъ историческомъ гнѣздѣ Русской славы и величія. И гробница преподобнаго Сергія, къ мощамъ котораго я благоговѣйно прикладывался, и гробница Бориса Годунова съ его семействомъ; и башня, съ которой юный царь Петръ стрѣлялъ утокъ; и монастырскія стѣны, въ которыхъ еще были замѣтны слѣды Польскихъ ядеръ. Въ воображеніи живо рисовались картины Святителя Сергія, благословляющаго Димитрія Донскаго на битву съ Татарами, и рыцарей-монаховъ Осляби и Пересвѣта, облеченныхъ въ броню, и Петра, спасающагося съ крестомъ въ алтарѣ отъ убійцы, подосланнаго Софьей, и мужественныхъ монаховъ, отражавшихъ и отразившихъ продолжительную осаду Русской святыни полчищами Поляковъ. Троицкая Лавра полна воспоминаній, много говорящихъ уму и сердцу Русскаго человѣка.

Препровожденіе времени моего въ Троицкой Лаврѣ проходило въ посѣщеніи заутрень, литургій, вечерень и всенощныхъ въ Троицкомъ соборѣ, въ которомъ благолѣпная и торжественная служба и пѣніе монаховъ производили впечатлѣніе отрадное. Былъ я и въ окрестностяхъ Троицкой Лавры, а именно, въ Виѳаніи, нѣкогда дворцѣ митрополита Платона, и въ скиту. Скитъ въ то время отличался во-первыхъ, замѣчательнымъ подборомъ монаховъ. Всѣ они были очень большаго роста, худые, блѣдные, съ длинными сѣдыми бородами. Въ оградѣ скита находилась маленькая деревянная церковь, сколоченная изъ обтесанныхъ бревенъ безъ гвоздей. Церковная утварь вся была деревянная. Облаченія священно-іеромонаховъ ситцевыя. Близъ этой церкви, подъ деревяннымъ навѣсомъ, находилась могила, вырытая въ то время, не глубже аршина, собственноручно для себя митрополитомъ Филаретомъ, пріѣзжавшимъ для этой цѣли лѣтомъ на нѣсколько дней

изъ Москвы. Подъ землею находились обширные корридоры и церковь, въ которой отправлялось богослуженіе. Для притока наружнаго воздуха въ подземную церковь и корридоры были проведены трубы къ поверхности земли. Пѣніе монаховъ во время богослуженія въ этихъ катакомбахъ, исходившее изъ подъ земли, производило впечатлѣніе потрясающее. Въ скитъ этотъ женщины допускались однажды въ годъ, въ день Успенія Пресвятыя Богородицы 15-го Августа. Все вышесказанное производило впечатлѣніе глубокое и отрадное; но жизнь тамъ, а въ особенности для мальчика, и тяжела, и скучна, а потому я и не особенно рвался туда впослѣдствіи, предпочитая Москву съ ея Петровскимъ паркомъ, Сокольниками и Марьиной рощей, въ которой грустилъ нашъ чувствительный поэтъ Жуковскій.

Въ 1854 году я окончилъ курсъ съ правомъ на чинъ 12-го класса. Проектовъ объ избраніи для меня рода службы было немало. Отецъ проектировалъ опредѣлить меня учителемъ въ Пятигорское уѣздное училище. Такое желаніе князю казалось ни съ чѣмъ несообразнымъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, несообразно бы было засунуть мальчика, окончившаго курсъ въ высшемъ и даже аристократическомъ учебномъ заведеніи, какимъ въ то время считался Лазаревскій институтъ, въ уѣздное училище учителемъ. Да и что же это за учитель въ 17 лѣтъ! Князь, черезъ графиню Шуазель и графиню Нессельроде, хлопоталъ объ опредѣленіи меня чиновникомъ особыхъ порученій въ Тифлисѣ при князѣ Воронцовѣ, или въ Москвѣ при графѣ Закревскомъ. И тотъ, и другой не отказались принять меня, но не иначе, какъ сверхштатнымъ чиновникомъ, безъ содержанія. Ни отецъ, ни князь Голицынъ не въ состояніи были давать мнѣ три-четыре тысячи въ годъ, чтобы я могъ жить въ средѣ блестящей и богатой молодежи, составлявшей свиту и князя Воронцова, и графа Закревскаго, безобидно для меня; а потому рѣшено было опредѣлить меня въ артиллерію. Въ это время кстати прибылъ въ Москву сынъ князя Голицына, адъютантъ князя Воронцова, князь Александръ, ѣхавшій въ Петербургъ съ ходатайствомъ отъ князя Воронцова о выкупѣ княгинь Чавчавадзе и Орбеліани, находившихся въ плѣну у Шамиля.

Снабженный рекомендательнымъ письмомъ Владимира Сергѣевича къ графу Сумарокову, командиру въ то время гвардейскаго пѣхотнаго корпуса, я, по прибытіи въ Петербургъ, явился къ нему и передалъ письмо князя. За отвѣтомъ приказано мнѣ было явиться черезъ два дня, по истеченіи которыхъ графъ мнѣ объявилъ, чтобъ я въ 12 часовъ слѣдующаго дня явился къ начальнику штаба генералъ-фельдцейгмейстера, генералъ-адъютанту Безаку. Въ назначенный часъ при-

нять былъ я въ кабинетѣ начальника штаба. Генералъ, взглянувъ на меня, улыбнулся и сказалъ:

— Такъ это вотъ вы намѣреваетесь отправиться бить Турокъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Да вѣдь вы совершенный ребенокъ. Гдѣ же вамъ выдержать тяжесть военнопоходной боевой жизни? Съ вашимъ аттестатомъ вы можете пристроиться гораздо удобнѣе. Да, наконецъ, я убѣжденъ, что никакой медикъ не дастъ вамъ необходимаго для поступленія на службу медицинскаго свидѣтельства. Да, наконецъ, поѣзжайте туда, по крайней мѣрѣ, хоть офицеромъ. По истеченіи трехъ мѣсяцевъ съ правомъ по образованію вы можете быть произведены въ артиллерію, конечно, сдавъ предварительно экзаменъ изъ наукъ военныхъ, которыхъ вы, безъ сомнѣнія, не знаете.

— Для того, чтобы сдать экзаменъ, я долженъ жить и готовиться въ Петербургѣ, а у меня нѣтъ средствъ на это.

— Если остановка за этимъ, я васъ прикомандирую къ образцовой баттареѣ и поручу адъютанту моему, капитану Яновскому, съ тѣмъ, чтобы сдать экзаменъ въ ученомъ комитетѣ.

— Благодарю васъ, ваше превосходительство, за ваше доброе вниманіе; но воспользоваться имъ я не имѣю права, ранѣе чѣмъ получу на это разрѣшеніе отъ отца моего и князя Голицына, и я не хотѣлъ бы затруднять капитана Яновскаго занятіями, за которыя я не въ состояніи отблагодарить его.

— Это ужъ не ваша забота. Подумайте и завтра ко мнѣ явитесь, а ежели вы твердо рѣшились поступить на службу нижнимъ чиномъ, то привезите съ собою и необходимыя бумаги, а какія именно, объ этомъ вамъ скажетъ въ штабѣ капитанъ Яновскій.

Раскланявшись съ добрымъ и привѣтливымъ генераломъ, я вышелъ отъ него прямо въ залы штаба, находившіяся рядомъ съ кабинетомъ начальника штаба. Капитанъ Яновскій объявилъ мнѣ, что при прошеніи объ опредѣленіи меня вольноопредѣляющимся въ легкую батарею Кавказской артиллерійской гренадерской бригады, я долженъ представить мой учебный аттестатъ, медицинское свидѣтельство и подписку о непринадлежности къ масонской ложѣ и другимъ тайнымъ обществамъ.

Въ этотъ же день я получилъ свидѣтельство отъ лейбъ-медика Блюма и требуемые документы, представилъ начальнику штаба, а на слѣдующій день уже былъ зачисленъ въ резервную легкую батарею, расположенную въ станицѣ Эссентукской, на Кавказѣ. Молодой князь

Голицынъ еще не окончилъ дѣла о выкупѣ плѣнницъ, а потому пришлось прожить нѣсколько дней въ Петербургѣ.

Мы жили въ Hotêl des Princes на Большой Морской, и однажды утромъ я имѣлъ счастіе встрѣтить императора Николая Павловича. Онъ былъ одѣтъ въ сѣрую солдатскую шинель и каску. Блѣдный, задумчивый и неотразимо-прекрасный и величественный Императоръ одинъ безъ свиты медленно шелъ по тротуару. Военныя дѣйствія на Дунаѣ были неуспѣшны. Осада Севастополя началась, и лишь одинъ Кавказъ радовалъ сердце Императора. Дня черезъ два, я снова видѣлъ Государя на смотру резервнаго гвардейскаго корпуса. Молодые полки, блестящей внѣшностью своей и выправкой не уступавшіе старой гвардіи, молодцами проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо Императора. Громогласные возгласы «рады стараться, Ваше Императорское Величество!» всегда побѣдоноснаго нашего воинства, какъ электричество проникали въ души зрителей. Мы радовались, мы надѣялись. Не первый разъ мы сталкивались съ Европой. Нѣтъ дорóгъ, плохо оружіе; но и при этихъ условіяхъ Русская армія, какъ и всегда, окончила бы славно и побѣдоносно, ежели бы во главѣ ея въ то время находились вожди достойные ея, не бонмотисты (князь Меншиковъ въ Крыму) и знатоки военной игры (Муравьевъ впослѣдствіи на Кавказѣ). Но чтò было, то прошло и быльемъ поросло, и даже Севастополь возродился.

Въ ожиданіи отъѣзда, я осматривалъ достопримѣчательности Петербурга, былъ въ соборахъ Петропавловскомъ, Казанскомъ и Исакіевскомъ, гдѣ поклонился гробницамъ Петра Великаго и Кутузова. Былъ въ Невской Лаврѣ у гробницъ витязей нашихъ, Святаго Александра Невскаго и Александра Суворова. Былъ въ Эрмитажѣ и наслаждался пѣніемъ Лагранжа и Тамберлика, игрою Самойловыхъ, парясь въ райкахъ съ Іонинымъ, который въ то время принятъ былъ въ отдѣленіе восточныхъ языковъ Азіатскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Была и мнѣ возможность, по личному предложенію директора департамента, поступить въ восточное отдѣленіе, и я вновь ѣздилъ къ генералъ-адъютанту Безаку, котораго со слезами на глазахъ просилъ уволить меня въ отставку, и хотя генералъ искренно сочувствовалъ и моей просьбѣ, и моему горю, но опять предложивъ мнѣ прикомандированіе къ образцовой батареѣ, онъ объявилъ, что увольненіе въ отставку юнкера, состоявшаго на службѣ всего нѣсколько дней, невозможно, тѣмъ болѣе въ военное время. Ну что же! Невозможно, такъ невозможно. Конечно, дипломатическая служба хороша и удобнѣе воен-

ной; но что́ сдѣлано, того не воротишь, а снявши голову, по волосамъ не плачутъ.

Порученіе, возложенное на князя Александра Голицына, было окончено. На выкупъ княгинь назначили 60.000 рублей, и такъ какъ въ Петербургѣ дѣлать болѣе нечего было, то мы и выѣхали въ Москву, а распростившись съ ней, поскакали на курьерскихъ на Кавказъ.

ГЛАВА III.

Прибытіе въ батарею.—Командиръ батареи капитанъ Баумгартенъ.—Пріѣздъ на Кавказъ генерала Муравьева.—Смотръ батареи.—Кончина императора Николая 1-го.—Выступленіе батареи въ Грузію.—Перевалъ черезъ Кавказскій хребетъ.—Тифлисъ.—Стоянка въ Кумиссахъ. — Выступленіе въ Александрополь. — Выступленіе на урочище Омеръ-Ага.—Штурмъ Карса 17 Сентября 1855 г.—Возвращеніе отряда генерала Базина на урочище Омеръ-Ага.—Прибытіе мое въ станъ Владикарсъ.—Экзаменъ.—Я въ баракѣ Муравьева.

Не стану описывать встрѣчи моей съ родителями послѣ семилѣтней разлуки. Родители радовались, сестры и братъ прыгали и визжали отъ восторга. Старшая сестра была просватана за Любомирскаго, и потому въ комнатахъ происходило, что́ называется, столпотвореніе Вавилонское. Кроили, примѣряли, шили, смѣялись, бѣгали; но героемъ дня былъ все-таки я и, конечно, важничалъ и своимъ дипломомъ, и столичною опытностью.

Пятигорскъ показался мнѣ и маленькимъ, и до того молчаливымъ, что становилось грустно: какъ будто граждане вымерли, или заснули по манію какого нибудь волшебника, да такъ и не просыпаются.

На слѣдующій день зашелъ къ намъ пріѣхавшій изъ Эссентуковъ командиръ батареи, старый Кавказскій офицеръ съ Георгіемъ за Даргинскую экспедицію , капитанъ Алексѣй Егоровичъ Баумгартенъ. Онъ разрѣшилъ мнѣ отпускъ на мѣсяцъ.

Довѣрчивый и простодушный Баумгартенъ былъ оригиналъ большой руки. Живя по пословицѣ день да ночь, сутки прочь, Алексѣй Егоровичъ то заглядывалъ въ далекое будущее и умственнымъ взоромъ своимъ прозрѣвалъ мглу столѣтій, то забывалъ о завтрашнемъ днѣ. Женился онъ въ такомъ восторженномъ состояніи, что, только на слѣдующій день увидѣвъ свою новобрачную супругу, пришелъ къ заключенію, что ему подсунули вмѣсто младшей сестры, въ которую онъ былъ влюбленъ всѣми силами офицерской пламенной души, старшую ея сестрицу, которую онъ также пылко ненавидѣлъ. «И вотъ, будемте откровенны, я съ горя закутилъ, и меня лишь черезъ недѣлю

отыскали въ какомъ-то трактирѣ въ Петербургѣ. Пришлось поневолѣ сойтись съ супругой; но я какъ-то и до сихъ поръ не вѣрю, что я женатъ. Хотя есть и доказательство несчастной моей женитьбы, сынъ и дочь: я же все думаю, что это кошмаръ. Не пейте, юноша, Шампанскаго, а въ особенности въ семейныхъ домахъ: иначе женятъ васъ пожалуй на кухаркѣ». Такъ говорилъ онъ грустнымъ голосомъ, а я въ душѣ смѣялся. Порядокъ, или правильнѣе безпорядокъ, въ его домѣ былъ изумительный. Это была какая-то казарма, въ которую начальство не заглядывало, дежурный и дневальный бражничали. За обѣденнымъ столомъ, то вилокъ, то ложекъ нѣтъ. Съѣстное припахивало конюшней. Хозяйка дома, у которой въ должности куафёра состоялъ конный фейерверкеръ Надѣевъ, расчесывавшій сначала хвосты и гривы батарейнымъ лошадямъ, а потомъ кудри капитанши, выходила въ гостиную часовъ въ 12-ть, не ранѣе. Капитанъ сердился и бранился, дѣти кричали. Сумбуръ и грязь были невообразимые. Выражаясь словами Грибоѣдова, Баумгартенъ былъ оригиналъ, брюзгливъ, но безъ малѣйшей злобы. Про него ходило множество анекдотовъ: то ѣдетъ онъ поздравить начальника Кавказской артиллеріи генерала Бриммера съ брилліантовымъ перомъ на папаху, высочайше пожалованнымъ ему за отличіе въ дѣлахъ съ горцами; то вмѣсто осетра привозитъ Бриммеру же дѣвку-казачку, уложенную въ передкѣ тарантаса безъ вѣдома Баумгартена. «А вотъ, ваше превосходительство, извольте посмотрѣть, какого осетра привезъ я вамъ, говоритъ Алексѣй Егоровичъ, выскакивая изъ тарантаса и подходя къ Бриммеру, случайно бывшему на крыльцѣ. Бриммеръ улыбается; но мгновенно улыбка замѣняется взоромъ исполненнымъ гнѣва и угрозы, когда вмѣсто осетра вытаскиваютъ хорошенькую, но дрожащую отъ испуга казачку. Картина! Генералъ съ поднятыми кулаками бросается на Баумгартена. Ошеломленный капитанъ съ недоумѣніемъ смотритъ на осетра, превратившагося въ казачку. Въ глубинѣ сцены показывается старушка-генеральша, ехидно улыбающаяся. «Да что вы? Да какъ вы! говоритъ генералъ, захлебываясь отъ гнѣва. Да знаете ли вы, что я васъ туда загоню, куда воронъ костей не заносилъ?» Баумгартенъ безмолвствуетъ. Выручаетъ изъ бѣды ямщикъ, сообщающій, что впереди осетра онъ засунулъ казачку, просившую довезти ее до ближайшей и именно этой станицы, и при семъ вытаскивающій настоящаго осетра. Осетеръ великолѣпенъ, и еще живъ. Генералъ успокоился.

Служба въ батареѣ была безпечальная и безхитростная. Конныхъ ученій и практической стрѣльбы не производилось. Пятигорскъ подъ бокомъ, а тамъ и клубъ, и барышни, и потому мы чаще бывали въ

городѣ и рѣже въ батареѣ. Баумгартенъ загрустилъ вслѣдствіе крайне неблагодарной справочной цѣны на овесъ, и потому приказалъ кормить лошадей однимъ сѣномъ, справедливо разсуждая, что весна все таки будетъ, и лошади нагуляютъ себѣ тѣло на подножномъ корму. Лошади, съ досады, обросли такой густой и длинной шерстью, что мальчишки - казачата, глядя на нихъ во время водопоя въ рѣчкѣ Бугуштѣ, говорили: Васька, а Васька! Гляпь-ка, казенныхъ вѣдьмедей погнали пить воду.

Но вотъ, какъ раскаты далекаго грома, донеслись до насъ слухи о назначеніи главнокомандующимъ на Кавказъ генералъ-адъютанта Муравьева. Начались усиленныя ученья и усиленное кормленіе лошадей, сначала сѣчкой съ отрубями, а потомъ и овсомъ. Наступилъ 1855 годъ. Въ началѣ Февраля проѣздомъ черезъ Эссентуки Муравьевъ осмотрѣлъ батарею. Солдаты дѣло свое знали, лошади блестѣли (лошадей вымазали постнымъ масломъ для блеска). Главнокомандующій остался доволенъ и поздравилъ батарею съ походомъ въ Грузію. Стали готовиться къ походу.

Ночевалъ главнокомандующій въ Пятигорскѣ, гдѣ въ день его пріѣзда онъ былъ встрѣченъ и мѣстными, и пріѣзжими властями, ожидавшими его въ залѣ благороднаго собранія. На правомъ флангѣ представлявшихся стоялъ Ставропольскій губернаторъ генералъ-лейтенантъ Волоцкой, знаменитый расформированіемъ двухъ ротъ Апшеранскаго полка, которымъ онъ ранѣе командовалъ, и усмиреніемъ бунта крестьянъ въ селеніи Масловомъ-Кутѣ. Имѣніе это принадлежало нѣкоему Калантарову. Управляющему этимъ имѣніемъ захотѣлось полакомиться карасями. Вожделѣніе это явилось у него въ Сочельникъ 24 Декабря. Погода стояла зимняя. Прудъ замерзъ: «Ну, братцы, айда въ воду! Потѣшьте его милость рыбкой».—«Не желаемъ». «Не желаете?»—«Нѣтъ не желаемъ: и мокро, и холодно».—«Степка, валяй за становымъ!»... Полетѣло донесеніе въ Ставрополь, откуда для укрощенія бунта крестьянъ, генералъ - лейтенантъ Волоцкой привелъ съ собой баталіонъ пѣхоты, сотню казаковъ и дивизіонъ артиллеріи батареи Москалева. Крестьяне встрѣтили его превосходительство стоя на колѣняхъ и съ хлѣбомъ-солью. «Выдать зачинщиковъ!»—«Да мы всѣ зачинщики, выслушай насъ, отецъ родной», просили плачущіе крестьяне.—«Знать ничего не хочу, давайте зачинщиковъ».—«Нѣтъ у насъ зачинщиковъ».—«А, нѣтъ: такъ бить ихъ!» Пѣхота и казаки позамѣшкались исполнить грозное приказаніе, а этимъ временемъ воспользовавшись, толпа въ нѣсколько тысячъ крестьянъ различныхъ возрастовъ и половъ успѣла скрыться за церковною оградою. Черезъ

церковную ограду бросили нѣсколько картечныхъ гранатъ. Въ тѣсно скученной толпѣ опустошеніе было произведено страшное. На полѣ битвы осталось около 400 душъ раненыхъ и убитыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Бунтъ усмиренъ. Крестьяне раскаялись. Волоцкой отправился въ Ставрополь. На слѣдствіе (наканунѣ пріѣзда Муравьева), пріѣзжалъ генералъ Реадъ, и по слѣдствію оказалось, что съ крестьянами иначе и нельзя было поступить.

И такъ на правомъ флангѣ представляющихся новому намѣстнику стоялъ г.-л. Волоцкой. Муравьевъ подошелъ къ нему первому и, остановившись передъ нимъ, устремилъ на него вопросительный взоръ. Но тутъ случилось нѣчто непонятное. Отважный и рѣшительный Волоцкой забылъ свою фамилію. «Волоцкой, Волоцкой, Волоцкой», шепчетъ ему стоявшій сзади полиціймейстеръ маіоръ Полнобоковъ. Волоцкой молчитъ. Намѣстникъ ожидаетъ, и на губахъ его змѣится саркастическая улыбка. Полнобоковъ волнуется и наконецъ не выдерживаетъ и громогласно восклицаетъ: «Ставропольскій губернаторъ генералъ-лейтенантъ Волоцкой!». Намѣстникъ идетъ далѣе и доходитъ до лѣваго фланга, гдѣ, съ хлѣбомъ-солью на подносѣ въ дрожащихъ рукахъ, находился городской голова. Голова, приготовившій на сей случай приличную рѣчь, позабылъ не только рѣчь, но даже и то, гдѣ онъ и чтó онъ. Онъ видѣлъ передъ собою что-то ужасное и трепеталъ. «Кто ты такой?» спросилъ намѣстникъ обращаясь къ нему. «Я то?» — «Ну, да!» — «Запамятовалъ, ваша свѣтлость». — «Ну, вспомни». — «Я, голова Дураковъ», отчаянно крикнулъ голова. Невольная улыбка всѣхъ присутствующихъ еще болѣе смутила голову и раздражила намѣстника. Выведите вонъ этого нахала, сказалъ Муравьевъ; но въ это мгновеніе подбѣжалъ къ нему маіоръ Полнобоковъ и доложилъ, что это дѣйствительно городской голова, и что по странному стеченію обстоятельствъ фамилія его Дураковъ, и что онъ даже подалъ прошеніе о замѣнѣ его фамиліи другой болѣе приличной и необидной для Пятигорскихъ гражданъ.

Кстати о Полнобоковѣ. Года черезъ четыре я встрѣтилъ, по дорогѣ между Ставрополемъ и Пятигорскомъ, партію арестантовъ, между которыми находился и Полнобоковъ. Я остановился, выскочилъ изъ телѣги и подбѣжалъ къ Полнобокову. — «Чтò это съ вами, Александръ Ивановичъ?» — «Да вотъ какъ видите, путешествую на казенный счетъ въ Сибирь». — «За что?» — «А вотъ за что. Помните вы гувернантку у генерала Вагнера?» — «Помню. Что же, вы убили что ли ее?» — «Нѣтъ, только женился; но оказалось, что первая моя жена жива, и вотъ меня судили, и сослали въ Сибирь. Изъ Сибири удеру въ Турцію, ибо

только тамъ и можно жить порядочнымъ и чувствительнымъ людямъ». Я вскочилъ на телѣгу и поскакалъ далѣе, размышляя на тему о бракахъ и расторженіи ихъ. Напримѣръ, Полнобоковъ гуляетъ въ Сибирь только потому, что первая его жена, женщина самаго отвратительнаго характера и поведенія, судя по словамъ Полнобокова, бросила его и исчезала безъ вѣсти нѣкоторое время, а затѣмъ, выждавъ вторичной женитьбы мужа, предъявила свои права, и храбраго маіора сослали въ Сибирь. Но къ дѣлу.

Познакомившись съ властями, Муравьевъ поѣхалъ къ двумъ ротамъ линейнаго баталіона, ученьемъ которыхъ остался крайне недоволенъ, ибо построенія производились не съ той отчетливостью, къ которой глазъ главнокомандующаго привыкъ въ Россіи. Отсюда онъ поѣхалъ въ госпиталь, гдѣ тоже остался недоволенъ и отрѣшилъ генерала Принца отъ должности коменданта. Напугавъ всѣхъ въ Пятигорскѣ, главнокомандующій отправился въ Георгіевскъ. Вслѣдъ за нимъ поѣхалъ и командиръ линейнаго баталіона полковникъ Монаенко, двѣ роты котораго были расположены въ Георгіевскѣ. Осмотромъ этихъ ротъ Муравьевъ остался тоже недоволенъ. Участь Монаенки висѣла на волоскѣ, который не замедлилъ оборваться. Его потребовали въ кабинетъ къ главнокомандующему. Муравьевъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Монаенко пришлось стоять спиною къ жарко-пылавшему камину. Старикъ, взволнованный и распеканціями на смотрахъ въ Пятигорскѣ, и здѣсь, не зная куда дѣться отъ жара пылавшаго въ каминѣ, едва держался на ногахъ. «Полковникъ Монаенко! Вамъ слѣдуетъ быть кашеваромъ, а не командиромъ баталіона. Баталіонъ вашъ ни къ чорту не годится; да и не мудрено, когда командиръ пьянствуетъ. Посмотрите, онъ и теперь пьянъ, еле на ногахъ стоитъ! Подайте въ отставку». Монаенко, упалъ какъ подкошенный на полъ. «Вынесите вотъ этого пьяницу!» Не мѣшаетъ сказать, что старый и заслуженный Василій Ильичъ Монаенко кромѣ воды никакихъ иныхъ напитковъ не употреблялъ.

Изъ Георгіевска главнокомандующій проѣхалъ далѣе, всѣхъ сокрушая и всѣхъ осыпая сарказмами. Изъ крѣпости Грозной онъ написалъ письмо къ А. П. Ермолову, въ которомъ, пронизируя надъ качествами Кавказской арміи, осыпалъ сарказмами начальниковъ ея и горько сожалѣлъ о сибаритизмѣ, которому они предавались: напримѣръ, начальникъ лѣваго фланга баронъ Врангель, имѣя передъ глазами землянку вашу, живетъ во дворцѣ и утопаетъ въ роскоши! Но въ то время, когда Ермоловъ строилъ крѣпость Грозную, и землянка, въ

которой жилъ онъ, была дворцомъ, а по истеченіи тридцати лѣтъ Грозная обстроилась, и въ землянкахъ помѣщались развѣ кузницы

Иронизируя и относясь съ негодованіемъ ко всѣмъ и ко всему, генералъ Муравьевъ позабылъ, что онъ пріѣхалъ быть вождемъ той арміи, которая всегда и всюду славно и побѣдоносно проявляла себя. Подвиги оказанные въ Баядурѣ, Башкадыкларѣ и Курюкдарѣ, еще ярко блистали на штыкахъ этой единственной и неподражаемой арміи. Среди арміи, въ рядахъ которой Муравьевъ, какъ полководецъ, долженъ былъ пріобрѣсти любовь для предстоявшихъ подвиговъ (ибо война была въ разгарѣ, и въ Севастополѣ дѣла наши ухудшались) главнокомандующій поселилъ неудовольствіе къ себѣ и скрытую ненависть. На все есть свое время, и ранѣе чѣмъ уничтожать, слѣдовало приглядѣться, приласкать и, пользуясь тѣмъ матеріаломъ, который оказался подъ руками, умѣть привлечь, а не оттолкнуть отъ себя отдѣльныхъ начальниковъ арміи, которые еще такъ недавно стяжали славу въ битвахъ и съ горцами, и съ Турками. Армія не губернское правленіе, въ которомъ, безъ ущерба дѣлу, можно замѣнять новыхъ чиновниковъ другими; да и здѣсь осторожный начальникъ сначала подумаетъ, а потомъ уже и начнетъ сокрушать. Не время было иронизировать и писать письмо Ермолову объ изнѣженности и сибаритизмѣ Кавказцевъ. Эти сибариты умѣли одерживать славныя побѣды, и въ ту по истинѣ тяжелую для Россіи годину лишь они радовали императора Николая своими блестящими побѣдами.

Размолвка главнокомандующаго съ начальникомъ штаба арміи, княземъ Барятинскимъ, боевымъ, талантливымъ и весьма популярнымъ генераломъ, была крупною ошибкою. Устраненіе такого помощника было равносильно пораженію еще до встрѣчи съ непріятелемъ. Не князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, не бравшій оружія въ руки съ 1828 года, выигралъ сраженія подъ Башкадыкларомъ и Курюкдаромъ, а руководилъ обоими сраженіями начальникъ штаба князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. Отъѣздъ князя Барятинскаго произвелъ крайне дурное впечатлѣніе на Кавказцевъ. Таланты генерала Муравьева, какъ искуснаго предводителя войскъ на маневрахъ, и его научное образованіе могли очаровывать въ Россіи на плацъ-парадахъ, а на Кавказѣ и прапорщики знали разницу между маневрами и дѣйствительнымъ боемъ.

Пріунывшихъ Кавказцевъ какъ громомъ поразило извѣстіе о кончинѣ императора Николая. Мы узнали объ этой тяжкой, несвоевременной утратѣ 25 Февраля, отъ курьера, везшаго это горестное извѣстіе въ Тифлисъ.

Распоряженіе о принесеніи присяги императору Александру Николаевичу застигло насъ на походѣ батареи въ Грузію. Въ станицѣ Ново-Павловской мы присягнули и отправились далѣе, гдѣ насъ ожидали подвиги и слава.

Погода была теплая и сухая, и мы подошли къ станціи Казбекъ, какъ бы совершая прогулку. Во Владикавказѣ, вслѣдствіе полученнаго извѣстія о томъ, что на Крестовой горѣ и въ Байдарскомъ ущельи дорога завалена снѣговымъ обваломъ, маршрутъ батареи былъ измѣненъ, и мы отъ станціи Казбекъ свернули на лѣво по Черной рѣчкѣ черезъ деревню Цно и Буслачиръ. На ночлегахъ въ этихъ двухъ Осетинскихъ деревушкахъ насъ едва не съѣли блохи. Неопрятность Осетинъ, не знающихъ ни бани, ни чистаго бѣлья, по истинѣ изумительна. Сакли у нихъ сложены изъ плоскаго плитняка, какъ попало, лишь бы стѣны не развалились. Огонь раскладывался по серединѣ этой обширой сакли на земляномъ полу, и дымъ едва выходилъ въ небольшое отверстіе въ крышѣ. Миріады блохъ осыпали непривычнаго къ нимъ путника; глаза выѣдалъ дымъ, стлавшійся по саклѣ. Прибавьте къ этому специфическую вонь отъ обывателей и скотовъ!

Еще до разсвѣта батарея выступила изъ деревни Буслачиръ и вскорѣ подошла къ водораздѣлу Кавказскаго хребта. Поднимались мы зигзагами по глубокимъ корридорамъ, вырубленнымъ въ снѣгу. Подъемы не особенно круты, но тѣмъ не менѣе въ помощь намъ мѣстный участковый приставъ, капитанъ Куликовъ, пригналъ двѣ или три сотни Осетинъ. Въ мѣстахъ трудныхъ Осетины очень много кричали и очень мало помогали, при чемъ производили лишь безпорядокъ; а потому командиръ батареи съ половины подъема заблагоразсудилъ прогнать ихъ, и батарея, хотя и не безъ труда, но къ пяти часамъ вечера поднялась на вершину перевала, и вотъ передъ глазами нашими, облитая яркими лучами южнаго солнца, открылась, въ зелени и цвѣтахъ, красавица Грузія.

Спустившись по зигзагамъ южнаго склона въ Гудакамарское ущелье, мы расположились на ночлегъ въ палаткахъ на берегу Арагвы, близъ госпиталя.

Добродушные Грузины, не скупясь, угощали насъ и хорошимъ Кахетинскимъ, и вкусными шашлыками изъ молодыхъ барашковъ. Путь нашъ до Тифлиса былъ какимъ-то безконечнымъ праздникомъ. Солдатики шли весело, быстро сходились съ Грузинами, и мы не замѣтили, какъ подошли къ этой древней столицѣ Грузинскаго царства.

Верстахъ въ двухъ или трехъ отъ города, батарея остановилась, и намъ приказано было почиститься и принарядиться передъ вступленіемъ въ городъ; а одинъ изъ офицеровъ батареи посланъ впередъ къ коменданту доложить о прибытіи батареи и узнать вмѣстѣ съ этимъ, гдѣ ей остановиться. Возвратившійся офицеръ передалъ приказаніе вступать въ Тифлисъ по Головинскому проспекту и имѣть въ виду, что, проходя мимо дворца главнокомандующаго, мы, можетъ быть, будемъ встрѣчены его высокопревосходительствомъ. Для ночлега же намъ было указано мѣсто по другую сторону города, на Александропольской дорогѣ.

По командѣ: «Справа въ одно орудіе! Ящики за орудія!» батарея спустилась на Верійскій мостъ и, поднявшись на гору (съ которой въ 1837 году лошади, не сдержавъ тяжелой коляски императора Николая Павловича, понесли и опрокинули экипажъ на поворотѣ къ мосту, при чемъ Государь такъ счастливо упалъ, что даже не ушибся, и на мѣстѣ этомъ воздвигнутъ былъ памятникъ), батарея вступила въ предмѣстья города, направо и налѣво покрытыя виноградными садами, и лишь съ того мѣста, гдѣ нынѣ находится кадетскій корпусъ, начинался Головинскій проспектъ. По обыкновенію батарею провожала толпа любопытныхъ, ежеминутно увеличивающаяся. Навстрѣчу къ намъ выѣхали комендантъ генералъ Ротъ и полицеймейстеръ, при помощи которыхъ толпу зѣвакъ съ правой стороны перегнали на лѣвую, чтобы открыть батарею при прохожденіи ея мимо дворца главнокомандующаго, который смотрѣлъ на насъ стоя у открытаго окна, и, должно быть, остался доволенъ внѣшнимъ видомъ батареи, ибо замѣчаній никакихъ не послѣдовало.

Продолжая движеніе по проспекту, мы пересѣкли Эриванскую площадь, спустились на Армянскій базаръ и затѣмъ выбрались за городъ, гдѣ и расположились лагеремъ. На отдыхъ намъ было дано три дня.

Въ 1855 году Тифлисъ и по внѣшности, и по складу жизни былъ еще вполнѣ Азіатскій городъ, самую оживленную часть котораго составлялъ Армянскій базаръ. Здѣсь на улицахъ и варили, и пекли, и шили, и одѣвались, и раздѣвались, и ковали лошадей. Шумъ и гвалтъ были невообразимые. Въ кривыхъ, грязныхъ и вонючихъ переулкахъ копошилась такая толпа народу, что пройти, или въ особенности проѣхать, можно было съ трудомъ. Лавчонки съ краснымъ и мелочнымъ товаромъ, сушеными и свѣжими фруктами и зеленью, съ бурдюками Кахетинскаго вина и настоящаго Турецкаго табаку, который тутъ же

и крошили, и складывали въ большія деревянныя и глиняныя чашки, не отличались опрятностью, но за то щеголяли изумительною дешевизною. Напримѣръ, фунтъ самаго лучшаго табаку, котораго нынѣ и за 10 р. не купишь, продавался по 60 коп. Тунга, т. е. пять бутылокъ хорошаго Кахетинскаго вина, стоила 25 к. Въ мануфактурныхъ лавкахъ, преимущественно съ Персидскими и Шемахинскими издѣліями, ковры и шелковыя матеріи тоже были очень дешевы. Коверъ въ пять аршинъ длины и три аршина ширины продавался за 20 — 25 р., не дороже. Самый лучшій канаусъ стоилъ 20 коп. аршинъ.

Лучшими частями города были Эриванская площадь и незначительная часть Головинскаго проспекта, на которыхъ попадались дома Европейской архитектуры. Сололаки представляли изъ себя аулъ, утонувшій въ садахъ и виноградникахъ. Въ Кукахъ была Нѣмецкая колонія съ двумя рядами маленькихъ домиковъ. Пески и Авлабаръ составляли тоже большой аулъ. На Навтлугѣ были госпиталь и немногіе домики врачей и служащихъ чиновниковъ. Вотъ и весь Тифлисъ 1855 года; но за то жизнь била въ немъ ключомъ. По улицамъ взадъ и впередъ сновала толпа въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ: то въ чухахъ съ откидными рукавами и яркихъ шелковыхъ бешметахъ, перетянутыхъ серебряными или золотыми широкими поясами; то чиновники въ фуражкахъ и соломенныхъ шляпахъ, закрытыхъ бѣлой кисеей; то офицеры въ папахахъ. Все это кричало, пѣло, бѣжало. Въ воздухѣ стонъ стоялъ. Изрѣдка показывались, какъ привидѣнія, и Грузинки, закутанныя въ бѣлыя чадры, изъ-за которыхъ виднѣлись сверкающія очи, любопытно оглядывавшія мужчинъ не въ національныхъ костюмахъ. Кстати о Грузинкахъ. Нигдѣ женщина не пользовалась такимъ уваженіемъ и свободою, какъ въ Грузіи. Говорятъ, будто причиною этого недостатокъ женщинъ, которыхъ толпами уводили и продавали въ Персію и Турцію; но я думаю, причину этой свободы и уваженія искать въ самой женщинѣ-Грузинкѣ, въ добродушіи и любезности Грузинъ. Грузинка также мила въ общежитіи, какъ заботлива въ семьѣ и хозяйствѣ.

Роскошная природа, вѣчная пѣсня и музыка превращаютъ жизнь въ Грузіи въ какой-то безконечный праздникъ. Грузины и ѣдятъ, и пьютъ, и дома строютъ подъ неумолкаемую пѣсню. До васъ доносятся то звуки зурны, то пѣсня Грузина, забравшагося на крышу сакли, то бубенъ, подъ звуки котораго пляшетъ, тоже на крышѣ сакли, стройная красавица-Грузинка, на которую не грѣхъ заглядѣться. Веселье общее и, при обиліи вина, ни одного пьянаго, ни одной грязной сцены. «Счастливый, пышный край земли!»

Послѣ тѣхъ пытокъ и мученій, которыя перенесла многострадальная Грузія отъ Лезгинъ, Турокъ и Персовъ, не грѣхъ было и побаловать этихъ милыхъ, добродушныхъ Грузинъ; но князь Воронцовъ слишкомъ баловалъ ихъ, и немудрено, что Грузины на милости правительства смотрѣли, какъ на нѣчто обязательное. Напротивъ, Муравьевъ отнесся къ нимъ слишкомъ сурово и даже грубо, не скупясь на насмѣшки и называя ихъ «голопятыми».

Князь Давидъ Александровичъ Чавчавадзе, бывшій адъютантъ князя Воронцова, разсказывалъ мнѣ про случай встрѣчи его съ Муравьевымъ. «Пріѣхавъ изъ Цинондалы, я отправился во дворецъ главнокомандующаго, чтобы явиться къ его высокопревосходительству. Въ то время я недавно пожалованъ былъ чиномъ полковника и званіемъ флигель-адъютанта. Пріемный залъ былъ полонъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ. Послѣ недолгаго ожиданія, главнокомандующій вышелъ къ намъ изъ внутреннихъ покоевъ. Когда очередь дошла до меня, то Муравьевъ, остановившись возлѣ меня и оглядѣвъ съ головы до ногъ, произнесъ: «А, вотъ и вы надѣли красные штаны! И, должно быть, важничаете очень; у меня тоже красные штаны, а я же вотъ не важничаю». — «У меня, ваше высокопревосходительство, пока еще только красные лампасы, и до красныхъ штановъ я еще доживу, вѣроятно, не скоро, и потому и важничать мнѣ нечѣмъ». Намѣстникъ презрительно улыбнулся и отошелъ отъ меня. Немилость его за отвѣтъ мой выразилась въ томъ, что онъ лишилъ меня возможности быть въ дѣйствующихъ войскахъ».

Князь Эристовъ, прозванный въ Грузіи батушкой Эристовымъ, вслѣдствіе привычки его въ разговорахъ прибавляетъ слово «батушка», желая повидаться съ бывшимъ подчиненнымъ и боевымъ товарищемъ, не взирая на свои весьма преклонныя лѣта, выѣхалъ изъ имѣнія своего Атэшъ, близъ города Гори, въ Тифлисъ. Далѣе я буду передавать словами князя. «Ну, вотъ, батушка, пріѣхалъ я въ Тифлисъ. Остановился у одного изъ родственниковъ, отдохнулъ и на слѣдующій день, нарядившись въ мундиръ, поѣхалъ во дворецъ главнокомандующаго. Вотъ, думаю, Николай Николаевичъ обрадуется! Вѣдь было время, въ походѣ изъ одной чашки щи хлебали. Вошелъ я въ залъ. Меня встрѣтилъ дежурный адъютантъ. «Какъ прикажете доложить о васъ?» — «Доложите, что батушка Эристовъ очень желаетъ видѣть его». Адъютантъ пошелъ въ кабинетъ и вскорѣ вернулся съ отвѣтомъ, что его высокопревосходительство проситъ подождать. Обидѣло это меня старика; но думаю, можетъ быть, важное дѣло есть. Подожду. Сижу и думаю. Вотъ

я генералъ-отъ-инфантеріи пріѣхалъ съ визитомъ къ генералу же отъ-инфантеріи, который когда-то былъ моимъ подчиненнымъ, и я этого подчиненнаго не заставлялъ ждать себя въ передней, хотя и былъ въ то время генералъ-лейтенантомъ, а онъ только полковникомъ. Но дѣлать нечего, сижу и жду; жду и думаю. Когда-то я былъ грозою Персіанъ, и передо мною гнули спины и ханы, и даже наслѣдникъ Персидскаго престола, а вотъ теперь и адъютантъ Муравьева какъ-то покровительственно глядитъ на меня. Я вспыхнулъ и всталъ, чтобъ уйти, не ожидая счастья видѣть очи Николая Николаевича; но въ эту минуту въ залъ вошелъ главнокомандующій, подошелъ ко мнѣ и, хотя сухо, но вѣжливо поздоровавшись со мною, пригласилъ меня въ кабинетъ. «Ну, что, князь, какъ поживаете? Не съ просьбой ли? Меня осаждаютъ просьбами», сказалъ главнокомандующій. А у меня и просьбы-то никакой не было. Я просто хотѣлъ повидаться съ старымъ боевымъ товарищемъ; но при словѣ «просьба» я вспомнилъ племянника моего капитана князя Орбеліани и рѣшился попросить Муравьева взять его къ себѣ адъютантомъ или хотя ординарцемъ. На это главнокомандующій отрѣзалъ мнѣ слѣдующее: «Я, ваше сіятельство, приближаю къ себѣ людей дѣла, а не искателей служебной карьеры, и потому племянника вашего принять въ свой штабъ не могу». Я всталъ, поклонился и вышелъ, какъ оплеванный. Коли хотите, Муравьевъ правъ; но такихъ просителей, какъ князь Эристовъ, котораго съ нимъ связывали многолѣтнія боевыя воспоминанія, во всей Россіи былъ только я одинъ, батушка Эристовъ».

Сухость и суровость Муравьева имѣли послѣдствія самыя плачевныя. Его не любили и въ арміи, и въ населеніи, и не въ этомъ ли надо искать одну изъ причинъ, въ числѣ прочихъ, неудачнаго штурма Карса?

Сокращая государственные расходы, Муравьевъ лишилъ офицеровъ дѣйствующей арміи раціонныхъ денегъ, помогавшихъ имъ справляться съ всегда дорогою походною жизнью. Жалованья въ то время отпускали прапорщику 210 р. годъ, съ незначительною прибавкою по чинамъ выше до штабъ-офицерскаго чина. Между тѣмъ, въ это же время высылались изъ дѣйствующей арміи десятки и сотни тысячъ въ банки и приказы общественнаго призрѣнія интендантскими чиновниками и подрядчиками. Маркитанты буквально грабили офицеровъ и солдатъ. Армяне принимали ассигнаціи наши за двѣ трети и даже половину стоимости ихъ. Изнанка войны всегда некрасива, но иногда она подкрашивается блескомъ побѣдъ, чего въ 1855 году впрочемъ не

было на обоихъ театрахъ военныхъ дѣйствій. Въ Севастополѣ войска наши геройски умирали, и только. Въ Азіатской Турціи приготовлялись умирать, но съ увѣренностью побѣдить, ибо Кавказцы подъ начальствомъ своихъ генераловъ привыкли къ побѣдамъ.

Войска рвались въ бой, а ихъ заставили блокировать Карсъ съ Мая мѣсяца и до половины Сентября. Турки, въ виду бездѣйствія всегда грозныхъ для нихъ Русскихъ солдатъ, окапывались и приготовлялись къ оборонѣ, на что они имѣли полную свободу вслѣдствіе того, что мы не производили осадныхъ работъ. Поиски значительными отрядами за Саганлугъ и въ другія мѣстности были весьма эфектны, но безполезны. Ежели главнокомандующій опасался риска, то зачѣмъ было и переходить границу? Можно было ограничиться оборонительною войною, чтобы сохранить Закавказье.

Нерѣшительность главнокомандующаго деморализуетъ духъ арміи. Муравьевъ безспорно былъ и высокой чести, и многосторонняго образованія человѣкъ; онъ могъ быть хорошимъ военнымъ министромъ, но не главнокомандующимъ и намѣстникомъ. Прекрасный теоретикъ, онъ не зналъ ни жизни, ни солдата. Австрійскіе генералы выигрывали сраженія въ проектахъ и планахъ военныхъ дѣйствій, а въ дѣйствительныхъ бояхъ ихъ били. Диспозиція Муравьева для штурма Карса была составлена по правиламъ военнаго искусства, преподаваемаго въ книгахъ и, не взирая на это, насъ крѣпко поколотили Турки.

Какъ я уже сказалъ выше, батареѣ былъ данъ трехдневный отдыхъ въ Тифлисѣ. Быть въ Тифлисѣ и не быть въ тѣхъ знаменитыхъ баняхъ, которыя подстрекали любопытство мое при чтеніи «Путешествія въ Эрзерумъ» Пушкина, значило бы тоже, что́ быть въ Римѣ и не видѣть папы. Изъ бани я отправился къ дѣду и бабушкѣ, имѣвшимъ тогда въ Тифлисѣ собственный домъ. Радости стариковъ не было предѣла. Трехдневное пребываніе мое у нихъ было сплошнымъ баловствомъ. Дѣдъ, Николай Матвѣевичъ, много разсказывалъ мнѣ о А. П. Ермоловѣ и его начальнически-добрыхъ и привѣтливыхъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ. У него, говорилъ дѣдушка, домъ съ утра и до вечера былъ открытъ для званыхъ и незваныхъ, и въ этомъ былъ большой смыслъ, ибо такимъ образомъ главнокомандующій могъ лично опредѣлять свойства своихъ гостей, служившихъ подъ его начальствомъ, а не по рекомендаціямъ.

Получивъ благословеніе стариковъ, а отъ дѣдушки золотой перстень, украшенный большой бирюзой, пожалованный ему А. П. Ермо-

ловымъ, я отправился догонять батарею, выступившую по направленію къ селенію Кумиссы, гдѣ намъ произведенъ былъ смотръ начальникомъ артиллеріи Кавказской арміи, ген.-лейтенантомъ Бриммеромъ. Бриммеръ былъ назначенъ командиромъ корпуса, сосредоточеннаго въ Александрополѣ для наступленія къ Карсу.

Въ началѣ Іюня батарея выступила сначала на Бѣлый Ключъ, потомъ въ Манглисъ, гдѣ собрана была вся резервная дивизія Кавказской арміи подъ начальствомъ ген.-лейтенанта Базина, и откуда насъ направили въ Александрополь, представлявшій изъ себя картину шумнаго военнаго города. По улицамъ сновали офицеры и солдаты полковъ Кавказской арміи и 18-й и 13-й дивизій, прибывшихъ изъ Россіи. Лавки и гостинницы предпріимчивыхъ Жидовъ, Нѣмцевъ и Армянъ были постоянно биткомъ набиты посѣтителями. Для развлеченія пріѣзжихъ офицеровъ явился и циркъ, подъ управленіемъ Лоббе, и въ немъ прехорошенькая и граціозная наѣздница Anastasie, ради прелестныхъ глазокъ которой Шампанское лилось рѣкою и въ самомъ циркѣ, и въ квартирѣ Лоббе, катавшагося по этой причинѣ, какъ сыръ въ маслѣ. Перепадало немало полуимперіаловъ для поощренія труппы Лоббе, а въ особенности таланта дѣвицы Anastasie, которую въ 1858 году въ Майкопѣ я зналъ уже подъ именемъ Матильды.

Стоянка въ Александрополѣ до Сентября мѣсяца была не то, что́ скучна, а просто надоѣло жить два мѣсяца на одномъ и томъ же мѣстѣ. Правда, время разнообразилось то гуломъ орудійныхъ выстрѣловъ изъ Карса, то извѣстіями съ театра войны о рекогносцировкахъ и удачныхъ поискахъ маленькихъ нашихъ отрядовъ въ непріятельскія стороны, при чемъ отрядъ Ковалевскаго разбилъ небольшой же отрядъ Али-паши. Въ этой стычкѣ особенно отличился командиръ казачьей сотни есаулъ Сердюковъ, взявшій собственноручно въ плѣнъ пашу.

Пашу этого отправили въ Россію, и въ проѣздъ его черезъ Александрополь мнѣ пришлось видѣть его. По внѣшности онъ нисколько не отличался отъ продавцовъ сушеныхъ фруктовъ или Кахетинскаго, съ тою разницею, что маркитанты-Армяне носили чохи и папахи на головѣ, а Али-паша одѣтъ былъ въ короткій однобортный на крючкахъ казакинъ темно-синяго сукна, на головѣ имѣлъ малиновую феску съ мѣдной бляхой на тульѣ и съ большой синей шелковой кистью, спускавшейся ниже уха изъ подъ бляхи.

Въ гостинницахъ и лавкахъ торговцы обдирали посѣтителей немилосердно. Цѣны на всѣ предметы были удвоенныя, утроенныя и

даже учетверенныя. Между лавками посѣщался въ особенности часто чайный магазинъ какого-то Еврея; но публика привлекалась туда не столько желаніемъ купить фунтъ или два чая, сколько красавицею-женой хозяина магазина, заглядываясь на которую, покупатели забывали о сдачѣ, и потому магазинъ торговалъ на славу. Послѣ сдачи Карса впредъ до заключенія мира съ Турками, корпусомъ командовалъ знаменитый генералъ Х.....; онъ плѣнился Еврейкою до того, что пригласилъ ее быть хозяйкою его холостой квартиры, на что супругъ-Еврей и согласился, вѣроятно, не за чечевичную похлебку.

Сообщеніе Александрополя съ корпусомъ, находившимся подъ Карсомъ на протяженіи 70 верстъ, было ежедневное. Транспорты пустыхъ арбъ и повозокъ, подъ прикрытіемъ баталіона пѣхоты, взвода орудій и сотни казаковъ, доходили до половины разстоянія между Карсомъ и Александрополемъ и, встрѣтившись съ такою же колонною, но съ нагруженными повозками и арбами, обмѣнивались между собою и предпринимали обратное движеніе. Въ одну изъ такихъ оказій я имѣлъ случай познакомиться съ зятемъ Муравьева, полковникомъ Корсаковымъ, и капитаномъ генеральнаго штаба Прохоровымъ. При расположеніи колонны на ночлегъ, невдалекѣ отъ моей палатки подъ арбою, расположились ночевать штабъ-офицеръ въ адъютантской формѣ и оберъ-офицеръ генеральнаго штаба. Небо заволоклось тучами, началъ накрапывать дождь, обѣщавшій въ скоромъ времени обратиться въ ливень. Перспектива провести ночь подъ дождемъ на открытомъ воздухѣ не особенно соблазнительна, а потому я, не долго думая, подошелъ къ Корсакову и Прохорову и попросилъ ихъ помѣститься у меня въ палаткѣ. Просьба моя, разумѣется была исполнена весьма охотно, и мы не разставались до обмѣна колоннъ. Съ Корсаковымъ я встрѣтился еще разъ послѣ штурма Карса у ставки главнокомандующаго, а Прохорову вскорѣ на рекогносцировкѣ укрѣпленій Карса оторвало голову Турецкимъ ядромъ.

На пути, колоннѣ приходилось проходить по мѣстамъ, ознаменованнымъ славными побѣдами въ сраженіяхъ Башкадыкларскомъ и Курюкдаринскомъ, гдѣ на каждаго нашего воина приходилось по пяти и болѣе Турецкихъ солдатъ. Поля сраженій были густо усѣяны могилами, безпорядочно сложенными изъ камней, на поверхности земли; изъ подъ этихъ грудъ камня высовывались скелеты то рукъ, то ногъ, то головъ. Въ юномъ воображеніи моемъ рисовались картины сраженій, происходившихъ на этихъ славныхъ поляхъ. Знамена развѣвались, кавалерія скакала въ атаки, пѣхота разрывала густыя колонны

Турокъ, гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, крики «алла» и Русское побѣдное «ура», оглашали пространство на далекое, далекое разстояніе. Эффектно! А тутъ же груды камня, между которыми видны скелеты!

Два мѣсяца стоянки батареи въ Александрополѣ прошли для меня не въ однихъ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ. По представленію командира батареи и по желанію моему быть произведеннымъ въ офицеры полевой артиллеріи, назначена была коммиссія изъ артиллерійскихъ офицеровъ, подъ предсѣдательствомъ командира летучаго парка, капитана Хабалова, для предварительнаго мнѣ экзамена изъ артиллерійскихъ наукъ. По выдерженіи экзамена въ этихъ коммиссіяхъ, въ то время юнкерà отсылались на казенный счетъ въ Петербургъ для окончательнаго экзамена въ ученомъ комитетѣ. Я уже сдалъ этой коммиссіи экзамены изъ военной исторіи, артиллеріи и полевой фортификаціи; оставалась математика, когда послѣдовало распоряженіе батереѣ выступить изъ Александрополя въ мѣстность Омеръ-Ага, гдѣ былъ расположенъ летучій отрядъ генералъ-лейтенанта Базина. «Ну, вотъ и отлично, Иванъ Ивановичъ», сказалъ мнѣ батарейный командиръ: «вы можете быть произведены офицеромъ въ артиллерію за отличіе въ дѣлахъ противъ Турокъ, чему въ продолженіе этой войны было нѣсколько примѣровъ, а потому совѣтую вамъ экзамена не продолжать. Къ чему вамъ одному сидѣть въ Александрополѣ?!»

2-го Сентября второй дивизіонъ нашей батареи выступилъ изъ Александрополя. Третьимъ взводомъ командовалъ подпоручикъ Михаилъ Ивановичъ Мамацевъ, а четвертымъ я, за болѣзнью поручика Соболева, нечаянно упавшаго въ пустую яму для обжиганія кирпичей и сломавшаго себѣ ребра.

Я забылъ сказать, что первый дивизіонъ нашей батареи, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Булычова и двухъ взводныхъ офицеровъ, подпоручика Алехина и прапорщика Кильдюшевскаго, изъ Манглиса командированъ былъ въ составъ Ахалцихскаго отряда.

5-го мы прибыли въ отрядъ генерала Базина. Отрядъ этотъ состоялъ изъ Грузинскаго резервнаго баталіона, двухъ баталіоновъ Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка, Донскаго казачьяго полка и дивизіона легкой батареи 13-й артиллерійской бригады.

8-го ночью, отрядъ выступилъ неизвѣстно куда, т. е., по крайней мѣрѣ, никто изъ насъ не зналъ о цѣли выступленія. Мы шли форсированнымъ маршемъ и останавливались только для варки пищи въ глубокихъ ущельяхъ. Только на третій день, когда мы поднялись на

весьма высокую гору, и вдали обрисовались высоты, увѣнчанныя укрѣпленіями, мы узнали, что идемъ къ Карсу. 11-го, въ 12 час. дня, мы прибыли на позицію Меликёй, гдѣ былъ расположенъ кавалерійскій отрядъ г.-маіора Бакланова, находившійся въ общей системѣ отрядовъ, блокировавшихъ Карсъ. Нашъ отрядъ и Бакланова, соединившись, составили силу довольно грозную, подъ начальствомъ Базина. Въ составѣ этого отряда находились 3 батальона пѣхоты, не менѣе 2400 штыковъ, Тверской драгунскій полкъ, два Донскихъ казачьихъ полка, одинъ сводный линейскій казачій полкъ, Донская легкая батарея и сводная легкая батарея. Не взирая на страшную усталость отъ труднаго горнаго похода и трехъ безсонныхъ ночей, мы, вооружившись подзорными трубками и биноклями, стали разсматривать укрѣпленія большого и малаго Карадаговъ, находившихся верстахъ въ семи отъ нашей позиціи, и такъ какъ склоны высотъ, на которыхъ расположены непріятельскія укрѣпленія, были обращены въ нашу сторону, то въ бинокли можно было отлично разсматривать профили укрѣпленій и Турецкіе лагери гарнизоновъ этихъ укрѣпленій.

Прибытіе нашего отряда видимо заинтересовало Турокъ, судя по бѣготнѣ ихъ въ укрѣпленіяхъ брустверовъ. Но такъ какъ всему бываетъ конецъ, то и намъ надоѣло смотрѣть на Турокъ; да кстати уже были разбиты палатки, приготовлены постели и самовары, а потому, слегка закусивъ и напившись чаю, мы залегли спать.

Военныя силы, находившіяся съ распоряженіи главнокомандующаго Кавказской арміей въ 1855 году, состояли изъ полковъ дивизій: гренадерской 20-й, 21-й, 13-й, 18-й и 19-й бригады (пятибаталіоннаго состава каждый полкъ) или изъ 22-хъ полковъ, численностью въ 110 баталіоновъ; 16 баталіоновъ резервной дивизіи; 16 баталіоновъ, снятыхъ изъ укрѣпленій Черноморской береговой линіи; сапернаго и гренадарскаго стрѣлковаго баталіоновъ; Нижегородскаго и Тверскаго драгунскихъ полковъ; 20 полковъ Кавказскаго линейнаго войска и 10 Донского; 10 Черноморскихъ пѣшихъ пластунскихъ баталіоновъ; 6 бригадъ артиллеріи полевой, легкой и батарейной, слѣдов. 156 баталіоновъ пѣхоты, по 800 штыковъ въ каждомъ баталіонѣ; а всего въ общей сложности пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи было свыше 160.000 человѣкъ. Незначительная часть этихъ войскъ находилась въ распоряженіи Донскаго атамана Хомутова, остальныя расположены были слѣдующимъ образомъ. Въ Черноморіи, на правомъ и лѣвомъ флангахъ и въ центрѣ Сѣвернаго-Кавказа, находились небольшіе отряды и гарнизоны въ крѣпостяхъ и укрѣпленіяхъ въ оборонительномъ порядкѣ, что впрочемъ не мѣшало дѣлать наступленія или набѣги въ

предѣлы горцевъ. Въ Закавказьѣ находились отряды на Лезгинской кордонной линіи и въ Дагестанѣ съ Востока. Западъ охранялся отрядами въ Мингреліи и Ахалцихѣ. На Югѣ подъ Карсомъ расположенъ былъ дѣйствующій корпусъ численностью не свыше 30.000 человѣкъ, и наконецъ Эриванскій отрядъ. Тылъ дѣйствующаго корпуса обезпеченъ былъ сильною крѣпостью въ Александрополѣ.

Шамиль не предпринималъ ничего въ теченіе 1854 и 1855 годовъ, кромѣ мелкихъ, незначительныхъ набѣговъ, послѣ которыхъ горцы возвращались во свояси, крѣпко побитые и казаками, и отрядами нашими. Закавказскіе магометане Елисаветпольской, Бакинской и Эриванской губерній были способны лишь къ мелкимъ кражамъ рогатаго скота и лошадей и частнымъ убійствамъ, и по вполнѣ мирнымъ наклонностямъ ихъ они не способны были къ значительному вооруженному возстанію. Въ виду всего вышеизложеннаго, главнокомандующій, во главѣ тридцатитысячнаго корпуса, сосредоточеннаго подъ Карсомъ, занималъ положеніе грозное и вполнѣ обезпеченное. Между тѣмъ дѣйствія его были вялы, нерѣшительны и ограничивались или рекогносцировками передовыхъ укрѣпленій Карса, или поисками въ окрестностяхъ.

16-го Сентября въ 8 час. вечера, мы по обыкновенію собрались ужинать въ палаткѣ батарейнаго командира. Помню какъ сейчасъ, подано было любимое наше блюдо, вареный картофель въ мундирахъ и сливочное масло къ нему. Разговоры, какъ и во всякой военной компаніи, были на темы преимущественно военныя.

Но вотъ внезапно явился къ намъ въ палатку адъютантъ генерала Базина, передавшій командиру батареи приказаніе пожаловать къ начальнику отряда. Не придавая особеннаго значенія такому приглашенію, мы продолжали ужинать, а Баумгартенъ отправился къ генералу. Не прошло и получаса, какъ возвратившійся Алексѣй Егоровичъ объявилъ, что на утро въ 5 час. назначенъ штурмъ Карса и, по диспозиціи главнокомандующаго, нашему отряду предназначено штурмовать и взять укрѣпленіе Чахмахской высоты.

Ежели ѣдешь или идешь куда нибудь, то нужно знать путь къ намѣченной цѣли, и очевидно генералъ Баклановъ былъ хорошо знакомъ съ этимъ правиломъ; ибо онъ нѣсколько разъ по ночамъ, въ сопровожденіи Армянина-проводника, выбѣжавшаго изъ Карса, подползалъ къ укрѣпленіямъ на Чахмахской, Шорахской и Карадагскихъ высотахъ, и расположеніе укрѣпленій этихъ и подходовъ къ нимъ

были ему извѣстны такъ же хорошо, какъ углы его палатки. Хорошо было бы поступать такъ и другимъ, чтобы не бить лбомъ въ стѣны.

Выступленіе отряда съ позиціи Меликёй назначено было въ 11 час. ночи. Отрядъ началъ готовиться къ предстоящему смертному бою. Солдатики умывались, надѣвали чистое бѣлье и портянки. Приказанія всѣ передавались шопотомъ; фельдфебеля дѣлали перекличку и разсчеты ротамъ. Передавъ распоряженіе командира батареи моему взводу, т. е. приказавъ амуничить лошадей, осмотрѣвъ зарядные ящики и передки и прослѣдивъ за исполненіемъ этого приказанія, я пошелъ бродить по лагерю. Оставался еще часъ до выступленія. Отправители военнаго ремесла несомнѣнно должны свыкнуться съ мыслью о смерти; но, какъ хотите, умирать, да еще въ осмнадцать лѣтъ, не хочется. Какъ бы ни была тяжела жизнь, но, готовясь быть убитымъ, находишь ее прекрасною. Такія, или въ родѣ этихъ мысли, рѣзко обозначались на лицахъ и солдатъ, и офицеровъ. Офицеры вели рѣчь обычную, стараясь скрыть, что̀ происходило у каждаго въ душѣ; солдаты же были проще, и душевная тревога каждаго изъ нихъ успокоивалась молитвами, которыя они шептали про себя. Я зашелъ въ палатку батарейнаго командира и засталъ его надѣвающимъ чистое бѣлье. Въ палаткѣ же, вытянувшись въ струнку, стоялъ батарейный фельдфебель, рябой усачъ, Ерохинъ, внимательно выслушивавшій послѣднія распоряженія батарейнаго командира. «А вы надѣли чистое бѣлье?»—«Я, Алексѣй Егоровичъ, какъ бы предчувствуя штурмъ, только сегодня мѣнялъ бѣлье».—«Ну, то-то! Штурмъ великое дѣло, и къ нему надо приготовляться такъ же, какъ и къ причастію». Слова батарейнаго командира въ виду того душевнаго состоянія, въ которомъ я находился, подѣйствовали на меня крайне непріятно. Зачѣмъ готовиться къ смерти и говорить о ней, когда и безъ того каждый занятъ мыслью о томъ, убьютъ или искалечатъ его завтра? Я вышелъ вонъ изъ палатки и пошелъ къ себѣ. Здѣсь я засталъ сцену совершенно противоположную. Сожитель мой, подпоручикъ Мамацевъ занятъ былъ учетомъ колотаго сахара, который онъ всыпалъ въ жестянку, рекомендуя вѣстовому своему Мальчевскому, плуту и лакомкѣ, не заглядывать въ эту жестянку, во избѣжаніе немедленной расправы. Сцена эта какъ будто успокоила меня, а затѣмъ раздавшійся вблизи палатки возгласъ командира Грузинскаго резервнаго баталіона, полковника Травина, во все горло произнесшаго, должно быть, адъютанту: «Передайте ротнымъ командирамъ *по секрету*, что отрядъ выступаетъ въ 11 час. ночи на штурмъ Карса», окончательно развеселилъ меня.

Въ 11 часовъ отрядъ былъ готовъ, построился и, имѣя кавалерію впереди, выступилъ съ позиціи. Намъ надобно было обойти большой и малый Карадаги съ правой стороны и, вступивъ въ лощину между Шорахскими и Чахмахскими высотами, подняться на послѣднюю изъ нихъ и взять укрѣпленія Чахмаха. Увѣренность, что Карсъ будетъ взятъ, была такъ сильна, что мы, напримѣръ, взявъ необходимое для солдатъ и для себя на обѣдъ, не забыли захватить съ собою спирта для солдатъ и шампанскаго для офицеровъ. Ночь была свѣтлая, морозная, хотя и не было снѣга. Какъ извѣстно, Армянская плоская возвышенность составляетъ самую большую выпуклость на земномъ шарѣ, а потому холода наступаютъ тамъ ранѣе, чѣмъ на какой либо изъ плоскостей. Сохраняя возможную тишину при движеніи такой массы коней и людей, да вдобавокъ еще и 16-ти орудій, которыя, наткнувшись на камень по дорогѣ, нѣтъ, нѣтъ да и звякнутъ или громыхнутъ, мы спустились въ глубокій оврагъ, чтобы ожидать условленнаго сигнала изъ главнаго отряда для единовременнаго наступленія колоннъ на штурмъ. Условленнымъ сигналомъ должны были быть три ракеты. Въ оврагѣ этомъ мы стояли часа два. Не трудно предположить, о чемъ думалъ каждый изъ насъ въ продолженіе этой двухчасовой стоянки.

По рядамъ пѣхоты, поднявшейся на ноги, пробѣжалъ шопотъ. Это вызывали охотниковъ. Время тянулось томительно долго. Когда же, наконецъ, покажутся эти сигнальныя ракеты, какъ знакъ смертнаго приговора, подписаннаго для многихъ и многихъ этими огненными линіями? Когда, наконецъ, покажется оно, это таинственное и страшное *оно*, которое безжалостно уничтожитъ въ мнѣ то, что́ есть во мнѣ человѣческаго, и оставитъ лишь нѣчто гадкое, годное въ пищу шакаламъ, червямъ, да во́ронамъ?

Взоры всѣхъ невольно устремлялись къ небу; и вотъ, наконецъ, взвилась первая ракета. Войска встали. Затѣмъ вторая и, наконецъ, третья, послѣ которой по командѣ, произнесенной вполголоса: «Съ Богомъ! Маршъ!» мы начали подниматься изъ оврага. Еще было темно, когда отрядъ нашъ втянулся въ лощину между Чахмахомъ и Шорахомъ. Тишина была изумительная. Но вотъ на гребнѣ Шорахской высоты, который обрисовывался справа, блеснула молнія, и затѣмъ раздался гулъ пушечнаго выстрѣла. Къ нему вскорѣ присоединились другіе выстрѣлы, и вершина горы какъ бы загорѣлась сплошными огнями направо и налѣво отъ центральнаго выстрѣла.

Мы въ это время подошли только къ подъему на Чахмахъ. Судя по огню, несвоевременно открытому на Шорахѣ, можно было ска-

зать, что штурмъ будетъ неудаченъ; ибо наступленіе колонны Ковалевскаго произведено было ранѣе штурма Чахмахскихъ высотъ, куда отрядъ нашъ долженъ быть отвлечь силы Турокъ, сосредоточенныя на Шорахѣ.

Круто повернувъ правымъ плечомъ и выславъ впередъ охотниковъ, отрядъ нашъ началъ подниматься на гору. Подъемъ былъ длинный, крутой и каменистый, ибо шли мы не по дорогѣ. Едва началъ брезжиться свѣтъ, какъ мы поднялись на площадь Чахмахской высоты. Отрядъ шелъ въ слѣдующимъ порядкѣ: впереди была цѣпь изъ охотниковъ; сзади охотниковъ, въ близкомъ разстояніи отъ нихъ, шла пѣхота въ баталіонныхъ колоннахъ; сзади пѣхоты, въ близкомъ же разстояніи, развернувъ фронтъ, шла наша сводная батарея, подъ командой Баумгартена; сзади нашей батареи двигалась кавалерія съ конной батареей, саженяхъ въ 500 отъ насъ. Разсвѣло. Впереди видны длинныя очертанія цѣпныхъ укрѣпленій, одѣвавшихъ высоту. Видны даже часовые, прохаживающіеся взадъ и впередъ за брустверами. Свѣтло уже совсѣмъ. Отрядъ нашъ долженъ быть виденъ, какъ на ладони; но Турки все молчатъ. Остается не болѣе ста саженей.

Но вотъ, наконецъ, грянулъ залпъ Турецкихъ орудій, осыпавшихъ насъ картечью. Охотники, а вслѣдъ за ними и пѣхота, крикнувъ «ура», бросились бѣгомъ на флангъ укрѣпленія. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ пѣхота, ворвавшаяся въ укрѣпленіе, скрылась отъ насъ. Вотъ мчится адъютантъ начальника отряда и, подскакавъ къ батарейному командиру, требуетъ какъ можно скорѣе батарею впередъ. «Прислуга, на орудіе садись! Справа въ одно орудіе! Ящики за орудія! Въ карьеръ! Маршъ, маршъ!» И не прошло мгновенія, какъ мы влетѣли въ ворота укрѣпленія. Намъ открылась такая картина: съ лѣвой стороны у насъ оказался большой Турецкій лагерь; впереди бѣжала толпа Турокъ, одѣтыхъ, полуодѣтыхъ и въ одномъ бѣльѣ. Орудія наши были заряжены картечью.

Развернувши фронтъ батареи на всемъ скаку, мы снялись съ передковъ и сдѣлали залпъ изъ восьми орудій въ спины бѣгущимъ Туркамъ. Толпа ошалѣвшихъ Турокъ, не оборачиваясь назадъ, продолжала бѣжать, оставляя за собою груды человѣческихъ тѣлъ. Пока мы снова зарядили орудія, Турки успѣли отбѣжать шаговъ двѣсти. Съ посаженною прислугою на орудіяхъ мы поскакали догонять ихъ. Тѣла раненыхъ и убитыхъ Турокъ мѣшали лошадямъ; но и онѣ, какъ видно проникнутыя общимъ одушевленіемъ, скакали, не разбирая, по чемъ онѣ скачутъ, по землѣ или по человѣческимъ тѣламъ. И я по-

мню, что колесомъ одного изъ моихъ орудій раздавило грудь молодому человѣку въ офицерскомъ сертукѣ, блондину лѣтъ 25 не болѣе, должно быть Англичанину. Онъ лежалъ навзничъ, и не забыть мнѣ того умоляющаго взора который онъ бросилъ на меня. Но не время было предаваться чувствительности. Догнавъ Турокъ, мы сдѣлали опять залпъ картечью, и снова тѣже груды тѣлъ. Картина боя была весьма оживленная. Пѣхота наша кричитъ ура! адъютанты и ординарцы со знаменами, отбитыми у Турокъ, мчатся мимо насъ къ резервамъ, чтобы передать эти славные трофеи на сохраненіе.

Далѣе преслѣдовать Турокъ, скрывшихся налѣво въ отвѣсный оврагъ, мы не могли и потому остановились на позиціи противъ редута Вели-паша-Табія, находившагося отъ насъ саженяхъ въ 400 за довольно отлогой балкой. Редутъ этотъ, бастіонной формы, имѣлъ профиль долговременнаго укрѣпленія. Въ нашу сторону изъ глубокихъ его амбразуръ глядѣли крѣпостныя орудія. Охотники наши были уже подъ стѣнами этого редута, когда послѣдовало распоряженіе начальника отряда вернуться назадъ. И до сихъ поръ я не умѣю объяснить себѣ, почему Турки изъ Вели-паша-Табія не преслѣдовали огнемъ нашихъ охотниковъ. Батарея, какъ я уже и говорилъ, остановилась на позиціи. Зарядивъ орудія ядрами и картечными гранатами, мы ожидали артиллерійскаго боя. Пѣхоту всю заложили во рвахъ. Утро было дивное. Небо ярко-синее, какъ бирюза. Вѣтеръ не шелохнулъ. Вправо, верстахъ въ пяти отъ насъ, гремѣла страшная канонада на Шорахѣ. Громъ орудійныхъ выстрѣловъ перемежался трескотнею пѣхотнаго огня. Было уже 7 часовъ утра. Штурмъ въ главномъ пунктѣ очевидно не удался. Атака 3 часа времени въ одномъ пунктѣ длится лишь тогда, если обороняющійся сильнѣе наступающаго. О томъ, что было на Шорахѣ я скажу далѣе, а теперь обращаюсь къ нашему отряду. Батарея стоитъ на позиціи. Орудія наведены въ амбразуры редута Вели-паши-Табія. Паша молчитъ. «Что-же, господа, кому-нибудь первому надо начинать! Сдѣлаемъ салютъ Туркамъ. Пальба орудіями по огню! Первое! Пли!» Раздались очередные выстрѣлы; офицеры съ биноклями отскочили въ сторону, чтобы наблюдать за результатами пальбы. Прицѣлъ взятъ былъ чрезвычайно удачно, ибо вслѣдъ за выстрѣлами раздался громовой ударъ въ Турецкомъ редутѣ; и видно было, какъ взлетѣли на воздухъ какіе-то предметы, должно быть, отъ взорваннаго ящика или отъ пороховаго погребка. Съ этого мгновенія начался артиллерійскій бой.

Сначала непріятельскія ядра и бомбы перелетали черезъ насъ; но затѣмъ Турки пристрѣлялись и начали преусердно вырывать изъ строя

орудійную прислугу. Положеніе артиллеристовъ во время боя на позиціи крайне непріятное. Стоишь и изображаешь изъ себя живую мишень. Все одушевленіе исчезаетъ. Стоишь или ходишь по батареѣ, ежеминутно ожидая участи сосѣдей-солдатъ, падающихъ то съ оторванной головой, то съ оторванной ногой или рукой, или съ вырваннымъ животомъ, какъ, напримѣръ, у орудійнаго фейерверкера Сапова, у котораго ядромъ въ то время, когда я съ нимъ разговаривалъ, вырвало животъ, и содержимымъ желудка и кишекъ обдало меня съ головы до ногъ. Мнѣ въ первый разъ пришлось умываться и обмываться не водой, а пескомъ. Бой артиллерійскій продолжался съ семи часовъ утра до часа дня, до тѣхъ поръ, пока адъютантъ главнокомандующаго, капитанъ Клавдій Алексѣевичъ Ермоловъ, не прибылъ съ приказаніемъ главнокомандующаго отступать. Въ батареѣ осталось по одному номеру прислуги на каждое орудіе, по двѣ орудійныхъ лошади и по одной лошади на ящикъ, такъ что когда приказано было надѣвать орудія на передки, то уцѣлѣвшая прислуга перебѣгала отъ орудія къ орудію, чтобы поднимать ихъ.

Отступленіе наше совершено было и въ порядкѣ, и съ трофеями: мы вывезли изъ Чахмахскихъ укрѣпленій 13 полевыхъ орудій на лошадяхъ, присланныхъ изъ кавалеріи Бакланова, и пять Турецкихъ баталіонныхъ знаменъ.

По диспозиціи для штурма Карса назначено было четыре колонны. Главная и самая сильная, подъ начальствомъ г. лейтенанта Ковалевскаго, должна была штурмовать Шорахъ; другая, слабая, подъ начальствомъ г.-лейтенанта Базина, предназначалась на Чахмакъ. Двѣ слабыхъ колонны назначены были для демонстрацій противъ Карадаговъ и Турецкаго лагеря. Колоннами этими командовали генералы графъ Нიродъ и Майдель.

Изъ всѣхъ военныхъ наступленій можно признать несомнѣнную пользу обходныхъ колоннъ; что же касается демонстративныхъ, то еще Суворовъ сказалъ, что демонстрація забава для дѣтей и Австрійскихъ генераловъ. И въ самомъ дѣлѣ, эти chassé en avant et en arrière слабыхъ демонстрирующихъ колоннъ обмануть никого не могутъ; между тѣмъ колонны эти, присоединенныя, ну напримѣръ вотъ хоть на штурмѣ Карса, къ колоннѣ Базина, составляли бы силу грозную съ значеніемъ рѣшающимъ участь боя. Но въ ту эпоху различныхъ диверсій, маршей и контрмаршей ошибка вытекала изо всей системы военнаго образованія.

Къ 10 часамъ утра бой на Шорахѣ, постепенно стихая, совсѣмъ прекратился. Одинъ изъ участниковъ штурма Шорахскихъ высотъ 17-го Сентября, маіоръ Невтоновъ, бывшій въ то время юнкеромъ Грузинскаго гренадерскаго полка, разсказывалъ мнѣ слѣдующее. «Отрядъ нашъ подъ начальствомъ г.-лейтенанта Ковалевскаго выступилъ изъ лагеря ночью. Шорахъ недалеко отъ мѣста расположенія главныхъ силъ блокаднаго корпуса. Ночь была свѣтлая, а потому вполнѣ скрытное движеніе колонны нашей можно было произвести не прямо, а балками и оврагами. Колонновожатый сбился съ дороги, и мы начали плутать направо и налѣво, сами не зная, куда идемъ. Баталіоны Кавказскихъ полковъ, знакомые съ ночными движеніями, сохраняли должную тишину; что же касается баталіоновъ 13-й и 18-й дивизій, то въ нихъ и болтали, и курили, и даже одинъ солдатъ по неосторожности выстрѣлилъ. Мы, Кавказцы, хорошо понимали, что вся эта сумятица къ добру не приведетъ. Наконецъ, послѣ долгихъ блужданій, мы поднялись на гору, и къ крайнему нашему неудовольствію, вмѣсто какого-либо изъ фланговъ укрѣпленій, мы напали на пунктъ самого сильнаго обстрѣла центральныхъ батарей. Было еще темно, когда Турки, уже замѣтившіе наше наступленіе, открыли по насъ сильнѣйшій огонь. Мы наступали тремя линіями съ очень большими промежутками между ними. Не взирая на страшный артиллерійскій огонь, первая линія, осыпаемая градомъ ядеръ, картечныхъ гранатъ, а затѣмъ и картечью, смѣло двигалась впередъ. Охотники, а затѣмъ и баталіоны первой линіи, значительно убавленные въ составѣ своемъ, все-таки ворвались въ укрѣпленія. Внутри укрѣпленій бой начался самый ожесточенный, и на каждаго изъ нашихъ солдатъ приходилось не менѣе трехъ-четырехъ Турокъ. Разбросавшись командами въ 10, 20 и 30 человѣкъ, мы прижались къ внутренней сторонѣ бруствера и отбивались штыками отъ сильно насѣдавшихъ на насъ Турокъ, къ которымъ ежеминутно прибывали свѣжія силы; а нашихъ резервовъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Патроны мы всѣ израсходовали. Приказывалъ намъ инстинктъ самосохраненія, ибо начальство было все перебито. Генералъ Ковалевскій въ самомъ началѣ штурма былъ смертельно раненъ. Фланги укрѣпленій находились въ рукахъ Турокъ, а потому подходившіе резервы встрѣчались страшнымъ орудійнымъ огнемъ. По странному стеченію обстоятельствъ или, если хотите, распоряженію, резервы подходили къ намъ по-баталіонно, съ значительными промежутками времени. Пока баталіонъ успѣвалъ ворваться въ центръ къ намъ, онъ терялъ одну треть людей на маршѣ и вступалъ въ дѣло въ сильно уменьшенномъ составѣ людей. Не взирая на малочисленность резервовъ, при всякомъ появленіи ихъ, Турки пятились назадъ. Мы дрались, ругали Муравьева; но

мужество наше не падало, и ежели бы намъ прислали резервъ сразу баталіоновъ въ 6 или 7, то нѣтъ сомнѣнія, Турки были бы смяты. Много было подвиговъ единичной храбрости и нижнихъ чиновъ, и офицеровъ; но что же значили эти подвиги для несомнѣнно проиграннаго сраженія? Такимъ образомъ, въ сущности, взявъ укрѣпленія Шорахскихъ высотъ, мы не только не смяли Турокъ, но и не въ состояніи были удержать за собою, не потому, чтобы въ колоннѣ было мало войскъ, а потому, что въ каждую данную минуту мы чуть не цѣлой Турецкой арміи противопоставляли лишь одинъ баталіонъ. «Что же это Муравьевъ! На убой что ли посылаетъ насъ?» громко кричали солдаты. «Эдакъ вѣдь и онъ самъ, пожалуй, попадетъ къ Туркамъ на шашлыкъ! Срамота, братцы, да и только».

Бойня эта, по непонятнымъ соображеніямъ главнокомандующаго, длилась съ 5 и до 10 час. утра. Внутренность укрѣпленій и наружная площадь были сплошь покрыты тѣлами нашихъ раненыхъ и убитыхъ, солдатъ и офицеровъ. Въ 10 час. приказано отступать. Спрашивается, для чего же мы наступали, да еще въ такомъ странномъ порядкѣ! Такова суть дѣла, и приписать его лишь одной смѣтливости и талантамъ генерала Виліамса, руководившаго дѣйствіями Турецкихъ войскъ, при оборонѣ Карса, было бы крайне несправедливо. Вина этого несчастнаго штурма всецѣло падаетъ на Муравьева.

Въ описаніи штурма Чахмахскихъ высотъ, я остановился на приказаніи отступать нашему отряду, переданному намъ капитаномъ Ермоловымъ.

Проклятій на долю Муравьева и у насъ посыпалось немало; но приказано отступать, слѣдовательно и будемъ отступать. Батарея стояла еще на позиціи, когда изъ-за редута Вели-паша-Табія начали показываться стройныя колонны Турецкихъ баталіоновъ. Передъ головнымъ баталіономъ, на сѣромъ красивомъ конѣ, гарцовалъ или командиръ полка или баталіонный командиръ, въ сопровожденіи штаба. Баталіонъ разсыпалъ стрѣлковъ въ цѣпь, и Турки начали наступленіе. Баталіоны наши, до сихъ поръ скрытые отъ артиллерійскаго огня во рвахъ, поднялись и выстроились навстрѣчу Туркамъ. Подпустивъ Турокъ на довольно близкое разстояніе, наши пошли противъ нихъ. Была тутъ и стрѣльба, и хорошій рукопашный бой; но отступать все-таки надо было. Батарея наша, за неимѣніемъ ни одного снаряда ни въ ящикахъ, ни въ передкахъ (ибо подъ конецъ мы стрѣляли даже свѣтящими ядрами), отступила ранѣе пѣхоты. Грустно было отступать побѣжденными, имѣя въ рукахъ пять непріятельскихъ знаменъ и 13 непріятельскихъ орудій; но все-таки же отступили.

Сзади насъ раздавалась трескотня ружейнаго огня. Это было отступленіе нашей пѣхоты и, сколько мнѣ извѣстно, не взирая на огромныя массы Турецкихъ баталіоновъ, отступленіе это совершалось въ такомъ же строгомъ порядкѣ, какъ на ученьи. Батарея вышла изъ огня; но впечатлѣніе шестичасоваго упорнаго артиллерійскаго боя было такъ сильно, что не вѣрилось прекращенію его и тому, что мы остались цѣлы и невредимы въ этой безполезной бойнѣ. Но удовольствіе, которое, по крайней мѣрѣ, я испытывалъ, выйдя изъ сферы огня, продолжалась недолго. Въ третьемъ взводѣ Мамацева не оказалось запаснаго лафета, а потому меня, какъ младшаго, въ сопровожденіи сотни казаковъ, послали отыскивать таковой. Пришлось снова попасть подъ непріятельскіе выстрѣлы. Пѣхота отступила уже. Отступала кавалерія, и что́ меня очень удивило, изъ четырехъ полковъ кавалеріи шелъ лишь одинъ казачій полкъ, лѣниво перестрѣливаясь съ увязавшимся за нимъ Турецкимъ баталіономъ; но вскорѣ въ довольно глубокой балкѣ, мимо которой происходило отступленіе казаковъ, я увидѣлъ скрытую массу кавалеріи, очевидно поставленной въ засаду. Я съ сотнею былъ въ полуверстѣ разстоянія отъ дѣйствующихъ лицъ. Турецкій баталіонъ, продолжая чрезвычайно настойчиво преслѣдовать казаковъ, миновалъ мѣсто засады. Въ это мгновеніе полкъ за полкомъ вылетѣли изъ засады въ тылъ Туркамъ, и отъ баталіона не осталось буквально ни одного человѣка. Оставивъ Туркамъ, сидѣвшимъ въ крѣпости, лишь воспоминаніе объ изрубленномъ баталіонѣ, Баклановъ началъ быстро отступать, изрѣдка сопровождаемый безвредными выстрѣлами одного орудія, не заклепаннаго нами. Вскорѣ кавалерія, спустившись съ высоты, скрылась, и я съ моею сотнею остался одинъ, продолжая разыскивать лафетъ, который, наконецъ, къ общему удовольствію, показался вдали. Поскакавъ по направленію къ нему и обругавъ ѣздовыхъ за то, что они отбились отъ батареи, я направился къ спуску, до котораго мнѣ версты три разстоянія пришлось ѣхать шагомъ, ибо на лафетѣ сидѣло два пѣхотныхъ солдата, тяжело раненыхъ. Такимъ образомъ я смѣло могу сказать, что послѣ штурма Чахмахскихъ высотъ я отступилъ послѣднимъ.

Баклановъ съ кавалеріей отдыхалъ у подножія горы. Замѣтивъ мое наступленіе, Баклановъ выслалъ двѣ сотни казаковъ, и я видѣлъ, какъ казаки на скаку вынимали винтовки изъ чехловъ. «О, чортъ возьми! Не убили Турки, такъ укокошать свои же. Трубачъ, труби! Вышлите фланкеровъ навстрѣчу!» Сотенный командиръ хорунжій (не помню его фамиліи) поскакалъ навстрѣчу.

Дѣло объяснилось, и я благополучно присоединился къ кавалеріи. Доложивъ генералу о причинѣ моего поздняго отступленія, я было хотѣлъ продолжать путь мой; но Баклановъ пригласилъ меня отдохнуть и закусить у него, чѣмъ Богъ послалъ.

Мы прибыли на позицію Меликёй часамъ къ 5 пополудни.

Послѣдствія этого штурма были весьма печальны. Потеря наша простиралась до 8 тысячъ раненыхъ и убитыхъ, что́ составляло болѣе, чѣмъ четвертую часть блокаднаго корпуса. Вслѣдствіе большой убыли офицеровъ, баталіонами и ротами, разбитыми и потерявшими болѣе половины людей, командовали оберъ-офицеры, юнкера и фельдфебеля. Транспорты съ ранеными ежедневно отправлялись въ Александрополь, жители котораго, за недостаткомъ мѣстъ въ госпиталѣ, поневолѣ должны были уступить для помѣщенія раненыхъ свои дома̀. Ропотъ гражданъ былъ невообразимый. У Армянъ носы вытянулись до самой земли.

Муравьевъ упалъ духомъ. Войска ругали его нещадно. Впрочемъ блокада продолжалась. Сомнѣніе Муравьева въ томъ, что Закавказье останется въ нашихъ рукахъ, было такъ сильно, что послано было въ Тифлисъ секретное распоряженіе всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ быть готовымъ къ переѣзду за Кавказскій хребетъ, о чемъ, вспоминая эту печальную кампанію 1855 года, мнѣ говорилъ свиты его величества генералъ князь Давидъ Александровичъ Чавчавадзе. Главнокомандующій очень боялся арміи Омера-паши; но въ сущности бояться Омера-паши до того, чтобы сжечь продовольственный магазинъ на Ингурѣ и отступить въ Кутаисъ, отряду князя Багратіона-Мухранскаго не было надобности: ибо Омеръ-паша, потерявъ много людей отъ лихорадокъ и въ сраженіяхъ съ отрядомъ князя Мухранскаго, въ довершеніе всего завязъ въ Мингрельскихъ болотахъ, а потому и двигаться на Тифлисъ не могъ.

Съ позиціи Меликёй отрядъ нашъ отправился на прежнюю свою позицію Омеръ-Ага, прибывъ на которую, мы занялись постройкою землянокъ и бараковъ на зиму. Препровожденіе времени нашего было прескучное: днемъ офицеры ѣздили охотиться на чернобурыхъ лисицъ, зайцевъ, дикихъ козъ и горныхъ курочекъ. Вечеромъ пулька въ преферансъ и неизбѣжная рюмка водки подъ припѣвъ: «Ѣхалъ чижикъ въ лодочкѣ въ адмиральскомъ чинѣ». Многіе напрактиковались до того, что пили и по десятой, подъ припѣвъ: «ѣдетъ адмиральша въ яликѣ и пальчикомъ киваетъ плавно:

Не выпить ли намъ по десятой?
Славно!"

Прибывшій изъ Ахалциха подпоручикъ нашей батареи Кильдюшевскій, однажды ночью, сильно подкутивъ, возымѣлъ намѣреніе провѣрять ночную цѣпь. Солдатамъ почему-то показалось, что это флигель-адъютантъ. По цѣпи, окружающей нашъ отрядъ, быстро пронеслось извѣстіе, что флигель-адъютантъ ревизуетъ отрядъ. Наскучивъ переходить отъ звѣна къ звѣну въ цѣпи, Кильдюшевскій свернулъ въ середину лагеря и попалъ къ коновязямъ Донскаго казачьяго полка. Худыя лошадки съ голодухи объѣдали другъ у друга гривы и хвосты. Флигель адъютантъ, который, кстати сказать, былъ въ мѣховомъ халатѣ и въ артиллерійской офицерской фуражкѣ, не могъ перенести такого зрѣлища. «Послать ко мнѣ полковаго командира! Я ему покажу, гдѣ раки зимуютъ!» Явился полковой командиръ. «Что̀ это вы, милостивый государь! Лошадокъ-то кормите хвостами и гривами? Хороша будетъ атака на такихъ селедкахъ! Я васъ подъ судъ отдамъ, милостивый государь! Завтра явиться ко мнѣ!» Съ этимъ словомъ Кильдюшевскій повернулся и ушелъ къ себѣ въ палатку.

На слѣдующее утро, часовъ въ семь, я услышалъ въ сосѣдней палаткѣ командира первой роты Грузинскаго резервнаго баталіона, капитана Магнуса, слѣдующій разговоръ. «Что̀ это вы, полковникъ, въ парадной формѣ?»—«Ночью со мною бѣда случилась. Ко мнѣ на коновязь пришелъ флигель-адъютантъ, нашумѣлъ, накричалъ, обѣщался предать меня суду и приказалъ явиться къ нему сегодня утромъ; одно мнѣ странно показалось, что онъ былъ въ халатѣ и, кажется, пьянъ. Магнусъ, знавшій уже о ночныхъ похожденіяхъ Кильдюшевскаго, объявилъ полковнику, что никакого флигель-адъютанта въ отрядѣ нѣтъ, а передрягу эту произвелъ не въ мѣру кутнувшій подпоручикъ Кильдюшевскій. Взбѣшенный полковникъ пошелъ съ жалобой къ генералу Базину. Базинъ лично отправился на коновязь Донскаго полка и, убѣдившись въ томъ, что лошадки-то дѣйствительно худы, посовѣтовалъ полковнику покормить ихъ, а жалобу на Кильдюшевскаго прекратить. Вернувшись со смотра, генералъ потребовалъ къ себѣ Кильдюшевскаго и сдѣлалъ ему отеческое внушеніе и предостереженіе не принимать на себя непринадлежащія званія. «Да я, ваше превосходительство, и не думалъ величать себя флигель-адъютантомъ; я просто разругалъ его за дурное содержаніе лошадей».

Тоска и уныніе до того овладѣли всѣми, что одинъ изъ ротныхъ командировъ Грузинскаго баталіона допился до погребенія заживо. Однажды ночью весь отрядъ пробужденъ былъ необычайнымъ зрѣлищемъ. По серединѣ лагеря, мимо барака начальника отряда, шла процессія солдатъ и юнкеровъ въ шинеляхъ, свернутыхъ на подобіе свя-

щенническихъ ризъ съ факелами и бутылками въ рукахъ. За процессiей этой несли гробъ, въ которомъ лежалъ поручикъ Аристовъ. Процессiя замыкалась хоромъ пѣсенниковъ въ вывороченныхъ полушубкахъ, распѣвавшихъ самыя шутовскiя пѣсни. Шествiе отъ времени до времени останавливалось, Аристовъ приподнимался, выпивалъ нѣсколько глотковъ водки и снова ложился. Разумѣется, дежурный по отряду немедленно разогналъ всю эту процессiю; а на другой день начальникъ отряда, онъ же и начальникъ резервной дивизiи, отрѣшилъ Аристова отъ командованiя ротой.

Въ концѣ Сентября, по повелѣнiю главнокомандующаго, юнкера́ нашего отряда, представленные въ офицеры, потребованы были въ главный отрядъ на экзаменъ къ его высокопревосходительству. Послѣ пятидневнаго путешествiя юнкера̀, а въ томъ числѣ и я, прибыли ночью въ станъ Владикарсъ. На слѣдующiй день въ 5 час. утра я явился къ командиру гренадерской артиллерiйской бригады, полковнику Десажэ, и такъ какъ онъ спалъ еще, то пакеты, бывшiе у меня отъ батарейнаго командира, я передалъ въ бригадномъ штабѣ старшему писарю подъ росписку и отправился къ ставкѣ главнокомандующаго, куда уже собрались спутники мои юнкера́.

Мѣстность, на которой расположена была ставка главнокомандующаго, изображала изъ себя квадратъ, двѣ стороны котораго заняты были бараками главнокомандующаго, а двѣ другiя—бараками корпуснаго командира. Мы ходили изъ угла въ уголъ въ этомъ квадратѣ, не зная, гдѣ намъ прiютиться и къ кому явиться съ заявленiемъ о нашемъ прибытiи. Было холодно, а потому, чтобы хоть немного погрѣться, мы наудачу вошли въ одинъ изъ бараковъ. Это была кухня главнокомандующаго. Поваръ оказался весьма любезный джентельменъ въ бѣломъ передникѣ и колпакѣ и на просьбу нашу, дозволить обогрѣться, изъявилъ милостивое согласiе. Кухня была большая, просторная, а потому мы не мѣшали его артистическимъ занятiямъ. Покуривая папиросы и болтая о всякомъ вздорѣ, мы пробыли на кухнѣ часовъ до 9. Въ 9 часовъ на кухню вошелъ адъютантъ, громко называя мою фамилiю. «Я! Что̀ прикажете?»—«Я васъ ищу по всему отряду. Идите поскорѣе къ начальнику артиллерiи!» Выбѣжавъ изъ кухни, я увидѣлъ начальника артиллерiи (онъ же и корпусный командиръ) генералъ-лейтенанта Бриммера, прохаживающагося около своего барака. Подойдя къ нему и проговоривъ обычную фразу являющихся, я съ любопытствомъ ожидалъ того, зачѣмъ я ему понадобился. «Вы представлены въ офицеры полевой артиллерiи?»—«Точно такъ, ваше пре-

восходительство».—«Вы уже сдали часть экзаменовъ въ Александрополѣ?»—«Да, ваше пр-ство».—«Васъ сюда потребовали на экзаменъ; но вамъ этого экзамена держать не нужно».—«Слушаю, ваше пр-ство.» Генералъ повернулся и ушелъ къ себѣ въ баракъ, а я присоединился къ группѣ юнкеровъ, вышедшихъ изъ кухни.

Вскорѣ изъ барака главнокомандующаго вышелъ адъютантъ, который приказалъ намъ построиться въ шеренгу, сдѣлалъ перекличку по списку и, подведя къ бараку главнокомандующаго и выровнявъ насъ, сталъ на правомъ флангѣ. Минутъ черезъ 10 вышелъ изъ барака и самъ главнокомандующій, плотный и довольно высокаго роста мужчина, сутуловый и съ нахмуренными бровями. Покуривая сигару, онъ обошелъ флангъ и затѣмъ, возвратившись въ баракъ, приказалъ вести насъ въ штабную столовую, куда насъ и повелъ тотъ же адъютантъ. Придя въ столовую, поручикъ Корсаковъ усадилъ насъ по шести человѣкъ по обѣимъ сторонамъ обѣденнаго стола и приступилъ къ экзамену. Экзаменъ того времени для производства въ офицеры ограничивался программой уѣзднаго училища. Я сидѣлъ рядомъ съ поручикомъ Корсаковымъ. Помня приказаніе начальника артиллеріи, я доложилъ поручику, что мнѣ экзамена не полагается и что мнѣ объ этомъ приказалъ доложить экзаменатору начальникъ артиллеріи. «А я васъ все-таки буду экзаменовать.» Экзаменъ начался Въ половинѣ экзамена въ баракъ вошелъ генералъ Бриммеръ. «А гдѣ здѣсь юнкеръ Дроздовъ?»—«Здѣсь!» отвѣчалъ я. «Ему не слѣдуетъ экзаменоваться», сказалъ Бриммеръ, обращаясь къ поручику Корсакову. — «Я исполняю волю главнокомандующаго».—А, ну, это другое дѣло». И произнеся эти слова, генералъ вышелъ вонъ изъ барака. Какъ ни обидно было самолюбію моему экзаменоваться у офицера, познанія котораго были ежели не меньше, то во всякомъ случаѣ не больше моихъ, но я отвѣчалъ ему на его вопросы о главныхъ рѣкахъ и городахъ Россіи и писалъ подъ диктовку стихотвореніе «Воздушный корабль.» Наконецъ экзаменъ окончился, и юнкеровъ по очереди стали требовать въ баракъ главнокомандующаго. А, вотъ, наконецъ, онъ, тотъ настоящій экзаменъ, который Муравьевъ лично производилъ. Только къ 7 час. вечера очередь дошла до меня. Я пошелъ къ бараку главнокомандующаго. У дверей барака на открытомъ воздухѣ стоялъ дежурный штабъ-офицеръ, полковникъ Корсаковъ въ курткѣ и башлыкѣ. Ah, bonjours! Le général vous attend! Entrez! Я поклонился полковнику и вошелъ въ переднюю, узенькую комнату съ дверью направо. Отворивъ дверь, я вошелъ въ баракъ. Квадратная комната, аршинъ 10 въ длину и столько же въ ширину и аршина 4 высоты, была обтянута гвардейскимъ палаточ-

нымъ холстомъ съ широкими красными полосами по бѣлому полю. Направо отъ входа было два небольшихъ окна. Вдоль двухъ стѣнъ стояло двѣ желѣзныхъ кровати, накрытыхъ байковыми одѣялами. Посреди комнаты стоялъ пюпитръ; за пюпитромъ кресло, на которомъ сидѣлъ главнокомандующій въ большихъ круглыхъ серебряныхъ очкахъ, углубившійся въ разсматриваніе какой-то толстой книги. За кресломъ стоялъ экзаменаторъ мой, адъютантъ, поручикъ Корсаковъ. Войдя въ комнату, я было хотѣлъ продолжать идти до пюпитра, но былъ остановленъ мимикой поручика Корсакова, который, низко поклонившись, знаками показалъ мнѣ сдѣлать тоже. Я поклонился въ поясъ, выпрямился и ожидалъ дальнѣйшихъ распоряженій. Карсаковъ мимикой же пригласилъ меня идти. Медленно ступая по полу, я дошелъ до половины разстоянія между дверью и пюпитромъ и по данному знаку остановился и снова сдѣлалъ поясной поклонъ. Затѣмъ, по знаку же Корсакова, я продолжалъ движеніе до пюпитра и сдѣлалъ третій поклонъ. Въ это время Муравьевъ, поднявъ очки на лобъ и откинувшись на спинку кресла, устремилъ на меня строго вопросительный взглядъ. Поручикъ Корсаковъ губами показалъ мнѣ знакъ говорить. «Резервной батареи Кавказской гренадерской артиллерійской бригады юнкеръ Дроздовъ», отчеканилъ я рѣзко и съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ, ибо церемоніалъ поклоновъ меня сильно возмутилъ. «А! Лѣнтяй, тупоумецъ, выгнанный вонъ изъ училища. Куда же дѣваться, какъ не въ военную службу? Она, матушка родимая, всякую сволочь пріютитъ и накормитъ».—«Я, ваше высокопревосходительство, не выгнанъ изъ училища, а окончилъ курсъ съ правомъ на чинъ 12-го класса и, поступивъ въ военную службу, не искалъ въ ней пріюта.» —«Мальчишка! Да знаешь-ли ты, съ кѣмъ говоришь?!!..—«Знаю, ваше высокопревосходительство,» отвѣчалъ я со слезами на глазахъ.

Такое грубое привѣтствіе меня крѣпко обидѣло. Муравьевъ, должно быть, сообразивъ, что онъ безпричинно нанесъ мнѣ оскорбленіе, уже смягченнымъ тономъ спросилъ меня: «Гдѣ ты учился?»—«Въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ и окончилъ курсъ съ правомъ на чинъ 12-го класса.» «Вотъ какъ! Что же, знаешь ты Персидскій языкъ?» «Могу читать и писать.»—«Продекламируй мнѣ что-нибудь изъ Гюлистана Саади.» Я продекламировалъ нѣсколько стиховъ. «Конечно и Арабскій языкъ знаешь?»—«Знаю.» «Коранъ читалъ?» «Читалъ.» «Скажи мнѣ нѣсколько начальныхъ строчекъ Корана.» Я сказалъ. «Выговоръ хорошъ. Покажи, какъ ты пишешь?» При этомъ онъ оторвалъ клочекъ бумаги и далъ мнѣ его съ карандашемъ. Я написалъ нѣсколько Персидскихъ фразъ и подалъ бумагу главнокомандующему. «И по-

черкъ хорошъ. Тебѣ слѣдовало бы поступить на службу въ иностранное отдѣленіе штаба».—«Я предпочитаю строй.»—«Что́ ты дѣлалъ на Чахмахѣ?»—«Командовалъ взводомъ орудій.»—«Страшно было?»—«Да, страшно.»—«За ящикъ не прятался?»—«Нѣтъ не прятался.»—«Кто твой отецъ? Я сказалъ. Затѣмъ посыпались вопросы о сестрахъ, братьяхъ, дядяхъ, теткахъ. Я отвѣчалъ. Наконецъ, экзаменъ очевидно кончился. Муравьевъ надѣлъ очки и, нагнувшись надъ пюпитромъ, снова занялся просматриваніемъ толстой книги. Я было хотѣлъ повернуться кругомъ съ тѣмъ, чтобы выйти вонъ изъ комнаты; но поручикъ Корсаковъ, замѣтивъ это, началъ пятиться назадъ, показывая этимъ мнѣ, что и я долженъ такъже пятиться до двери. Послѣ троекратныхъ поклоновъ, пятясь назадъ, я спиною отворилъ дверь и вышелъ вонъ.

Вѣроятно за мой рѣзкій отвѣтъ его высокопревосходительство вычеркнулъ меня изъ награднаго списка, и за штурмъ Карса я, наравнѣ съ прочими нижними чинами, награжденъ лишь рублемъ серебромъ.

Этимъ я заканчиваю мои юношескія воспоминанія. Впереди предстоитъ еще много писать изъ моихъ воспоминаній о службѣ на Кавказѣ.

Подполковникъ И. И. Дроздовъ.

ДВА ПРОФЕССОРА РУССКОЙ ИСТОРІИ О ПРОИСХОЖДЕНІИ РУСИ.

Н. Филевичъ. Исторія Древней Руси. Томъ I. Территорія и населеніе. Варшава. 1896.

А. Брикнеръ. Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Iahrhunderts. Band I. Ueberblick der Entwickelung bis zum Tode Peters des Grossen. Gotha. 1896.

—

И. П. Филевичъ, насколько можно понять его изслѣдованіе (понимать же его нелегко по способу его изложенія) не признаётъ ни одной изъ существующихъ теорій происхожденія Руси, а предлагаетъ свою собственную. А именно: Русь народилась въ Карпатахъ, или по ихъ обоимъ скатамъ, и оттуда распространилась на Востокъ въ Поднѣпровье и на Югъ въ Подунавье. Любопытно, что этого своего главнаго вывода авторъ нигдѣ прямо и ясно не формулируетъ, хотя нерѣдко дѣлаетъ разные частные выводы изъ своихъ разсужденій. Самая древнѣйшая, коренная Русь у него Галицко-Угорская.

На чемъ же онъ основываетъ свою Карпатскую теорію?

На сей счетъ опять таки у него не выставлено ясныхъ, точныхъ тезисовъ въ концѣ книги (какъ это обыкновенно дѣлается въ ученыхъ диссертаціяхъ), а только изъ чтенія ея можно заключить, что онъ свою теорію происхожденія Руси съ Карпатъ утверждаетъ на двухъ основаніяхъ: 1) Географическая номенклатура даннаго района объясняется по преимуществу изъ *Славянскаго языка.* 2) Въ историческое время Карпатская Русь оказывается въ центрѣ *Славянскаго міра.*

Шаткость подобныхъ основаній бросается въ глаза съ перваго же взгляда.

Едва ли не половину своей книги г. Филевичъ удѣляетъ на географическую номенклатуру Прикарпатья и сосѣднихъ съ нимъ странъ и приводитъ массу названій рѣкъ, урочищъ и т. п., имѣющихъ Славянскіе корни или Славянскій характеръ. „Здѣсь все звучитъ по-славянски“, замѣчаетъ онъ иногда (напр. 142 стр,). Хорошо; но что же изъ того слѣдуетъ? Давнее жительство Славянъ, и ничего болѣе. А вѣдь вопросъ идетъ о Руси, и чисто-Русскихъ названій авторъ не въ состояніи выдѣлить изъ массы Сла-

вянскихъ вообще. Говоря, напримѣръ, о Русско-Славянскихъ" (т. е. Русско-Словацкихъ) отношеніяхъ, онъ самъ сознается, что „обозначеніе рубежа между Русскимъ и Словенскимъ славянствомъ весьма трудно" (258); а о Карпатахъ замѣчаетъ, что въ ихъ „номенклатурѣ господствуетъ страшная путаница" (77). Но положимъ, ему удалось бы выдѣлить чисто-Русскія названія и тѣмъ подтвердить древность обитанія здѣсь собственно-Русскаго племени. Опять вопросъ: какая это древность? Съ какого вѣка, хотя приблизительно, можно считать водвореніе тамъ Руси? На это мы не получаемъ никакого прямого отвѣта, а встрѣчаемъ, тамъ-сямъ, какія-то сбивчивыя, запутанныя фразы о пространствѣ времени между VI и IX вѣками, со ссылкою на Іорнанда, но со ссылкою, говорящею опять таки о Славянскихъ народахъ вообще, безъ указанія на Русь (82, 307). Авторъ не привелъ даже никакихъ серьезныхъ данныхъ, доказывающихъ существованіе Карпатской Руси до прибытія туда Мадьяръ. А потому и второе его основаніе (что эта Русь занимаетъ центральное положеніе въ Славянскомъ мірѣ) само собой отпадаетъ; ибо ни откуда не видно, чтобы Русь на Карпатахъ водворилась прежде чѣмъ на Днѣпрѣ или въ краяхъ Азовско-Черноморскихъ. Но предположимъ, что г. Филевичу удалось бы ясно доказать существованіе Карпато-Дунайской Руси въ VI вѣкѣ. И опять это нисколько не противорѣчило бы основаніямъ моей Роксоланской теоріи; ибо Роксолане являются въ Приазовскихъ краяхъ съ 1-го вѣка до Р. Х., а въ эпоху великаго переселенія народовъ они продвинулись далеко на Западъ; при чемъ часть ихъ могла осѣсть и на Дунаѣ, и въ Карпатахъ. Съ такимъ выводомъ я не только не сталъ бы спорить, напротивъ, считаю его вѣроятнымъ. Но во всякомъ случаѣ не въ Карпатахъ зародилась Русская народность, и не оттуда распространилась Русь на Приднѣпровье, Придонье и Приазовье, а наоборотъ. Границы Русскаго племени то раздвигались, то сокращались на глазахъ исторіи. А если оно уцѣлѣло въ Карпатскихъ горахъ (вмѣстѣ со своими географическими названіями) болѣе чѣмъ въ Приазовьѣ и Придоньѣ, то этому, какъ всѣмъ извѣстно, причиною былъ тотъ „прибой" Турко-Татарскихъ ордъ, котораго г. Филевичъ коснулся въ послѣднемъ отдѣлѣ своей книги.

Увлекшись современною географическою номенклатурою, авторъ совершенно упустилъ изъ виду историческую сторону своей задачи. О началѣ Угорской Руси существуютъ разныя мнѣнія. Одни считаютъ ее колонистами изъ Галиціи и Волыни, ушедшими за Карпаты въ эпоху Татарскаго погрома; другіе полагаютъ, что эта Русь пришла туда съ Мадьярами; наконецъ, третьи ведутъ ее отъ тѣхъ Руговъ, которые въ эпоху великаго переселенія народовъ являются на Среднемъ Дунаѣ. Г. Филевичъ не попытался обслѣдовать ни одного изъ этихъ мнѣній и совершенно въ сторонѣ оставилъ хронологическій вопросъ, а только на основаніи географической номенклатуры утверждаетъ, что Угорская Русь существуетъ съ давнихъ поръ, но съ какихъ именно поръ—это для него покрыто мракомъ неизвѣстности. При такомъ неисторическомъ направленіи страннымъ является самое

заглавіе диссертаціи: *Исторія древней Руси.* Если же онъ гадаетъ о VI столѣтіи или о томъ, что Русь Угорская уже скрывается въ извѣстіяхъ Іорнанда; то онъ долженъ былъ не ограничиваться мимоходнымъ упоминаніемъ о статьѣ Петрушевича (16), а напротивъ серьезно заняться вопросомъ о Ругахъ, народность которыхъ далеко неразъяснена, хотя ихъ обыкновенно причисляютъ къ Германцамъ. Извѣстно, что западный лѣтописецъ, говоря о Кіевской великой княгинѣ Ольгѣ, называетъ ее regina Rugorum; Раффельштетинскій документъ, о которомъ г. Филевичъ мимоходомъ упоминаетъ въ примѣчаніи (268), указываетъ Руговъ въ Прикарпатьѣ въ X в., и т. д. Если же авторъ считаетъ Руговъ не при чемъ въ вопросѣ объ Угорской Руси, то ихъ слѣдовало устранить научнымъ образомъ, а не голословно.

О своей географической номенклатурѣ, нисколько не разъясняющей намъ происхожденія Руси, г. Филевичъ говоритъ такимъ тономъ, какъ будто онъ открылъ маленькую Америку. Эту номенклатуру онъ, по примѣру Надеждина, обыкновенно называетъ „языкъ земли“. Положимъ, такъ; но прежде надо выучиться имъ владѣть. А безъ освѣщенія историческими фактами и свидѣтельствами этотъ языкъ—мертвый капиталъ.

Въ своей книгѣ г. Филевичъ приводитъ массу всякихъ сочиненій, мнѣній и разныхъ примѣчаній; но нельзя сказать, чтобы онъ былъ очень разборчивъ въ выборѣ своихъ авторитетовъ. По крайней мѣрѣ въ числѣ важнѣйшихъ его авторитетовъ и, кажется, самыми главными являются никто иные какъ Надеждинъ, Шембера и Ламбинъ. Надеждинымъ онъ просто увлеченъ и считаетъ его „родоначальникомъ современнаго научнаго движенія“ (60). „Среди представителей (Славянской) школы Надеждинъ является гигантомъ во всѣхъ отношеніяхъ, истиннымъ предтечею современнаго научнаго направленія“ (63). О какомъ именно научномъ движеніи и направленіи тутъ говорится, для меня неясно. Увлеченіе повидимому основано на томъ, что Надеждинъ первый указалъ на географическую номенклатуру Карпато-Дунайской страны какъ на языкъ земли, не только открывающій „подъ Мадьярскимъ и Румынскимъ наносомъ кряжъ *собственно-Русскій*“, но и обѣщающій открыть „постепенное образованіе народа Руси“ (36—37). Онъ же будто бы „предложилъ нашей наукѣ опредѣленный *методъ изученія нашей древности*“ (40). Талантливый писатель тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, Надеждинъ, въ своихъ рѣчахъ и статьяхъ, дѣйствительно разбросалъ немало хорошихъ, отрывочныхъ мыслей и сужденій, рядомъ съ разными домыслами, хотя остроумными, но сомнительными. Ничего цѣльнаго и прочно-построеннаго однако онъ не создалъ и никакого опредѣленнаго метода не выработалъ. Хотя г. Филевичъ въ своей книгѣ не одинъ разъ пытается говорить о своемъ методѣ, какъ продолжателѣ Надеждинскаго; но, судя по результатамъ, позволительно усомниться въ его научныхъ достоинствахъ. Относительно Чешскаго слависта Шемберы можно только сказать, что это былъ почтенный ученый, въ своихъ работахъ также мѣшавшій дѣльное съ недѣльнымъ и слишкомъ увлекавшійся предвзятыми идеями при Славянскихъ

объясненіяхъ географической номенклатуры. Почему г. Ламбинъ служитъ также однимъ изъ важнѣйшихъ авторитетовъ для г. Филевича и почему онъ часто на него ссылается, я не могъ понять, и тѣмъ болѣе, что г. Ламбинъ является отчаяннымъ норманистомъ, а г. Филевичъ наоборотъ выступаетъ какъ бы рѣшительнымъ противникомъ Норманской школы.

При всей массѣ ссылокъ на всевозможные труды и сочиненія, иногда даже неимѣющіе никакого отношенія къ вопросу о началѣ Руси, авторъ даннаго изслѣдованія спеціально игнорируетъ изысканія вашего покорнѣйшаго слуги, хотя за послѣднее 25-лѣтіе едва ли кто болѣе работалъ въ этой области. Правда, три-четыре раза онъ упоминаетъ мое имя, но какъ бы для того только, чтобы подчеркнуть свое или незнакомство, или слишкомъ поверхностное знакомство, съ моими изысканіями. Такъ на стр. 23 онъ говоритъ, что я въ своей *Исторіи Россіи* „совсѣмъ отбросилъ“ введеніе въ нее или „научное разслѣдованіе показаній нашего главнаго источника“, т. е. лѣтописи. Въ дѣйствительности, одновременно съ первымъ выпускомъ своего труда, я издалъ сборникъ своихъ „Розысканій о началѣ Руси“, на которомъ прямо обозначено: *вмѣсто введенія въ Русскую Исторію.* Тамъ заключается и критическій разборъ лѣтописныхъ данныхъ о происхожденіи Русской государственности. На стр. 344 авторъ увѣряетъ, будто я „прямо объявилъ, что все начало лѣтописей до половины XI в. не можетъ имѣть значенія научнаго источника, что это басни“ и т. д. При этомъ стоитъ голословная ссылка на одну мою статью въ *Розысканіяхъ*: „Къ вопросу о лѣтописныхъ легендахъ“. Но ничего подобнаго я здѣсь не объявляю, а только пытаюсь объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ легендъ, вошедшихъ въ лѣтопись. На стр. 371, по поводу Хазарской дани, ставится вопросъ: „не есть ли это отголосокъ столкновеній съ Аварами?“ И при этомъ ссылка на мои *Розысканія* съ обозначеніемъ страницы. Но если цифра страницы относится къ этимъ только словамъ, то она невѣрна, а если къ цѣлой моей главѣ о Хазарахъ и Аварахъ, то не вижу знакомства съ этою главою, а развѣ только съ однимъ небольшимъ примѣчаніемъ. Между тѣмъ встрѣчающаяся на стр. 67 фраза о чьихъ-то „блужданіяхъ во тьмахъ Скиѳо-роксолано-болгарскихъ“ представляетъ ясный на меня намекъ и вмѣстѣ отрицаніе моей Роксоланской теоріи происхожденія Руси. Разумѣется, голословно и бездоказательно можно отрицать какую угодно теорію и даже не потрудясь сколько нибудь серьезно ознакомиться съ ея основаніями и аргументами. Другое дѣло, если бы г. Филевичъ попытался систематично, научнымъ образомъ опровергнуть какое либо изъ моихъ основаній.

Слѣдившіе за моими изысканіями, знаютъ что я обратилъ особое вниманіе на испорченный текстъ Лѣтописи въ легендѣ о призваніи князей, откуда собственно и произошло смѣшеніе Руси съ Варягами. Никто до меня этой порчи въ данномъ случаѣ не замѣтилъ, и это одинъ изъ важнѣйшихъ моихъ аргументовъ противъ Норманской системы. Г. Филевичъ о такомъ первостепенной важности фактѣ едва упоминаетъ гдѣ-то въ примѣча-

ніи, никого не называя: „Что касается разсказа о 862 г.—говорить онъ—то описка въ выраженіи: рѣша *Русь* (вмѣсто *Руси*) имѣется въ Лаврентьевскомъ и Троицкомъ“ (359). Изъ этихъ словъ я имѣю право заключить, что онъ только слышалъ что-то объ испорченномъ текстѣ, но съ моими изысканіями о немъ не ознакомился. Тамъ я представляю цѣлый рядъ доказательствъ, что первоначальный текстъ сохранился по преимуществу въ сводахъ Западнорусскихъ и Новгородскихъ, а испорченный вошелъ только въ своды и списки Сѣверовосточные, да и то далеко не всѣ. Кромѣ Лаврентьевскаго и Троицкаго имѣемъ *Русь* вмѣсто *Руси* въ Ипатскомъ сводѣ и Переяславскомъ спискѣ; особенно важенъ указанный мною первоначальный текстъ въ Лѣтописцѣ патріарха Никифора (См. мои *Розысканія* стр. 465 496—497); далѣе въ Степенной книгѣ, въ „Русскомъ Хронографѣ“ и пр. (Мои замѣтки въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1890. Январь) А г. Филевичъ явные слѣды этого первоначальнаго текста считаетъ какою-то *опискою*! Выставляя себя антинорманистомъ, онъ тутъ безсознательно и совершенно неосновательно поддерживаетъ Норманскую систему. Поддерживаетъ ее онъ и въ вопросѣ о призваніи. „Прибытія князей въ Новгородъ отвергать нельзя, говоритъ г. Филевичъ: оно слишкомъ рѣшительно засвидѣтельствовано всѣми лѣтописями“ (376). Во первыхъ, всѣми сводами, а не „лѣтописями“. Начальная лѣтопись извѣстна только одна (Сильвестрова), которая и вошла во всѣ лѣтописные своды. А во вторыхъ, я отнюдь не отрицаю присутствія сказанія о призваніи въ начальной Русской лѣтописи; я доказываю только легендарный характеръ этого сказанія. Вообще любопытны разсужденія автора, относящіяся къ лѣтописной повѣсти о началѣ Русской земли (послѣдняя глава книги), любопытны по недостатку логики, произвольнымъ, гадательнымъ положеніямъ и такому запутанному, темному изложенію, что передать вкратцѣ ихъ содержаніе и смыслъ я рѣшительно не берусь.

Заявляя себя антинорманистомъ въ Варяго-Русскомъ вопросѣ, г. Филевичъ пребываетъ антиславистомъ въ вопросѣ о народности Болгаръ. „Мы не сомнѣваемся въ неславянствѣ Болгаръ“, признается онъ; но тутъ же противорѣчитъ себѣ, замѣчая объ отсутствіи исторической аналогіи для такого быстраго „этнографическаго перерожденія цѣлаго народа“ (324), что въ свою очередь не мѣшаетъ ему на слѣдующей же страницѣ смѣло и „рѣшительно утверждать“, что это перерожденіе Болгаръ „не представляетъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе продолжительное культурное и племенное воздѣйствіе на Болгаръ со стороны Славяно-Русскаго Юга“. „Русскій Югъ въ концѣ концовъ палъ, но особенно на Болгарахъ онъ сослужилъ добрую службу славянству“. Не смотря на такое рѣшительное утвержденіе, не правда ли въ высшей степени удивительнымъ является этотъ воображаемый подвигъ Руси? Оказывается, что никто другой, а именно она ославянила Дунайскихъ и Балканскихъ Болгаръ, при чемъ заставила ихъ говорить не Русскимъ языкомъ, а собственнымъ Болгарскимъ! Относительно Славянъ вообще г. Филевичъ повторяетъ рутинныя фразы о ихъ исконности, многочисленности, широкомъ распространеніи; но глубже VI вѣка или конца

V-го онъ не идетъ. Да и не можетъ идти: ибо имя Славянъ является только съ этого времени въ источникахъ; а что они жили уже въ Восточной Европѣ и на Дунаѣ ранѣе, только подъ другими именами, и преимущественно подъ именемъ Сарматъ—мои изысканія объ этомъ предметѣ онъ игнорируетъ. Да оно и понятно: вашъ покорнѣйшій слуга не обладаетъ такимъ авторитетомъ какъ гг. Ламбинъ, Пичъ, Иречекъ, К. Я. Гротъ, Куникъ, Гедеоновъ, Шембера, Войцѣховскій, Кентржинскій, Богуславскій и многіе другіе. Впрочемъ г. Филевичъ не всегда согласенъ и съ самимъ Ламбинымъ. Такъ напримѣръ, для объясненія названія Угличей онъ не ограничивается миѳическимъ угломъ—Буджакомъ; а отдѣляетъ отъ нихъ Уличей или, какъ онъ ихъ называетъ, *Улучичей* и сочиняетъ для послѣднихъ какое-то *Улучье* (296—304).

Общее впечатлѣніе, вынесенное мною изъ чтенія книги, это: во первыхъ, недостатокъ серьезной подготовки для того, чтобы трактовать вопросъ о происхожденіи Руси во всемъ его объемѣ и со всѣхъ его сторонъ, и вытекающее отсюда поверхностное отношеніе къ разнымъ болѣе или менѣе важнымъ его отдѣламъ. Во вторыхъ, нерѣдкіе фактическіе промахи, пренебреженіе историческими данными и сравнительно—историческимъ методомъ, при крайнемъ увлеченіи географической номенклатурой, въ концѣ концовъ не представившей никакихъ существенныхъ, доселѣ неизвѣстныхъ выводовъ. Въ третьихъ, недостатокъ вдумчивости и логичности, съ которымъ связанъ самый характеръ изложенія, довольно непослѣдовательный и запутанный. Отсюда много противорѣчій и темноты, рядомъ съ обиліемъ общихъ мѣстъ, ничего не доказывающихъ. Самый языкъ нерѣдко уснащается реченіями необычными и тяжело-придуманными, въ родѣ: „Славяно-русскаго самоопредѣленія", „эпохальнаго значенія", „говорныхъ переливовъ", „годовой сѣти" и т. п. Гораздо цѣлесообразнѣе было бы сосредоточиться хотя бы на Угорской Руси и сколько-нибудь выяснить ея историческія судьбы, благо авторъ изслѣдованія, по его словамъ, запасся десятиверстной картой, получилъ доступъ въ Австрійскіе архивы, и притомъ, въ качествѣ Варшавскаго профессора, обитаетъ почти по сосѣдству съ означенной Русью. А общій вопросъ о происхожденіи Руси и всего Славянства лучше бы оставить пока въ сторонѣ до пріобрѣтенія широкой исторической основы, вмѣстѣ съ сравнительнымъ историко-критическимъ методомъ, и до основательнаго ознакомленія съ источниками и литературою по сему вопросу.

Любопытно письмо г. Филевича, помѣщенное въ № 7.313 „Новаго Времени" (8 Іюля 1896 г.) и озаглавленное „У свѣжей могилы". Тутъ онъ печалуется о мадьяризаціи Угорской Руси, по поводу введенія богослуженія на Мадьярскомъ языкѣ. При семъ, считая негодными предыдущіе труды, посвященные нашей начальной исторіи, онъ объявляетъ, что вообще мы Русскіе якобы доселѣ не знаемъ, откуда идемъ, что мы „непомнящіе родства" и т. п. Такое заявленіе вмѣстѣ съ выходомъ въ свѣтъ означенной его диссертаціи могло возбудить надежду, что именно она-то намъ и откроетъ, наконецъ,

глаза на наше происхожденіе. Но, какъ мы видѣли, чтеніе ея приводитъ къ полному разочарованію: изъ нея мы не узнаемъ даже происхожденія той Угорской Руси, судьбу которой авторъ оплакиваетъ въ своей газетной статьѣ. Но то, что онъ говоритъ по сему поводу, свойственно болѣе заурядному фельетонисту, чѣмъ историку. Сей послѣдній долженъ бы знать, что Мадьяры съ самаго начала явились союзниками Нѣмцевъ для угнетенія и истребленія Славянъ и что эту роль они добросовѣстно исполняютъ до сихъ поръ.

*

Перейдемъ теперь къ новоявленной Нѣмецкой книгѣ другого профессора Русской исторіи (бывшаго Дерптскаго), г. Брикнера. Она заключаетъ въ себѣ первый томъ „Исторіи Россіи до конца XVIII столѣтія". Этотъ первый томъ не представляетъ систематическаго связнаго повѣствованія, а является рядомъ очерковъ разнообразнаго содержанія: географическаго, публицистическаго, этнографическаго, статистическаго и, наконецъ, историческаго. Очерки эти неравнаго достоинства; во всякомъ случаѣ, при извѣстномъ трудолюбіи и эрудиціи автора, они займутъ не послѣднее мѣсто въ Нѣмецкой литературѣ по Русской исторіи. Но едва ли не самымъ слабымъ въ научномъ отношеніи очеркомъ надобно считать посвященный Варяжскому вопросу (Die Warjagerfrage стр. 226—241). Если профессоръ Филевичъ, издавшій спеціальное изслѣдованіе о началѣ Руси, не обнаруживаетъ основательнаго знакомства съ настоящимъ состояніемъ этого вопроса въ Русской наукѣ, то еще менѣе можно ожидать таковаго знакомства отъ книги профессора Брикнера, трактующей вопросъ только съ точки зрѣнія общаго курса Русской исторіи, т. е. какъ одинъ изъ ея неизбѣжныхъ отдѣловъ. Онъ приводитъ разныя о немъ мнѣнія, начиная съ Петербургскихъ академиковъ прошлаго столѣтія и кончая Куникомъ, Гедеоновымъ, Томсеномъ, мною и пр. Но, повторяю, настоящее положеніе вопроса въ точности ему неизвѣстно. Напримѣръ, В. Г. Васильевскій помѣщается все еще къ числѣ скандинавомановъ, тогда какъ въ послѣднее время, какъ мы знаемъ, онъ отказался отъ теоріи сѣвернаго или Скандинавскаго происхожденія Руси, а перешелъ къ южному (Готскому). Разумѣется, симпатіи г. Брикнера склоняются къ старой Нѣмецкой школѣ норманистовъ, и онъ повторяетъ обычныя, теперь уже научно отсталыя, сужденія ихъ о невоинственномъ, осѣдломъ характерѣ и бытѣ Славянъ, ихъ якобы незнакомствѣ съ моремъ и т. п. Начальнаго лѣтописца Русскаго онъ по прежнему называетъ Несторомъ вмѣсто Сильвестра, и продолжаетъ ссылаться на него какъ будто бы на современника призванію князей, при чемъ поднятый мною вопросъ объ испорченномъ мѣстѣ легенды какъ бы совсѣмъ ему незнакомъ. Незнакомы ему и вновь открытые источники или новое объясненіе старыхъ (напр., Амастридская и Сурожская легенды, извѣстіе Хордадбега и т. д.). Между прочимъ мое указаніе на Славянскія божества въ договорахъ Русскихъ князей съ Греками онъ пытается устранить увѣреніемъ, будто „имена божествъ въ тѣ времена легко могли мѣняться". А „такой великій авторитетъ какъ Томсенъ", по его словамъ,

будто бы „указалъ не менѣе девяноста личныхъ именъ несомнѣнно-Скандинавскаго происхожденія въ первомъ столѣтіи Русской исторіи“. Не ознакомясь съ послѣдней научной фазой вопроса, авторъ однако приводитъ мнѣніе о лѣтописной легендѣ Серба Крыжанича, котораго сочиненія недавно изданы. Вообще этотъ очеркъ страдаетъ поверхностнымъ, дилетантскимъ отношеніемъ къ дѣлу и недостаткомъ историческаго безпристрастія, хотя авторъ проповѣдуетъ именно безпристрастіе. Но, какъ я сказалъ, для него существуютъ нѣкоторыя смягчающія обстоятельства.

—

Пользуюсь даннымъ случаемъ вновь сдѣлать оговорку, которую я не разъ уже дѣлалъ и прежде. Писатели, касающіеся Варяго-Русскаго вопроса, если и ссылаются на мои изысканія, то обыкновенно знакомство свое съ ними ограничиваютъ первыми моими статьями, написанными болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Но многое, что̀ въ этихъ статьяхъ было только намѣчено или указано, впослѣдствіи обработано или развито подробнѣе. Въ частностяхъ второстепеннаго и третьестепеннаго значенія кое-что оказалось излишествомъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ вопросу, особенно въ сферѣ этимологическихъ соображеній. Нѣкоторыя важныя стороны вопроса въ послѣдующихъ статьяхъ выдвинуты вновь; напримѣръ, несомнѣнная испорченность начальнаго текста лѣтописной легенды о призваніи, позднее появленіе въ исторіи названія *Славяне* и его постепенное распространеніе на племена, извѣстныя въ древности подъ другими именами, объясненіе народности Гунновъ и пр. Если эти позднѣйшія статьи, хотя и вошедшія въ сборникъ *Розысканій* и *Дополнительной полемики*, мало принимаются къ свѣдѣнію моими антагонистами, то написанныя въ послѣднія десять лѣтъ (по преимуществу въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Русскомъ Архивѣ) почти совсѣмъ игнорируются ими, конечно, въ ущербъ ученой добросовѣстности, о чемъ и приходится напоминать при случаѣ.

Д. Иловайскій.

ЗАБЫТОЕ БЛАГОДѢЯНІЕ.

Екатерина Великая говаривала, что когда она захочетъ заняться какимъ нибудь новымъ установленіемъ, то приказываетъ порыться въ архивахъ и отыскать, не говорено ли было о томъ при Петрѣ Великомъ, и почти всегда открывается, что предполагаемое дѣло уже имъ было обдумано".

Такими словами Екатерина охарактеризовала всеобъемлющую дѣятельность своего предшественника, ту дѣятельность, которая, вызывая удивленіе современниковъ и потомства, даровала ему приснопамятный титулъ „отца отечества" и „великаго". Развивая далѣе эту мысль, можно съ увѣренностью сказать, что не было въ нашемъ отечествѣ окраины, даже самой отдаленной, на которой не останавливалось бы вниманіе великаго труженика земли Русской, не было болѣе или менѣе крупнаго города въ Россіи, въ которомъ бы не оставилъ онъ слѣдовъ своихъ дѣяній, своихъ царственныхъ заботъ.

Къ числу такихъ городовъ, обязанныхъ своимъ современнымъ благосостояніемъ Петру Великому, несомнѣнно принадлежитъ Саратовъ. Поволжье и Саратовскій край съ давнихъ поръ привлекали вниманіе Петра, желавшаго утвердиться на берегахъ Каспія и Азовскаго моря, считавшаго необходимымъ оградить Волгу съ ея торговыми путями отъ хищническихъ набѣговъ кочевниковъ, которые въ то время хозяйничали въ степи. Отправляясь въ походъ подъ Азовъ, Царь впервыя ознакомился съ низовымъ Поволжьемъ и намѣтилъ будущую роль Саратова, для охраны котораго отъ набѣговъ вольницы и Татаръ онъ создалъ два города: Дмитріевскъ (нынѣшній Камышинъ) и Петровскъ, и учредилъ сторожевую линію отъ Царицына до Дона, съ проведеніемъ которой прекратились набѣги Ногайскихъ Татаръ. Въ 1695 году, по пути въ Азовъ, Царь въ первый разъ посѣтилъ Саратовъ, который, существуя уже слишкомъ сто лѣтъ, представлялъ собою въ то время небольшой укрѣпленный валомъ посадъ на правомъ берегу Волги, гдѣ, кромѣ инородцевъ, казаковъ и стрѣльцовъ, проживало нѣсколько сотъ Русскихъ семей. Бывшій въ то время Саратовскимъ воеводою Нестеровъ, во главѣ гражданъ, торжественно встрѣтилъ Царя и поддержалъ челобитье Саратовцевъ объ отводѣ имъ земельныхъ угодій и покосовъ.

Разсказываютъ, что Царь, въѣхавъ верхомъ на самое высокое, господствующее надъ всѣмъ городомъ мѣсто, такъ называемую „Соколову гору"

и любуясь съ высоты степпою и зарѣчною далью, указалъ рукою на все видимое пространство земель, которыми и пожаловалъ Саратовцевъ. Таково преданіе, сохранившееся до сихъ поръ въ устахъ народа. Подробности этого событія могутъ быть оспариваемы, но нѣтъ сомнѣнія, что челобитье Царю подавали, и что Петръ пожаловалъ Саратову земли. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и жалованная грамота его, данная 13 Марта 1701 года на имя тогдашняго Саратовскаго воеводы, стольника Алексѣя Новосильцова. Въ грамотѣ между прочимъ сказано: „...И нынѣ били челомъ намъ Великому Государю города Саратова ружники и всякихъ чиновъ градскіе жители. Въ прошломъ-де 1700 году, по нашему Великаго Государя указу и грамотѣ, отведено имъ къ городу Саратову на выпускъ и на табунныя пастбищи и на сѣнные покосы, и съ лѣсными угодьи по урочищамъ, и отводныя книги въ Приказъ Казанскаго дворца присланы; а владѣнной грамоты имъ не дано. И намъ Великому Государю пожаловати бъ велѣть имъ впредь для владѣнія дать съ тѣхъ отводныхъ книгъ нашу Великаго Государя грамоту съ прочетомъ, почему имъ тѣмъ отводнымъ выпускомъ и конскими пастбищи, и сѣнными покосы, и лѣсными всякими угодьи впредь владѣть... И какъ къ тебѣ ся наша Великаго Государя грамота придетъ, и ты-бъ имъ, Саратовскимъ жителямъ, тою отводною землею велѣлъ владѣть по нашему Великаго Государя по указу и сей грамотѣ и, списавъ съ сей грамоты списокъ, оставилъ въ Приказной Избѣ, а подлинную сю нашу Великаго Государя грамоту отдалъ имъ градскимъ жителямъ“ *).

Въ силу этой жалованной грамоты, подлинникъ которой въ современномъ спискѣ до сихъ поръ сохраняется въ мѣстной казачьей станицѣ, городъ Саратовъ сдѣлался владѣльцемъ обширныхъ земель на луговой и нагорной сторонахъ Волги, количество которыхъ, какъ говорятъ, доходило до 300 тысячъ десятинъ. Съ тѣхъ поръ прошло почти 200 лѣтъ; „ружники и всякихъ чиновъ градскіе жители“ Саратовскіе, о кои упоминается въ жалованной грамотѣ, въ то время едва ли имѣвшіе понятіе о городѣ, какъ о лицѣ юридическомъ, очевидно считали это пожалованіе личнымъ, и отъ того чего значительная часть этой городской земли разошлась по частнымъ рукамъ. Захваты эти были производимы въ такъ называемой „выгонной пропорціи“, т. е. землѣ, прилегающей къ городскому поселенію, предназначенной для выгона, на которомъ захватчики разводили сады, устраивали хутора и пожни. Съ теченіемъ времени значительное количество этой пожалованной земли было отобрано для казаковъ и Малороссовъ-солевозовъ, жителей нынѣшней слободы Покровской, вслѣдствіе чего отъ города отошла вся луговая Заволжская сторона. Что касается нагорной стороны, то здѣсь также было вымежевано значительное пространство изъ городскихъ земель въ пользу поселенныхъ въ Саратовѣ казаковъ Астраханскаго войска, а также „питомцевъ“ Воспитательнаго Дома (нынѣшній Николаевскій городокъ и Маріинская ферма).

---

*) Труды Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи, томъ IV, вып. III, Саратовъ 1894.

Какъ бы то ни было, благодаря Петру Великому городъ Саратовъ въ настоящее время является самымъ крупнымъ городомъ-землевладѣльцемъ въ Россіи, обладающимъ болѣе чѣмъ 70-ю тысячами десятинъ земли. Но не этими конечно матеріальными благами, дарованными городу, должны быть оцѣнены потомствомъ заслуги великаго монарха. „Безъ геніальной восточной политики Петра, безъ его перваго шага къ соединенію Каспія съ Балтійскимъ моремъ", какъ справедливо замѣчаетъ С. С. Краснодубровскій *), „не быть бы Саратову", тому Саратову, который изъ жалкой пограничной крѣпостцы съ населеніемъ въ нѣсколько сотъ душъ, съ теченіемъ времени, разросся до крупнаго торгово-промышленнаго центра съ почти 200 тысячнымъ населеніемъ, гдѣ установилась умственная жизнь, широко разлито народное образованіе, имѣются музей, библіотеки, ученыя общества и до 70 учебныхъ заведеній. Словомъ сказать, современный Саратовъ по справедливости можетъ быть названъ „столицей Поволжья", лишь отсутствіемъ университета уступающей соперницѣ-Казани.

Таковы экономическія и просвѣтительныя заслуги Петра по отношенію къ Саратову, о которыхъ городъ конечно не могъ не знать и которыя естественнымъ образомъ наводили на мысль о необходимости увѣковѣчить эти благодѣянія великаго монарха сооруженіемъ ему въ этомъ городѣ достойнаго и соотвѣтствующаго его величію памятника. Такъ повидимому взглянуло Саратовское городское управленіе, когда въ Маѣ 1891 года, во время торжественнаго празднованія 300-лѣтія города, Дума рѣшила „ознаменовать юбилейный день сооруженіемъ памятника императору Петру Великому, „которому городъ обязанъ своими земельными богатствами". Въ силу этого постановленія, подписаннаго всѣми наличными гласными, предположено соорудить этотъ памятникъ „исключительно на средства города" и воздвигнуть его на такъ называемой Старо-соборной площади, о чемъ и возбудить своевременно ходатайство передъ правительствомъ. Подробная разработка вопроса поручена Управѣ, съ тѣмъ чтобы по этому предмету она внесла свой докладъ на утвержденіе Думы. Въ Маѣ того же года Саратовская Городская Управа снеслась съ управами двухъ сосѣднихъ губерній, Астраханской и Самарской, въ которыхъ уже сооружены памятники царю-освободителю Александру II и, по наведеннымъ при этомъ справкамъ, оказалось, что памятники эти обошлись: Астрахани—въ 19.000, а Самарѣ—въ 72.000 рублей.

Но на этомъ повидимому и остановилась дѣятельность городскаго управленія. Недостатокъ ли матеріальныхъ средствъ, или вопросъ о пріисканіи художника-исполнителя, или иныя какія соображенія, но вопросъ о памятникѣ Петру Великому не получилъ дальнѣйшаго движенія. Можно думать, что онъ окончательно былъ бы забытъ, если бы спустя два года, въ 1893 году, не явилось крайне благопріятное для города обстоятельство, давшее

---

*) 1) Старые годы Саратова. 2) О памятникѣ Петру Великому въ Саратовѣ.

новый толчекъ этому забытому вопросу. Извѣстный нашъ художникъ, Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ, много лѣтъ проживающій въ Парижѣ, но сохраняющій постоянную связь съ Саратовомъ, какъ создатель Радищевскаго Музея и почетный гражданинъ города, принялъ живое участіе въ этомъ городскомъ дѣлѣ. Онъ предложилъ свое посредничество въ отысканіи художника, способнаго исполнить модель памятника для Саратова, и слѣдствіемъ таковаго посредничества явилось предложеніе Русскаго ваятеля, проживающаго въ Парижѣ, Петра Николаевича Тургенева *) исполнить модель памятника и доставить ее Саратову безвозмездно. Въ Іюнѣ 1893 года превосходная гипсовая моденъ конной статуи Петра Великаго была окончена и при письмѣ П. Н. Тургенева прислана въ Саратовъ, какъ даръ художника городу. Въ письмѣ своемъ П. Н. Тургеневъ заявлялъ, что согласно этой модели онъ берется изготовить бронзовый памятникъ, при чемъ, предлагая отдѣлку статуи, онъ „не имѣетъ въ виду собственной выгоды или разсчета, считая достаточной наградой выставить свое произведеніе на Русской землѣ". Онъ проситъ лишь возмѣщенія необходимыхъ издержекъ на матеріалъ для отлитія статуи изъ бронзы, что по его разсчету, составило бы сумму отъ 9 до 9½ тысячъ рублей.

Свое письмо П. Н. Тургеневъ заключаетъ просьбой устроить съѣздъ знающихъ людей для желательныхъ указаній и поправокъ, изъявляя при этомъ полную готовность сдѣлать, въ случаѣ надобности, всѣ необходимыя измѣненія въ проектѣ. Такимъ образомъ сооруженіе памятника Петру Великому, при даровомъ трудѣ ваятеля, „обошлось бы городу не болѣе 10.000 рублей", что по сравненію съ внушительной цифрой въ 72.000 рублей, израсходованныхъ Самарою, составило бы для Саратова незначительную трату.

Что же сдѣлалъ городъ? Какъ отнесся онъ къ этому прекрасному предложенію? Отвѣтъ на это мы находимъ въ № 275 „Саратовскаго Листка" отъ 15 Декабря 1893 г., въ замѣткѣ подъ заглавіемъ „По поводу модели памятника Петру Великому", гдѣ говорится, что даръ г. Тургенева въ Саратовѣ давно полученъ и выставленъ въ Городской Управѣ „для обозрѣнія"; а между тѣмъ ни А. П. Боголюбовъ, ни Н. П. Тургеневъ, положившіе въ это дѣло столько усердія и труда, „до сихъ поръ не получили даже простаго увѣдомленія о прибытіи модели въ Саратовъ". При этомъ авторъ замѣтки довольно снисходительно объясняетъ этотъ поступокъ тѣмъ, что члены Управы, „озабоченные текущими дѣлами", отложили обсужденіе этого вопроса на неопредѣленное время и что при томъ настоящія средства города отодвигаютъ исполненіе думскаго постановленія по поводу памятника до болѣе бла-

*) Читатели „Русскаго Архива" порадуются тому, что даровитый художникъ П. Н. Тургеневъ—сынъ приснопамятнаго Николая Ивановича и племянникъ того Тургенева, „Портретъ", котораго (въ стихахъ) напечатанъ въ IX-мъ выпускѣ нашемъ за нынѣшній годъ. Мы благодарны В. И. Салатову за указаніе, что стихи эти написаны Б. М. Ѳедоровымъ (Сочин. Батюшкова, I, кн. 2, стр. 370). П. Б.

гопріятнаго будущаго. Въ той же замѣткѣ говорится, что модель не удовлетворяетъ требованіямъ Саратовцевъ, какъ вслѣдствіе невѣрности, допущенной въ надписи на пьедесталѣ, такъ и по самой идеѣ памятника, положенію всадника, коня и т. д. [1])... Но вѣдь П. Н. Тургеневъ, присылая свой даръ, прямо заявлялъ, что онъ готовъ сдѣлать всѣ необходимыя измѣненія въ проектѣ, лишь бы даны были ему указанія. Управа, „озабоченная текущими дѣлами", такъ и не дала никакого отвѣта. Впрочемъ спѣшу оговориться: спустя два дня послѣ появленія замѣтки, а именно 17 Декабря, Управа написала коротенькое письмо П. Н.Тургеневу за подписью городскаго головы, въ которомъ, благодаря его „за желаніе сдѣлать въ высшей степени полезное пожертвованіе городу", сообщаетъ, что вопросъ о сооруженіи памятника, „за недостаткомъ средствъ, пока откладывается до болѣе благопріятнаго будущаго".

Когда наступитъ это благопріятное время, мы не знаемъ; но съ тѣхъ поръ прошло еще три года, а вопросъ этотъ, повидимому, такъ и канулъ въ Лету.

Недавно мнѣ пришлось прочесть въ „Новомъ Времени" статью г. Скальковскаго „о памятникахъ знаменитымъ Русскимъ людямъ", въ которой авторъ указываетъ на поразительное равнодушіе Русскаго общества къ своимъ великимъ людямъ. Авторъ, перечисляя заслуги нѣкоторыхъ государей и общественныхъ дѣятелей нашихъ, съ прискорбіемъ указываетъ на отсутствіе у насъ памятниковъ царю Ивану III, Алексѣю Михайловичу, митрополиту Филиппу [Колычеву] и даже княгинямъ Трубецкой и Волконской [2]).

Что же сказать послѣ этого о Саратовѣ, который при почти милліономъ бюджетѣ не находитъ десяти тысячъ рублей на сооруженіе памятника Петру?

К. Военскій.

Саратовъ, 1896.

---

[1]) На пьедесталѣ этой модели, находящейся въ настоящее время въ Радищевскомъ Музеѣ, художникомъ дѣйствительно изображена исторически-неточная надпись: *„Здѣсь быть Саратову"*. Петръ, представленный сидящимъ верхомъ на прекрасномъ, спокойно гарцующемъ конѣ, указываетъ рукою внизъ и, судя по надписи, какъ бы намѣчаетъ мѣсто, на которомъ долженъ быть построенъ городъ. Это невѣрно, такъ какъ Саратовъ основанъ былъ царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ въ 1590 году.П. Н. Тургеневъ, конечно, могъ не знать этой подробности, въ силу которой было бы умѣстнѣе изобразить Царя въѣхавшимъ на вершину Соколовой горы, сдерживающимъ одною рукою ретиваго коня, а другою, протянутою, какъ бы дарующимъ городу видимыя имъ земли. Все это, конечно, П. Н. Тургеневъ принялъ бы къ свѣдѣнію и, конечно, нѣсколько видоизмѣнилъ бы свой проектъ, если бы городъ своевременно потрудился сообщить ему эти подробности. К. В.

[2]) Даже! П. Б.

1859 ГОДЪ НА АМУРѢ.

Тогдашніе и тамошніе шуточные стихи.

Какъ въ Амурской области,
А и Господи прости,
Словно у людей,
Завелись дѣла, порядки:
Просятъ свѣта, гонятъ взятки,
Чудеса ей, ей!

*

Генералъ Иркутскій Гуссе,
Губернаторъ въ новомъ вкусѣ,
Дуй его горой!
Онъ большой руки ораторъ,
Дипломатъ, администраторъ,
Онъ же и герой.

*

Хоть наружностью невзраченъ,
Но воинственный Маймачинъ
Штурмомъ чуть не взялъ.
При здоровьи своемъ слабомъ
Онъ Иркутскимъ главнымъ штабомъ
Бойко заправлялъ.

*

Честь кровавого похода
Пятьдесятъ шестаго года
Свято чтитъ страна.
Вотъ по этимъ-то заслугамъ,
Говорятъ, къ его услугамъ
Область создана.

*

Весь облитъ мишурнымъ свѣтомъ,
Онъ пріѣхалъ прошлымъ лѣтомъ
Съ молодой женой.

Подождемъ, что̀ будетъ дальше,
А покуда генеральша
Тѣломъ и душой!

*

Понабрались съ ними франты,
Гальтерманы, Гильдебранты;
Тутъ же и Петровъ.
Поломали стары хаты,
Возвели дворцы-палаты,
Хоть морозь волковъ!

*

Обезпечивъ помѣщеньемъ,
Принялись за управленье
Что̀ всего нужнѣй.
Мы потомъ займемся краемъ,
Перво на перво Китаемъ:
Это поважнѣй!

*

Вѣдь Китайцы крайне глупы,
Неразвиты, грязны, тупы,
Ну ихъ воспитать!
Они страшные невѣжи;
Принимать ихъ будемъ рѣже,
Чаще къ нимъ писать.

*

Вотъ Асламову работа!
То и дѣло пишетъ ноты
Въ Айгунъ ко двору.
Ихъ тамъ можетъ быть читаютъ,
Да все насъ-то не пускаютъ
Вверхъ по Сунгару́;
Да и въ Айгунъ-то пробраться
Не всегда легко, признаться.

*

Былъ такой случай:
Разъ, инкогнито, зимою
Онъ поѣхалъ тамъ съ женою
Праздникъ посмотрѣть;
И погрѣться не пустили,
Все по улицамъ водили.
Словно на показъ!

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ СМОЛЕНСКАГО ДВОРЯНИНА.

Въ „*Воспоминаніяхъ доживающаго свой вѣкъ Смоленскаго дворянина*", напечатанныхъ въ Январьской книгѣ „Русской Старины" 1896 г., гдѣ рѣчь идетъ о Московскихъ профессорахъ медицинскаго факультета, встрѣчаются многія неточности. Въ біографическихъ замѣткахъ, предназначенныхъ для печати, неточностей не должно быть, и грѣшно бы было оставить эти неточности неисправленными, такъ какъ они касаются лицъ, изъ которыхъ многія въ свое время составляли гордость Московскаго Унивеситета и пользовались вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ. Невѣрности, хотя бы и неимѣющія важнаго значенія, невольно возбуждаютъ недовѣріе къ автору. Приводя исправленія, я однако не желаю дѣлать упрекъ разскащику, „доживающему свой вѣкъ" и не считаю его ошибки умышленными. Ошибки всегда возможны, тѣмъ болѣе, что авторъ не былъ близко знакомъ съ описываемыми имъ личностями; къ тому же въ преклонныхъ лѣтахъ память нерѣдко измѣняетъ.

Заговоривъ о профессорѣ минералогіи Григоріи Ефимовичѣ Щуровскомъ, авторъ рисуетъ его суровымъ, *согбеннымъ подъ тяжестью лѣтъ*, сердито и неохотно пропускающимъ слова сквозь зубы. Лекціи его будто бы посѣщались немногими.

Въ описываемое время, т. е. въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, Г. Е. Щуровскій имѣлъ не болѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду и вовсе не былъ согбеннымъ и дряхлымъ старикомъ *).

Правда, въ отношеніи къ слушателямъ онъ былъ сухимъ, холоднымъ и на экзаменахъ довольно строгимъ. Въ силу послѣдняго обстоятельства лекціи его всегда усердно посѣщались студентами, не желавшими, какъ говорится, провалиться на экзаменѣ. Всегда строго относясь къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ, какъ ученый, пользовавшійся извѣстностью, онъ не заискивалъ въ студентахъ и къ сжато - изложеннымъ лекціямъ не примѣшивалъ балагурства. Студенты всегда относились къ нему съ полнымъ уваженіемъ. При сухой и холодной внѣшности, Щуровскій въ тоже время былъ человѣкъ отзывчиваго, добраго сердца.

---

*) Г. Е. Щуровскій родился 30 Янв. 1803 г., скончался 20 Марта 1884 г.

Профессоромъ описательной анатоміи былъ Иванъ Матвѣевичъ Соколовъ; Николай же Дмитріевичъ Никитинъ былъ прозекторомъ, и ему, какъ адъюнкту, предоставлено было право заниматься практическою анатоміею на трупахъ со студентами 2-го курса. На немъ и его помощникѣ К. М. Балашевѣ лежала обязанность приготовлять препараты для лекцій описательной анатоміи и чтобы препаратъ не испортился, заготовка дѣлалась наканунѣ, много за день до лекціи. На цѣлыхъ же, разложившихся трупахъ анатомія не читалась; поэтому и воздухъ въ аудиторіи не могъ быть невыносимымъ.—Деканъ медицинскаго факультета Николай Богдановичъ Анке читалъ не терапію, а фармакологію. Авторъ воспоминаній почему-то ставитъ на видъ равнодушіе и сонливость декана во время защиты диссертацій на степень доктора. На диспутахъ возраженія докторанту дѣлаютъ оппоненты, заранѣе назначаемые факультетомъ и просматривающіе диссертацію; на деканѣ же не лежитъ прямой обязанности дѣлать возраженія. Кстати нужно замѣтить, что Анке пользовался большою популярностью въ средѣ студентовъ; любили его, какъ декана и какъ профессора, за то, что онъ относился къ студентамъ отечески и получившимъ у него неудовлетворительныя отмѣтки на экзаменѣ давалъ возможность подготовиться и всегда допускалъ къ переэкзаменовкѣ. Нерѣдко бывало, что докторанты и студенты по два и по три раза пользовались снисходительностію профессора, и въ концѣ концовъ подготовившись, выдерживали экзаменъ. Въ кругу своихъ знакомыхъ Анке былъ веселымъ собесѣдникомъ и всегда желаннымъ гостемъ. Въ описываемое время про него ходило много анекдотовъ, и его остроты были извѣстны далеко за предѣлами Университета.

Описывая экзаменъ изъ Богословія, на которомъ присутствовалъ, оставшійся недовольнымъ чѣмъ-то, митрополитъ Филаретъ, авторъ воспоминаній видѣлъ его уже уходящимъ изъ аудиторіи и слышалъ, какъ онъ *постукивалъ* посохомъ. Врядъ ли это было такъ. Посохъ носится архіереями только при богослуженіи и при участіи въ крестныхъ ходахъ.

Вспоминая о свѣтилахъ медицинскаго факультета, которыми въ описываемое время были Александръ Ивановичъ Оверъ и Ѳедоръ Ивановичъ Иноземцевъ, авторъ посвятилъ цѣлую страницу первому изъ нихъ, хотя и переполненную далеко не лестными отзывами, и несомнѣнно почерпалъ свѣдѣнія изъ источниковъ, не заслуживающихъ довѣрія. Иноземцова онъ представляетъ какимъ-то оригиналомъ и слишкомъ блѣдно рисуетъ этотъ портретъ во всѣхъ отношеніяхъ достопамятнаго врача и человѣка. Авторъ какъ будто ставитъ въ упрекъ А. И. Оверу, что онъ, являясь въ мундирѣ, бывалъ обвѣшанъ не менѣе тридцатью орденами разныхъ государствъ. Автору вѣроятно неизвѣстно, что иностранные ордена пожалованы были Оверу не за деньги, не за встрѣчи на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ, не за успѣшное пользованіе высокопоставленныхъ иностранныхъ особъ или ихъ камердинеровъ, а за ученый трудъ. Трудъ этотъ заключался въ составленномъ и пре-

восходно изданномъ Оверомъ патолого-анатомическомъ атласѣ, поднесенномъ многимъ изъ иностранныхъ государей, оцѣнившихъ его по достоинству. Не задолго до своего выхода въ отставку Оверъ будто бы почти совсѣмъ перересталъ читать лекціи и даже посѣщать клиники, и вмѣсто него читалъ ассистентъ. Послѣдній годъ профессорства Овера, очень хорошо сохранившійся въ памяти пишущаго эти строки, ничѣмъ не отличался отъ предшествовавшихъ лѣтъ. Въ этотъ годъ А. И. Оверъ очень часто посѣщалъ клиники и продолжалъ также увлекательно читать. Ассистентъ же его, Корнелій Яковлевичъ Млодзѣевскій, обычно читалъ свой предметъ—діагностику болѣзней. Оверъ былъ однимъ изъ послѣднихъ профессоровъ, читавшій лекціи при постелѣ и въ присутствіи больныхъ на изящномъ Латинскомъ языкѣ, которымъ, кстати сказать, владѣлъ онъ въ совершенствѣ и не имѣлъ себѣ въ этомъ отношеніи соперниковъ.

Далѣе въ воспоминаніяхъ говорится о томъ, что будто бы во время своего отсутствія Оверъ не только утратилъ свою прежнюю популярность между студентами, но даже заслужилъ названія „невѣжды" и „идіота" и, при первомъ его появленіи въ клиники, студенты готовились его освистать; но вышло совсѣмъ наоборотъ. При появленіи Овера въ бѣломъ галстухѣ (котораго нужно замѣтить онъ никогда не носилъ) и по окончаніи лекціи, вмѣсто шиканья поднялся такой ревъ „браво", такой ураганъ хлопанья въ ладоши, что ничего подобнаго даже и не снилось профессорамъ, искавшимъ популярности. Мало того, вся аудиторія бросилась вслѣдъ за нимъ, и одобренія продолжали сыпаться и на лѣстницѣ, и въ сѣняхъ, гдѣ онъ уже надѣвалъ шубу.

Начать съ того, что о свисткахъ и шиканьи не было и помину, покрайней мѣрѣ въ громадномъ большинствѣ студентовъ, слушавшихъ Овера. Точно также не слыхать было о вышеприведенныхъ болѣе нежели грубыхъ и вовсе неподходящихъ къ Оверу эпитетахъ. Взрывъ же долго неумолкавшихъ рукоплесканій вызванъ былъ не лекціей, которая читалась всегда въ клиническихъ палатахъ, а блестящею по содержанію и по изложенію прощальною рѣчью Овера, сказанною имъ по случаю оставленія профессорства и выхода изъ Университета. Прощанье происходило въ такъ называемой акушерской аудиторіи, въ нижнемъ этажѣ клиникъ, такъ что по лѣстницѣ провожать профессора не было надобности.

Заканчивая воспоминанія объ Оверѣ, авторъ почему-то вздумалъ произвести его въ камергеры Двора Его Императорскаго Величества. Вѣроятно эту придворную должность авторъ смѣшалъ съ званіемъ почетнаго лейбъмедика, какимъ дѣйствительно былъ Оверъ.

Автору почему-то казалось, что въ наружности и одеждѣ Ѳ. И. Иноземцева бросалась въ глаза какая-то небрежность. Въ данномъ случаѣ

можно заподозрить автора въ томъ, что онъ когда либо видѣлъ вблизи Иноземцева. Напротивъ того и по наружности, и по костюму онъ выдѣлялся въ толпѣ. Къ больнымъ онъ всегда являлся въ изящно сшитой черной парѣ, во фракѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы и нерѣдко со звѣздою, такъ какъ въ описываемое время къ орденамъ относились съ гораздо бо́льшимъ уваженіемъ нежели теперь, да и давались ордена не такъ щедро, какъ впослѣдствіи. Далѣе авторъ подмѣтилъ въ Иноземцевѣ какую-то оригинальность. Иноземцевъ не отличался никакими оригинальностями или выходками и не прибѣгалъ къ фокусамъ, чтобы произвести впечатлѣніе на больныхъ или студентовъ. Точно также и не прибѣгалъ онъ къ тѣмъ маневрамъ, разсчитаннымъ на студенческія аплодисменты, къ которымъ, какъ выше говоритъ авторъ воспоминаній, прибѣгали нѣкоторые профессора. Слава его была дѣйствительно громадна, но при этомъ автору слѣдовало бы добавить, что Ѳ. И. ея вполнѣ заслуживалъ. Очень жаль, что авторъ, упоминая о какой-то кажущейся небрежности и оригинальности Иноземцева, ни слова не говоритъ насколько онъ былъ внимателенъ и сострадателенъ къ больнымъ, обращавшимся къ нему за медицинскою, а нерѣдко и за матеріальною помощью. Страждущіе всевозможными недугами стекались къ нему не только со всей Москвы, но приходили и пріѣзжали изъ далека. Въ то время не было лѣчебницъ, гдѣ бѣдные за ничтожную плату или безплатно могли бы воспользоваться медицинскимъ совѣтомъ. Первая изъ лѣчебницъ, Общества Русскихъ Врачей, была открыта незадолго до кончины Иноземцева. Въ пріемной же у него самого были широко открыты двери, и входившіе въ нихъ и бѣдняки, и люди состоятельные находили всегда внимательный и теплый пріемъ.

О размѣрѣ гонорара за совѣтъ и помину не было. Да Иноземцевъ счелъ бы личнымъ для себя оскорбленіемъ предварительный торгъ о вознагражденіи за консультацію или посѣщеніе больнаго.

Послѣдними изъ медицинскихъ профессоровъ, въ воспоминаніяхъ описанъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ Алексѣй Ивановичъ Полунинъ. Онъ почему-то казался автору воспоминаній оригинальнѣе всѣхъ и по наружности, и по манерѣ говорить, и даже по голосу, будто бы походившему на гусиный. „Маленькій, лысый, съ зачесанными впередъ жиденькими висками, въ допотопномъ фракѣ и ходилъ-то онъ какъ-то особенно, подпрыгивая на каждой ногѣ“.

Лекціи свои Полунинъ читалъ дѣйствительно нѣсколько нараспѣвъ, потому что онъ хотя и не сильно, но заикался. Чтобы загладить этотъ недостатокъ рѣчи, онъ говорилъ не спѣша, протяжно, но въ тоже время выразительно. Роста онъ былъ невысокаго, но и не маленькаго, плотно сложенный; но смѣшнаго и оригинальнаго въ его наружности и въ походкѣ ничего не было. Походка его была медленная, но ровная, и подпрыгивающимъ его никому не удавалось

видѣть. Одѣтъ онъ былъ всегда скорѣе щеголевато, а не въ допотопный вицъ-мундиръ. Полунинъ пользовался извѣстностью въ ученомъ мірѣ не за свои сочиненія, какъ говорится въ воспоминаніяхъ, а за переводы, отличавшіеся необыкновенною точностью и служившіе въ то время руководствами для медиковъ. Въ заключеніе замѣтки о Полунинѣ, авторъ воспоминаній дѣлаетъ ему списхожденіе, допуская, что Полунинъ кромѣ смѣшныхъ сторонъ *вѣроятно* имѣлъ очень много серьезныхъ и замѣчательныхъ.

Да, дѣйствительно Полунинъ имѣлъ въ себѣ много хорошаго и достойнаго подражанія. Начать съ того, что онъ былъ совершенною противоположностью автора воспоминаній. Полунинъ видѣлъ или, по крайней мѣрѣ, желалъ видѣть въ людяхъ только хорошія стороны. Ни о комъ, въ особенности же о своихъ сослуживцахъ и врачахъ, ни въ глаза, ни за глаза, не говорилъ онъ дурнаго и до крайности былъ деликатенъ рѣшительно со всѣми. Корыстолюбіе для него было чуждо. Деликатность не покидала его даже въ обращеніи съ университетскими служителями; при разговорѣ съ ними онъ всегда имъ говорилъ „вы". А это было въ то время, когда еще господствовало крѣпостное право. Въ особенности же добродушно относился онъ къ старослуживому сторожу анатомическаго театра Ново-Екатерининской больницы, гдѣ онъ почти ежедневно читалъ патологическую анатомію для студентовъ 5-го курса. Онъ его называлъ не иначе какъ по имени и отчеству, Иваномъ Ивановичемъ, котораго авторъ воспоминаній почему-то передѣлалъ въ „Ганса". Иванъ Ивановичъ, какъ по фигурѣ, такъ и по говору, былъ типичною личностью, хорошо знакомою всѣмъ студентамъ-медикамъ, и въ свое время игралъ нѣкоторую роль. На его попеченіи, между прочимъ, былъ и патолого-анатомическій кабинетъ, въ которомъ хранились патолого-анатомическіе препараты. Со всѣми препаратами, нерѣдко очень схожими между собою, но не имѣвшими надписей, Иванъ Ивановичъ, прослужившій при кабинетѣ не одинъ десятокъ лѣтъ, былъ коротко знакомъ. Это знакомство съ препаратами давало поводъ къ сближенію студентовъ съ Иваномъ Ивановичемъ. Студенты, не твердо знавшіе содержимое безчисленнаго ряда банокъ, передъ репетиціями и экзаменомъ прибѣгали за помощью къ Ивану Ивановичу, объяснявшему препараты. А не угадать на экзаменѣ препарата влекло за собою полученіе неудовлетворительной отмѣтки. Чтобы быть всегда готовымъ къ услугамъ профессора, Иванъ Ивановичъ зачастую, въ особенности при вскрытіи труповъ, присутствовалъ на лекціяхъ, присаживаясь къ студентамъ.

Минуя характеристику профессоровъ другихъ факультетовъ, занесенную на страницы воспоминаній, нельзя пройти молчаніемъ замѣтокъ, касающихся въ свое время всеобщаго любимца, профессора зоологіи Карла Францовича Рулье (названнаго въ воспоминаніяхъ Францомъ Яковлевичемъ). Лекціи Рулье, по словамъ автора замѣтокъ, „такъ и сверкали огнями остроумія и веселости, и на нихъ всегда собирались во множествѣ посторонніе слуша-

тели". Да, дѣйствительно лекціями Рулье интересовались не одни естественники, но и медики, и юристы *). Весьма обширная такъ называемая большая математическая аудиторія въ новомъ зданіи Университета бывала биткомъ набита, когда на каѳедру всходилъ Рулье. Но вѣдь не одна веселость и остроуміе профессора привлекали въ аудиторію слушателей. Каждому хотѣлось послушать Рулье, какъ человѣка дѣйствительно и богато одареннаго необыкновенною способностью живо, увлекательно и краснорѣчиво излагать лекціи и дѣйствовать ими не только на умъ, но и на сердца слушателей. Помимо того, Рулье, талантливый профессоръ, пользовался извѣстностью и какъ ученый палеонтологъ и геологъ. Про него безъ преувеличенія можно сказать: это былъ выдающійся профессоръ, замѣчательный учитель и ученый, но и одна изъ выдающихся личностей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія.

Причиною смерти Рулье былъ не переломъ ноги, заставившій его долгое время ходить на костыляхъ, какъ ошибочно сообщается въ воспоминаніяхъ, а апоплексическій ударъ, вслѣдствіе котораго Рулье скончался въ ночь съ 9-го на 10-е Мая 1858 г., на Тверской площади, у дома Варгина.

В. Попандопуло.

*) И словесники. Со скучныхъ лекцій Клина и Менщикова мы уходили заслушиваться Рулье, лекціи котораго были необыкновенно занимательны. Онъ владѣлъ Русскою рѣчью не хуже Грановскаго. Нельзя не пожалѣть, что печатныя статьи этого „друга природы" не собраны: вышла бы прекрасная книга для обще-образовательнаго чтенія. П. Б.

ОБЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ.

Всякій, кому дороги наши древніе памятники, а тѣмъ болѣе памятники церковные, будетъ смущенъ и огорченъ, узнавъ о поврежденіяхъ, нанесенныхъ Успенскому собору въ Сергіевой Лаврѣ, благодаря неосторожности и небрежности.

Въ недавнее время въ Лаврѣ были предприняты работы по расширенію крипты (подвала) подъ Успенскимъ соборомъ. Мы не знаемъ, за чѣмъ понадобились эти работы; въ Сергіевомъ посадѣ говорятъ, будто начальство Лаврское предприняло расширеніе крипты съ тою цѣлью, чтобы устроить подъ соборомъ усыпальницу для богатыхъ людей. Мы отказываемся вѣрить этому, потому что до сихъ поръ въ Лаврскихъ храмахъ за деньги никого не хоронили.

Успенскій Лаврскій соборъ—величественный памятникъ архитектуры XVI вѣка. Столпы соборные утверждены на бутовомъ фундаментѣ изъ громадныхъ камней и имѣли, кромѣ того, для бо́льшей прочности, широкіе каменные откосы во всѣ стороны; ихъ-то и рѣшено было сломать, чтобы расширить крипту.

Надо замѣтить, что строители собора вполнѣ основательно положили такое солидное основаніе для столповъ собора, потому что въ Троицкой Лаврѣ подпочвенныя воды стоятъ весьма высоко, такъ что напр. въ могилахъ около Успенскаго собора появляется вода. Въ самомъ соборѣ замѣчается нѣкоторая сырость, отчего попорчена нѣсколько стѣнопись собора. Сырость въ Успенскомъ соборѣ усилилась съ тѣхъ поръ, какъ былъ засыпанъ, еще по приказанію митрополита Филарета, прудъ, находившійся прежде передъ зданіемъ Московской Духовной Академіи, о чемъ, какъ о своей ошибкѣ, говоритъ самъ святитель въ одномъ изъ своихъ писемъ къ намѣстнику Лавры архимандриту Антонію. Извѣстно, что и мощи преподобнаго Сергія, до обрѣтенія ихъ, 30 лѣтъ находились въ водѣ *). Сыры и нѣкоторыя кельи въ Лаврѣ.

*) Близъ монастыря жилъ одинъ благочестивый человѣкъ, который имѣлъ великую вѣру въ преподобнаго Сергія и который часто приходилъ молиться къ его гробу. Въ одну ночь, когда послѣ домашней молитвы онъ сведенъ былъ въ тонкій сонъ, явился ему преподобный Сергій и сказалъ: „Возвѣсти игумену монастыря моего (пр. Никону), что напрасно столько времени оставляетъ онъ меня покрытымъ землей, въ которой вода утѣсняетъ (заливаетъ) мое тѣло“. Послѣ этого и были открыты мощи преп. Сергія 5 Іюля 1422 г. (проф. Е. Голубинскій: Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра 1892, стр. 52. См. тоже Горскаго: Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы Лавры. М. 1890, стр. 63).

Желая расширить крипту, принялись ломать откосы у соборныхъ столповъ; было вывезено уже 30, если не болѣе, возовъ мусору, какъ вдругъ столпъ, у котораго находится лѣвый клиросъ, осѣлъ нѣсколько, и арка, связывающая его съ алтарной областью, дала трещину, а также лопнула желѣзная связь, соединяющая въ этомъ мѣстѣ части зданія. Тогда, опасаясь за цѣлость древняго храма, поспѣшили прекратить эти работы, и нанесенныя ими поврежденія были исправлены; но кто знаетъ, не представляется ли дальнѣйшей опасности для цѣлости собора?

Припомнимъ, что Успенскій лаврскій соборъ построенъ по подобію Успенскаго собора въ Москвѣ при Іоаннѣ Грозномъ, столь любившемъ Троице-Сергіевъ монастырь, въ которомъ онъ былъ крещенъ; монастырь при немъ почти весь былъ перестроенъ. Соборъ былъ освященъ вскорѣ послѣ смерти Грознаго, 15-го Августа 1585 г. Въ соборѣ погребены Московскіе архипастыри, священно-архимандриты Лавры: архіепископъ Августинъ († 1819 г.) и митрополиты Макарій († 1882 г.) и Леонтій († 1893 г.), архіепископъ Рязанскій Моисей († 1651 г.), бывшій ранѣе протопопомъ Московскаго Благовѣщенскаго собора и духовникомъ царя Михаила Θеодоровича, постриженникъ Троице-Сергіева монастыря. Тѣло его было привезено къ Троицѣ изъ Рязани. Онъ оставилъ послѣ себя на украшеніе стѣннымъ письмомъ Успенскаго собора 4.000 р. Изъ свѣтскихъ лицъ въ соборѣ погребена Марѳа (въ мірѣ Марія) Владимировна, дочь князя Владимира Андреевича Старицкаго, двоюроднаго брата Іоанна Грознаго, жена Датскаго принца Магнуса, короля Ливонскаго († 1614 г.), и дочь ея Евдокія. На паперти собора были положены тѣла Бориса Годунова, жены его Марьи Григорьевны, сына Θеодора († 1605 г.) и дочери Ксеніи (во иночествѣ Ольги, † 1622 г.). Паперть была уничтожена въ прошломъ столѣтіи, и могила ихъ оказалась внѣ собора; надъ нею поставлена скромная палатка.

Неужели даже подъ Москвою столь цѣнные памятники древности не безопасны отъ разрушенія и искаженій? Дало ли свое согласіе на расширеніе крипты подъ Успенскимъ соборомъ Императорское Московское Археологическое Общество или, быть можетъ, эти работы были произведены помимо этого общества?

Во всякомъ случаѣ нельзя живѣйшимъ образомъ не интересоваться этимъ дѣломъ, и было бы весьма желательно его разъяснить.

А. Н. О—въ.

ПО ПОВОДУ РАЗСКАЗОВЪ А. В. ЭВАЛЬДА.

Прочитавъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (Августъ 1896) нѣсколько главъ изъ „Разсказовъ объ императорѣ Николаѣ I“ А. В. Эвальда, я была поражена и возмущена множествомъ невѣрно переданныхъ, невѣрно освѣщенныхъ обстоятельствъ, и не могу отказать себѣ въ желаніи возстановить въ настоящемъ свѣтѣ эти обстоятельства и событія, изъ коихъ одни мнѣ точно и достовѣрно извѣстны, относительно же другихъ я могу съ достовѣрностью сказать, насколько они вѣроятны и возможны. Послѣднее относится къ нѣкоторымъ юношескимъ, кадетскимъ воспоминаніямъ г-на Эвальда (глава „Зонтики“ стр. 330). Я ихъ конечно коснусь слегка, поскольку они сами касаются характера въ Бозѣ почившей государыни императрицы Александры Θеодоровны. Для всякаго, имѣвшаго счастіе лично знать ее, грустно и больно видѣть, какъ авторъ этихъ воспоминаній старается набросить какую-то тѣнь суровости на нее, всегда исполненную материнскинѣжной снисходительности къ учащимся юношеству и къ молодежи.

Г-нъ Эвальдъ въ „Разсказахъ объ императорѣ Николаѣ I“, говоритъ, что, во время лагернаго сбора кадетъ, „государь разрѣшалъ иногда послѣ какого-нибудь смотра или ради какого-нибудь праздника отпускать насъ (т. е. кадетъ) въ Александровскій паркъ“ *) и проч. Во-первыхъ, Петергофскій Александровскій паркъ не есть Александрія (Коттеджъ), гдѣ проживали Ихъ Величества лѣтомъ и куда рѣшительно никто постороннихъ не допускался кромѣ приближенныхъ и спеціально-приглашенныхъ лицъ. Только разъ въ годъ дѣлалось исключеніе: 2-го Іюля скромное жилище Ихъ Величествъ предоставлялось вполнѣ публикѣ и народу; кадетовъ тоже водили на эти гулянія партіями подъ надзоромъ воспитателей. Быть можетъ, по какому либо случаю кадеты и были допущены погулять въ Александріи въ другое время, но все же партіями, подъ надзоромъ старшихъ, и едва ли могъ г-нъ Эвальдъ подойти къ коляскѣ императрицы и подать Ея Величеству пачку зонтиковъ, забытыхъ лакеемъ (стр. 331). Допускаю, что и это могло быть; но чтобъ императрица Александра Θеодоровна „не только меня не поблагодарила (какъ выражается г-нъ Эвальдъ), но еще сурово взглянула на меня и молча, перебравъ нѣсколько рукоятокъ, взяла одинъ изъ зонтиковъ“ и проч., этого положи-

*) Находящійся близъ кадетскаго лагеря.

тельно допустить невозможно: это совсѣмъ не въ привычкахъ было кроткой и доброй императрицы Александры Ѳеодоровны. Никогда ни на кого императрица Александра Ѳеодоровна не смотрѣла сурово и даже если кто нибудь изъ приближенныхъ и заслужитъ, бывало, ея неудовольствіе, то она кротко и покойно скажетъ только: „я браню", и тѣмъ все кончается. А тутъ мальчикъ, желавшій услужить Ея Величеству (да еще кадетъ) заслужилъ ея суровый взглядъ: этого быть не могло.

Дальше на стр. 332-й говорится о постоянномъ пребываніи Ихъ Величествъ осенью въ Гатчинѣ. Это тоже неправильно. Страницы 346 и 351 о кончинѣ Николая I тоже представляютъ неправильности, но онѣ слишкомъ несущественны для читателя, чтобъ ихъ разбирать подробно. Поэтому я перехожу прямо къ стр. 345, къ главѣ, которая названа „Николай I какъ супругъ". Въ этой главѣ сказано столько неправды, что трудно и приступить къ опроверженію; все ложно за исключеніемъ той горячей любви и уваженія, которыя государь питалъ къ императрицѣ. Дѣйствительно, императоръ Николай Павловичъ былъ замѣчательный супругъ и глубоко цѣнилъ высокія качества души и сердца своей несравненной супруги, о которой къ сожалѣнію въ настоящее время далеко стоящіе и вовсе не знавшіе императрицу Александру Ѳеодоровну люди распространяютъ Богъ вѣсть какія небылицы; и тѣмъ еще это грустнѣе, что въ дѣйствительности она была одна изъ достойнѣйшихъ, добрѣйшихъ и снисходительнѣйшихъ государынь. А какое благотворное вліяніе императрица Александра Ѳеодоровна имѣла на Государя, какъ она умѣла своей кротостью и добротой смягчать суровыя стороны характера своего великаго супруга! Да, дѣйствительно императоръ Николай Павловичъ любилъ свою супругу, какъ только можно любить, угождалъ ей во всемъ и старался доказывать ей свою любовь во всѣхъ возможныхъ случаяхъ жизни; но чтобъ „онъ былъ расточителенъ, когда дѣло касалось императрицы Александры Ѳеодоровны и не жалѣлъ никакихъ расходовъ, чтобъ доставить ей малѣйшее удовольствіе", какъ говоритъ г-нъ Эвальдъ на стр. 345, это не вѣрно. Николай Павловичъ былъ слишкомъ мудръ, чтобъ такъ поступать, а императрица слишкомъ его любила въ свою очередь и была слишкомъ разумна и разсудительна, чтобъ требовать или принимать отъ него подобныя дѣйствія.

Г-нъ Эвальдъ позволяетъ себѣ разсказывать на стр. 346-й, что, „такъ какъ императрицѣ не нравилась мѣстная вода, то изъ Петербурга каждый день особые курьеры привозили боченки Невской воды въ Ниццу". Это *чистая небылица*, и даже если въ самомъ дѣлѣ г-нъ Эвальдъ, возвращаясь, какъ сказано на той же страницѣ, изъ Берлина въ Петербургъ, встрѣтилъ курьера на поѣздѣ, оказавшагося изъ числа тѣхъ курьеровъ, которые будто возили воду для императрицы Александры Ѳеодоровны изъ Петербурга въ Ниццу, то этотъ курьеръ просто болталъ, видя, что есть люди слушающіе его и вѣрящіе его глупымъ разсказамъ.

Г-нъ Эвальдъ на той же стр. повѣствуетъ: „Однажды по маршруту императрицѣ приходилось переночевать въ Вильнѣ. Для этой остановки

всего на одни сутки былъ купленъ домъ за сто тысячъ, заново отдѣланъ и меблированъ, отъ подваловъ до чердака". Хотѣла бы я знать, отъ кого это свѣдѣніе было получено г-номъ Эвальдомъ. Странно, что мы, приближенные къ Александрѣ Θеодоровнѣ, путешествовавшіе съ Ея Величествомъ и проѣзжавшіе не разъ съ нею черезъ Вильну, *никогда не видали* этого купленнаго и вполнѣ устроеннаго на одну ночь дома и даже *не слыхали* о существованіи его. Когда императрица останавливалась въ Вильнѣ, какъ и въ другихъ городахъ, то она проводила ночь (а если остановка была днемъ, то обѣдала) въ домѣ генералъ-губернатора.

Императрица Александра Θеодоровна въ первый разъ была въ Ниццѣ *послѣ* кончины императора Николая Павловича въ 1856 году и выѣхала туда прямо изъ Москвы послѣ коронаціи своего сына императора Александра Николаевича и возлюбленной своей невѣстки императрицы Маріи Александровны, на короновании которыхъ она непремѣнно хотѣла присутствовать, не смотря на всю слабость своего здоровья и силъ, чтобы своимъ благословеніемъ и молитвою сопровождать ихъ при каждомъ ихъ шагѣ въ эти великіе для нихъ и для Россіи дни. Твердой волей императрица-мать преодолѣла свою физическую слабость, все перенесла и выполнила данную себѣ задачу на удивленіе всѣхъ. А онъ-то, царь и сынъ, какъ былъ тронутъ и благодаренъ своей мужественной матери, вполнѣ понимая и цѣня все, что она дѣлала для него и его супруги!

Я имѣла счастіе сопровождать императрицу Александру Θеодоровну въ этомъ первомъ ея путешествіи въ Ниццу. Свиту Ея Величества составляли слѣдующія лица: камеръ-фрейлина графиня Е. Θ. Тизенгаузенъ, фрейлины графиня А. В. Гудовичъ, баронесса А. К. Пилларъ-фонъ-Пильхау и я; изъ мужчинъ ѣхали: генералъ-адъютантъ, состоявшій при особѣ Ея Величества, графъ С. Θ. Апраксинъ, и оберъ-гофмаршалъ графъ А. П. Шуваловъ. Изъ упомянутой свиты, остаются въ живыхъ только графиня Гудовичъ (въ замужествѣ княгиня Голицына) и я. Императрица Александра Θеодоровна проживала въ Ниццѣ на „Promenade des Anglais", въ виллѣ банкира Авигдоръ, *нанятой* для Ея Величества Русскимъ дворомъ и устроенной, собственно, *безъ всякой роскоши*, въ то время еще Сардинскимъ королемъ Викторомъ-Эмануиломъ. Такъ какъ послѣдній предлагалъ свой дворецъ въ Ниццѣ для жительства нашей государыни, и это было отклонено ею, то король просилъ, по крайней мѣрѣ, позволенія убрать комнаты *нанятаго дома* для Ея Величества на свой счетъ и предложилъ своихъ лошадей и свои экипажи для выѣздовъ императрицы.

Во второй разъ императрица Александра Θеодоровна проводила зиму 1859-го на 1860-й годъ въ Ниццѣ, въ виду того, что первая зима принесла видимую пользу ея расшатанному здоровью, и медики потребовали, чтобъ Ея Величество опять возвратилась въ Ниццу, послѣ тяжкой болѣзни, перенесенной Ея Величествомъ въ концѣ зимы 1858 года. Императрица провела упо-

мянутую зиму въ Петербургѣ и не желала ѣхать опять зз границу, но въ концѣ зимы заболѣла, не имѣя силы перенести Петербургскій климатъ.

Въ этомъ второмъ путешествіи въ Ниццу я снова имѣла счастіе сопровождать Ея Величество. На этотъ разъ мы жили па виллѣ „Де-Орестисъ" тоже на „Promenade des Anglais". Графъ Де-Орестисъ, Ниццаръ, былъ женатъ па Русской, вдовѣ княгинѣ Девлетъ-Кильдеевой, рожденной Чихачевой; поэтому онъ и *предложилъ* свою виллу Русской императрицѣ па зиму.

При жизни императора Николая I-го и во все царствованіе его, императрица разъ только ѣздила въ Италію, а именно въ Палермо, па зиму 1845 года, послѣ кончины (29-го Іюля 1844 года) третьей дочери Ихъ Величествъ, великой княгини Александры Николаевны, такъ какъ горе это сильно подѣйствовало на здоровье императрицы. Жила Ея Величество, въ то время, въ Палермо на виллѣ „Олливуцца", принадлежавшей княгинѣ Буттèра, Русской по рожденію; она предложила свою прелестную виллу па проживаніе Ея Величества въ упомянутую зиму. Государь сопровождалъ своихъ супругу и дочь, великую княжну Ольгу Николаевну, бывшую еще не замужемъ. Его Величество водворилъ ихъ въ Палермо на виллѣ Олливуцца и потомъ возвратился въ Петербургъ.

Ни въ Палермо, ни впослѣдствіи въ Ниццѣ дома не покупали для пребыванія императрицы Александры Ѳеодоровны, равно какъ никогда не было дано обѣдовъ „на нѣсколько сотъ, а не то тысячъ человѣкъ, и каждый обѣдавшій уходя имѣлъ право взять съ собою приборъ, а въ числѣ прибора находился между прочимъ серебряный стаканчикъ, съ вырѣзаннымъ на немъ вензелемъ императрицы!" (стр. 346). Что за чепуха! И какъ легко вѣрилъ г-нъ Эвальдъ разсказамъ то курьера, встрѣтившагося съ нимъ на пути, то кондуктора дилижанса, ѣхавшаго съ нимъ рядомъ въ 1861 году изъ Тулона въ Ниццу! Эти люди ему положительно безсовѣстно врали (извиняюсь за выраженіе), видя, что г-нъ Эвальдъ придаетъ значеніе ихъ росказнямъ.

Сердце обливается кровью, когда читаешь и слышишь напраслины, возводимыя на священную память нашей дорогой несравненной матушки императрицы Александры Ѳеодоровны людьми, не знавшими ее, которыхъ и на свѣтѣ-то не было при ея жизни! Вѣроятно и они черпаютъ свои ложныя свѣдѣнія изъ подобныхъ же источниковъ, какъ господинъ Эвальдъ. Не нужно думать, что я пристрастно отношусь къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ; можно спросить у любого лица, близко знавшаго Ея Величество: оно тоже самое будетъ говорить.

Въ заключеніе скажу, что дѣйствительно въ Ниццѣ была куплена вилла, но ровно десять лѣтъ спустя послѣ кончины императора Николая I-го и пять лѣтъ послѣ кончины императрицы Александры Ѳеодоровны. Императоръ Александръ II-й и императрица Марія Александровна пріобрѣли часть виллы „Bermon", гдѣ скончался, какъ извѣстно, дорогой сынъ Ихъ Вели-

чествъ, Цесаревичъ Николай Александровичъ, 12-го Апрѣля 1865 года, чтобъ устроить на мѣстѣ его страшныхъ страданій часовню для вѣчной молитвы за упокой его души. Часовня эта стоитъ въ Ниццѣ, какъ грустный памятникъ разрывающей душу драмы, разыгравшейся въ домѣ виллы „Bermon.“ Г-нъ Эвальдъ, вѣроятно слышавъ о пріобрѣтеніи виллы въ Ниццѣ, но не зная сути дѣла, приписалъ это расточительности императора Николая I-го. Иначе нельзя растолковать себѣ, какъ могла возникнуть мысль о покупкѣ несуществующаго въ Ниццѣ дома, пріобрѣтеннаго яко бы для государыни императрицы Александры Ѳеодоровны.

Не знаю, живъ ли еще г-нъ Эвальдъ; но, если его уже нѣтъ на свѣтѣ, то могу сказать, что онъ оставилъ жалкую память о себѣ своими невѣрными разсказами.

Я не могу допустить ложныхъ отзывовъ о въ Бозѣ почившей государынѣ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, имѣвъ счастіе быть при особѣ Ея Величества съ моего малолѣтства до ея смерти.

Императрица Александра Ѳеодоровна воспиталась и была подругою дѣтства матери моей, статсъ-дамы баронессы Цециліи Владиславовны Фредериксъ, рожденной графини Гурôвской, и когда судьба свела ихъ въ ихъ новомъ отечествѣ (мать моя вышла замужъ въ 1815 году за Русскаго офицера барона Петра Андреевича Фредериксъ), то Ихъ Величества стали благодѣтелями, а императрица Александра Ѳеодоровна второю матерью всего нашего семейства. Послѣ смерти матери моей, въ 1851-мъ году, я была взята во фрейлины Ея Величества и не разлучалась съ государыней до ея кончины въ 1860-мъ году. Послѣ же смерти императрицы Александры Ѳеодоровны я осталась тоже самой приближенной фрейлиной въ Бозѣ почившей императрицы Маріи Александровны, такъ что бытъ и характеръ членовъ нашей Царской семьи мнѣ вполнѣ знакомы, и словамъ моимъ вполнѣ можно вѣрить.

Въ настоящее время свои преклонныя лѣта отживаю я на покоѣ, на южномъ берегу Крыма, въ городѣ Ялтѣ и пишу свои записки, которыя выдутъ въ свѣтъ послѣ моей смерти. Рѣшилась же я писать ихъ, потому что мнѣ безпрестанно приходится слышать и отвѣчать на нелѣпѣйшіе вопросы о моихъ благодѣтеляхъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ, императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и о всей ихъ дорогой семьѣ.

Я позволила себѣ сказать эти нѣсколько словъ о моей жизни, такъ какъ нашла это нелишнимъ для удостовѣренія моей статьи.

Баронесса Марія Фредериксъ.

Ялта, Сентябрь 1896 года.

І. А. РЕУТЪ.

Въ статьѣ П. Л. Юдина („Русскій Архивъ" сего года, вып. 9) о ссыльныхъ 1812 года помѣщена автобіографія Б. М. Реута. При чтеніи (стр. 25) о существующихъ въ Россіи Реутахъ я вспомнилъ, что на Кавказѣ въ числѣ выдающихся служебныхъ дѣятелей былъ генералъ-лейтенантъ Реутъ, Іосифъ Антоновичъ *). Князь М. С. Воронцовъ очень уважалъ почтеннаго генерала, часто приглашалъ его къ себѣ на обѣды и съ удовольствіемъ съ нимъ бесѣдовалъ, слушая его разсказы и разговоръ о Кавказскихъ происшествіяхъ. І. А. Реутъ, въ чинѣ полковника, командовалъ 42 или 43 егерскимъ полкомъ, съ которымъ въ 1826 году занимали крѣпость Шушу, столицу богатѣйшей провинціи Карабахъ. Вся Персидская армія, подъ начальствомъ Абасъ-Мирзы, осадила Шушу. Не взирая на свою малочисленность, на недостатокъ вооруженія, снарядовъ, продовольствія, воды, гарнизонъ, отрѣзанный отъ всякаго сообщенія съ Тифлисомъ, благодаря стойкости и распорядительности Реута, выдержалъ продолжительную осаду и не поддался на льстивые уговоры Абасъ-Мирзы, предлагавшаго ему свободный пропускъ съ оружіемъ. Персіяне, наконецъ, вынуждены были снять осаду и поспѣшно уходить въ виду приближавшихся Русскихъ войскъ.

Полковникъ Реутъ съ тѣхъ поръ сталъ извѣстенъ не только на Кавказѣ, но и въ Петербургѣ. Произведенный въ генералы, онъ одно время управлялъ Талышинскими ханствами (Ленкорань), а въ сороковыхъ годахъ былъ назначенъ членомъ Совѣта Главнаго Управленія Кавказскимъ краемъ. Князь Воронцовъ поручилъ ему предсѣдательство въ коммиссіи по благоустройству г. Тифлиса, при чемъ Реутъ оказался вполнѣ на своемъ мѣстѣ: началось устройство мостовыхъ, проведеніе новыхъ улицъ, особенно въ предмѣстьи Куки, гдѣ одна улица и до сихъ поръ носитъ названіе „Реутовской". Имя его попало и въ шуточный экспромтъ графа Сологуба, сказанный въ 1854 году, когда Тифлисъ считался въ опасности отъ нашествія Шамиля, который мечталъ яко бы о соединеніи съ Турецкими войсками Омера-паши:

Враги бѣдой намъ угрожаютъ;
Но ты не бойся ихъ, народъ:
Надежно насъ оберегаютъ
Реадъ, Реутъ и Ротъ.

Первый былъ временно главнокомандующимъ, за выѣздомъ князя Воронцова, до назначенія Муравьева, а третій Тифлискимъ комендантомъ. Старый холостякъ, генералъ Реутъ потомства не оставилъ. Умеръ онъ въ Тифлисѣ, съ которымъ совершенно сроднился, проведя всю жизнь за Кавказомъ. Оставаясь католикомъ, онъ былъ вполнѣ Русскимъ человѣкомъ и вѣрнымъ слугой государству.

А. Зиссерманъ.

Лутовиново, Сентябрь 1896.

---

*) Скончался 9-го Октября 1855 года, 68 лѣтъ, въ Тифлисѣ (см. Сборн. Имп. Русск. Ист. Общества, LXII, 210). П. Б.

КЪ ПОРТРЕТУ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Юность всегда и вездѣ имѣетъ въ себѣ неотразимую прелесть, потому что съ нею соединено понятіе о надеждѣ, бодрящей и оживляющей (безнадежность хуже смерти). Особенно привлекательна юность царственная, такъ какъ на ней покоятся свѣтлыя упованія цѣлаго народа. Цесаревичъ Николай Александровичъ, второе дитя Александра Николаевича и Маріи Александровны, родился 8 Сентября 1843 года. Первымъ его горемъ была утрата старшей сестры-отроковицы, великой княжны Александры Александровны. Ему было 12 лѣтъ отъ роду, когда скончался его дѣдъ Николай Павловичъ, такъ высоко цѣнившій нравственную доблесть его матери и столько потрудившійся во благо Россіи и своего преемника. Трогательно-величавая и поучительная его кончина должна была оставить глубокій слѣдъ въ душѣ царственнаго отрока. За тѣмъ, черезъ девять лѣтъ, свѣтлыя и уже мужавшія думы юноши-цесаревича были омрачены покушеніемъ Каракозова.

Таковы внѣшнія черты его жизни. Развитіе внутреннее не оглашалось. Извѣстно, однако, что воспитаніе его было образцовое, и онъ съ раннихъ поръ вознаграждалъ своими успѣхами заботы родителей и наставниковъ. Онъ узнавалъ Россію во всѣхъ подробностяхъ ея исторіи и быта. О путешествіи его отъ Петербурга до Крыма въ 1863 году имѣемъ мы прекрасную (нынѣ рѣдкую) книгу К. П. Побѣдоносцева и покойнаго И. К. Бабста (Москва, 1864, 8 и 568 стр.). Русскіе люди, дорожащіе своимъ прошедшимъ, обязаны благодарностью Ѳ. А. Оому и И. П. Хрущову за все то, что́ они сообщили о Цесаревичѣ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» («Русскій Архивъ» сего года, вып. 7, 8 и 9).

Но этимъ еще не удовлетворяется справедливая любознательность Русскаго человѣка: мы говоримъ о полной біографіи Цесаревича, которая можетъ составить цѣлую книгу и украситься произведеніями его пера. Когда пишущему эти строки посчастливилось говорить о томъ почившему Государю Александру Александровичу, то Его Величество не только вполнѣ одобрилъ мысль о собраніи и напечатаніи писемъ Его брата, но изволилъ сказать, что Самъ желалъ бы заняться ихъ изданіемъ. Біографія Цесаревича Николая Александровича сохранитъ навсегда для потомства необычайно-привлекательный образъ юноши, къ которому примѣнимы слова поэта:

Цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ,
Потухъ огонь на алтарѣ!

Прилагаемый портретъ Цесаревича снятъ съ *рѣдкой* фотографіи, подаренной имъ самимъ Ѳ. А. Оому. П. Б.

Краткія археологическія свѣдѣнія о предкахъ Славянъ и Руси. I. А. Хайновскаго, вып. I. Кіевъ. 1896 г.

Прекрасно изданная книга г. Хайновскаго представляетъ собой опытъ новаго объясненія происхожденія Руси, основаннаго главнымъ образомъ на цѣломъ рядѣ весьма удачныхъ раскопокъ кургановъ и городищъ, изъ которыхъ предметы хранятся въ богатомъ и разнообразномъ по содержанію музеѣ древностей, составляющемъ собственность автора книги. Не входя въ детальный критическій пересмотръ обширныхъ новыхъ свѣдѣній по историко-этнографическимъ вопросамъ, касающимся древнѣйшаго Русскаго быта, слѣдуетъ остановиться на оригинальномъ описаніи коллекцій древностей, представляющемъ попытку дать первый Русскій *объяснительный каталогъ* (catalogue raisonné) древностямъ разныхъ эпохъ, разныхъ мѣстностей и народовъ. У г. Хайновскаго каждому отдѣлу предшествуетъ небольшое вступленіе общаго характера, изложенное популярно и наглядно. Предметы, собранные въ музеѣ г. Хайновскаго, весьма разнообразны. Начиная каменными орудіями палеолитическаго и неолитическаго періодовъ, мы видимъ въ музеѣ и древности Греческихъ Черноморскихъ колоній, древнѣйшихъ племенъ Руси (Полянъ, Дулебовъ и Древлянъ), и церковныя древности разныхъ эпохъ, и предметы старинной Русской культуры, и наконецъ солидную коллекцію картинъ Русскихъ и западныхъ мастеровъ, эмали, миніатюры, гравюры и т. п.

Интересныхъ предметовъ очень много. Такъ, слѣдуетъ упомянуть о серебряной братинѣ, принадлежавшей царю Михаилу Ѳеодоровичу и впослѣдствіи пожалованной стольнику Бутурлину Большому Петромъ Великимъ. Далѣе, интересны также жалованныя табакерки. Среди нихъ мы находимъ табакерку изъ слоновой кости, пожалованную императрицей Екатериной II строителю памятника Петру Великому, съ изображеніемъ памятника и датой: „лѣто 1782 Августа 6 дня"; золотую табакерку, пожалованную императоромъ Павломъ I воспитателю сыновей его графу Коновницыну въ 1796 году; золотую табакерку, пожалованную Московскому генералъ-губернатору князю Долгорукову въ 1841 году императоромъ Николаемъ I; табакерку, пожалованную извѣстному барону Мелеръ-Закомельскому, автору многихъ трудовъ по военной исторіи, „за зимнюю экспедицію при Урусъ-Мартанѣ въ Малой Чечнѣ въ 1848 году". Краткія предисловія къ нѣкоторымъ отдѣламъ представляютъ большой интересъ. Весьма интересны историческіе очерки керамики, терракоты, фарфора, тканей Литовскаго производства, парчевыхъ издѣлій Слуцкихъ фабрикъ и оружія, начиная съ древнѣйшихъ временъ. Такимъ образомъ читатель описанія музея г. Хайновскаго, приступая къ знакомству съ какимъ нибудь отдѣломъ древностей, уже подготовленъ небольшимъ предисловіемъ къ каждому отдѣлу и, благодаря этому, предметы музея остаются въ памяти читателя, и даже при самомъ чтеніи описанія легче составить приблизительное понятіе о данномъ предметѣ, тѣмъ болѣе, что въ описаніи всегда почти указывается употребленіе этого предмета въ старинной жизни и даже его культурное значеніе.

Къ книгѣ г. Хайновскаго приложено двадцать прекрасно исполненныхъ фототипій съ наиболѣе выдающихся предметовъ.

Если бы книга г. Хайновскаго послужила образцомъ для описаній другихъ подобныхъ же собраній древностей, то археологическія знанія, изложенныя въ видѣ простыхъ и популярныхъ очерковъ, развивая вкусъ и уваженіе къ памятникамъ старинпаго быта, тѣмъ самымъ сдѣлались бы достояніемъ многихъ, а не однихъ только спеціалистовъ.

А. Яцимирскій.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1896 года.

„Русскій Архивъ“ въ 1896 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книга „Архива Князя Воронцова“).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1896 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884**, **1887**, **1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ съ пересылкою по 7 р. Годы **1874**, **1877**, **1878**, **1879** и **1880** по 5 р., съ пересылкою по 6 р. Годы **1890**, **1891**, **1892**, **1893**, **1894** и **1895**-й по 7 р. съ пересылкою по 8 р. Остальныя годовыя изданія «Русскаго Архива» вышли изъ продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ**.